

ИРИНА
ЛОБУСОВА

МОНАСТЫРЬ
ДЬЯВОЛА

Ирина Лобусова
Монастырь дьявола

«Автор»

2014

Лобусова И. И.

Монастырь дьявола / И. И. Лобусова — «Автор», 2014

Если в стене старинного замка вдруг приоткрылась дверь, это еще не значит, что в нее нужно входить. Существует средневековая поговорка: «дьявол обожает монастыри». Особенно те, за стенами которых скрывается страшная тайна, уходящая корнями в глубокое средневековье, и начавшая жизнь заново в современности. Отправляясь в автобусное путешествие по средневековым замкам Европы, главный герой ничего не знал о дверях, открытых в стене. После катастрофы автобуса, вместе с двумя случайными спутниками, он находит заброшенный замок в лесу. В замке происходят мистические события – главному герою предстоит спасти древнюю рукопись и странный крест, чтобы исполнить древнее пророчество. Трагедия его семьи тесно переплетется с трагедией двух женщин, жительниц средневекового городка, бывшего прежде на месте замка-монастыря, двух женщин – матери и дочери, однажды столкнувшихся с инквизицией.

© Лобусова И. И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

1435 год, Восточная Европа	5
2009 год, история главного героя	9
2013 год, Восточная Европа	10
2009 год, Россия, Смоленская область	15
2013 год, Восточная Европа	18
2009 год, Россия, Смоленская область	20
2013 год, Восточная Европа	23
2009 год, Россия, Смоленская область	26
2013 год, Восточная Европа	28
2009 год, Россия, Смоленская область	31
2013 год, Восточная Европа	35
2009 год, Россия, Москва	38
2013 год, Восточная Европа	42
2009 год, история главного героя	43
2013 год, Восточная Европа	44
2009 год, Россия, Москва	47
2013 год, Восточная Европа	50
2009 год, история главного героя	53
2013 год, Восточная Европа	54
2009 год, рассказ врача	57
2013 год, Восточная Европа	61
2009 год, история главного героя	64
2013 год, Восточная Европа	66
1413 год, Восточная Европа	67
2009 год, Россия, Москва	70
1413 год, Восточная Европа	73
1413 год, Восточная Европа	76
2009 год, история главного героя	81
2013 год, Восточная Европа	84
2009 год, история главного героя	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ирина Лобусова

Монастырь дьявола

1435 год, Восточная Европа

В тот момент, когда катапульты подогнали к стенам, большинство осаждающих поняли: замок пал.

Мощные стенобитные орудия выглядели устрашающе. Крепкие каркасы из бревен, веревки, рычаги, приспособления для метания камней и, конечно, снаряды – тяжелые обломки скал. Вот уже больше трех суток каменные стены замка поливали дождем из огня. Осаждающие снова и снова решались на приступ, и каждый раз атаки были отбиты невидимыми защитниками, которые прятались за желтыми стенами. Замок представлял собой неприступную цитадель, и стены его (выше и крепче любых крепостных стен) способны были выдержать ни одну осаду.

Около трех тысяч осаждающих с ревом и гиканьем бросались на штурм, и каждый раз невидимые руки уничтожали длинные лестницы и осадные башни, отбрасывая их от стен. Крики раненых, стоны умирающих, яростные вопли фанатиков, лязг оружия, огненные стрелы, потоки свинца, льющегося на головы – все это сливалось в единый чудовищный вопль настоящего хаоса, имя которого беспощадно – война. Армия осаждала замок – последнюю не взятую цитадель в самом сердце раскаленной, пылающей огнем восстаний земли.

Кое-как согнав в кучу разрозненные отряды, состоящие, в основном, из плохо вооруженных крестьян и старых солдат, рыцарь в блестящих доспехах с крестом, на вороном коне, выехал перед строем.

– Во имя Господа, уничтожим монастырь дьявола! Сотрем с лица земли пристанище ведьм! Уничтожим храм сатаны! Во имя Господа!..

– А-а-а!!! – отозвалась толпа бешеным ревом. Из глоток фанатиков вырвался звериный вопль, в котором с трудом можно было различить отдельные слова.

– Смерть проклятым ведьмам! Смерть им! Сотрем с лица земли храм сатаны! А-а-а!!!

Вопль разносился над людским морем, словно усиливаясь ветром в тысячу раз. Рыцарь высоко поднял над головой меч. Сотни людей, потрясая оружием, бросились на штурм.

Вооружение армии и состав ее были весьма своеобразны. Несколько рыцарей-крестоносцев командовали тремя тысячами рекрутов, наспех собранных в ближайших деревнях. Исключение составляли старые ветераны-солдаты, прошедшие не один бой, а потому не желавшие рисковать попусту. Солдаты были вооружены пиками выше человеческого роста, с металлическим острием. Эти пики представляли собой грозное, но в ближнем бое – абсолютно бесполезное оружие. Пики могли остановить конницу, даже отряд крестоносцев на полном скаку. Но в осаде замка были бессмысленны. Неуклюжее движение пикинеров часто блокировали тех, кто находился позади, оттого даже хорошо организованный отряд сбивал строй и превращался в некое подобие давки, где много людей толкались друг с другом, устраивая настоящую неразбериху.

Любимым оружием большинства крестьян был окованный железом тяжелый цеп, «молотило», один удар которого сбивал с коня рыцаря в полных боевых доспехах. Но, так как нападающие имели дело не с рыцарями, а с кучкой мужественных горожан, обороняющих крепостные стены, то цеп бессмысленно рассекал воздух, часто калеча своих же – тех, кто находился поблизости. Кроме этого армия крестьян была вооружена длинными копьями с крюками, заимствованными у далеких фландрских наемников, когда-то прошедших в составе различных армий по этой разрозненной земле.

Гордостью ополчения были те, кто владел примитивным огнестрельным оружием – бомбардами и аркебузами. Эти могли сбивать защитников со стен. Впрочем, рассчитывать на силы стрелков не приходилось – защитников замка надежно прятали высокие стены цитадели, множество башен, зубчатых резцов и скрытых стрелковых ниш. Солдаты с аркебузами и бомбардами держались в стороне от любого штурма – ими дорожили, и рыцарь, командующий штурмом, отдавал приказ об открытии огня только в том случае, если не было явной угрозы стрелкам.

Низшей тактической единицей армии был «ваген» (повозка). В эту повозку входило 15 человек, составляющих крошечный отряд. Там было 4 молотильщика, 5 пикинеров, 1 солдат или крестьянин с длинным копьём, 4 аркебузье́ра и 1 солдат с бомбардой. Из множества повозок, укомплектованных таким образом, составляли полк.

Если в открытом поле, против конницы, рыцарей или таких же отрядов у солдат были шансы на победу, то во время осады замка все их умения и даже опыт были равны нулю. Молотильщики никого не могли сбить, аркебузье́ры попадали в стены, а бомбарды стреляли по зубцам крепостных стен вместо противника.

Снова и снова отряды бросались на приступ. Но бессмысленно было осаждать высокие стены. Ворота замка, оббитые листовым железом, даже не трещали под ударами огромных осадных бревен, которые (побросав свое привычное оружие) волокла толпа крестьян.

В отдалении от основных событий, на холме, разговаривали двое. Первый был рыцарем, на доспехах которого был изображен крест – символ принадлежности к святой вере. Вторым был щуплый, сутулый человек лет 40-ка, с желтым, испитым лицом. По богато раскрашенному перу на берете и массивной золотой цепи с гербом в нем можно было угадать наместника провинции – человека, облаченного огромной властью.

– Все это напоминает мне битвы в святой земле, Ваша светлость, – рыцарь почтительно склонил голову, обращаясь к собеседнику.

– Не стоит сравнивать святые земли, битвы в которых были освящены господом, с проклятым местом, где царит зло! – наместник поджал узкие, сухие губы, не поворачиваясь к рыцарю.

– Разве правду говорят о том, что в городе – монастырь сатаны?

– Истинную правду! – знатный вельможа еще сильнее поджал губы, – там находится монастырь дьявола. Это место проклято. Наш святой долг – очистить эту землю от скверны и стереть город с лица земли, чтобы никогда и нигде не упоминалось о нем!

– И установить контроль над центром провинции, не так ли? Загасив основной очаг сопротивления?

Но эти слова знатный господин даже не удостоил ответом. Армия встретила ликующим ревом появление катапульта и других стенобитных машин.

– Помнится, Иерусалим тоже не могли взять до тех пор, пока не были построены осадные орудия, – продолжил рыцарь как ни в чем ни бывало, словно не замечая не ловкой паузы в разговоре.

– Герцог щедр, – наместник провинции вытолкнул эти слова, почти не разжимая губ.

– Катапульти зарядить! – приказ был встречен ликующим ревом.

– Разве в городе осталось много жителей, способных выдержать осаду? – рыцарь насмешливо покосился на наместника, – значит, не всех выморили ваши крестьяне, отрезав пути для продовольствия, ввозимого в город?

– Ваше дело командовать, а не задавать глупые вопросы! – взорвался наместник, – Я доложу герцогу об этой нелепой осаде! Вы потеряли столько времени и людей, а замок до сих пор не взят!

– А вы знаете, сколько времени брали Иерусалим? – бросив еще один насмешливый взгляд (в котором отчетливо угадывалось презрение) в сторону наместника, рыцарь поскакал вниз, к войскам.

Первый же залп проделал в стенах значительную брешь. Когда мощный грохот ознаменовал начало нового приступа, фонтаны желтой пыли, обломки огромных камней рухнули вниз, придавив не малое количество солдат. Жуткие вопли раздавленных потонули в грохоте падающих стен. Желтая пыль смешалась с потоками человеческой крови и так застыла на земле. Несколько залпов катапульта, произведенных почти без перерыва, нанесли значительный урон крепости.

Толпа, осаждавшая замок, взвыла. Все – от крестьянина до профессионального солдата, закаленного в битвах, понимали: замок почти взят.

Рыцарь взмахнул мечом, посылая солдат в проломы (катапульты тем временем пережаривали), как вдруг...

Черная фигура, выросшая наверху крепостной стены, заставила отшатнуться солдат. Черная фигура женщины, монахини в длинной рясе, простерла руки над стенами замка. Солдаты, пятясь в ужасе, зашептали:

– Это она! Ведьма! Мать Маргарита! Это она!

– Убить дьяволицу! – взвыл один из старых солдат, и, взмахнув ножом, попытался бросить его в женщину. В тот же самый момент лицо его исказилось, изо рта вырвалось пугающее хрипенье, и, раскинув руки, он рухнул вниз. Из его спины торчал короткий черный меч. Кто бросил меч, солдаты определить не смогли. Во всей армии такого вооружения ни у кого не было.

– Слушайте, все! – громовой голос женщины перекрыл шум осады, – проклиная тех, кто пришел на мою землю! Прокляты те, кто забрал мой покой, души их в ад увлеку за собой! Я проклиная вас и ваших потомков! Черная тень будет на черной земле! Да придет черная чума за остатками вашего рода и уничтожит ваших далеких потомков! Черную тень вам дарю! Проклинаю вас и вашу землю! Пусть проклятие ада падет на вас!

Новый залп катапульта прервал ее безумную речь. Пошатнувшись, черная фигура безумной женщины упала вниз, со стены. В тот же самый миг стены крепости, задрожав от своего основания, рухнули вниз.

Со страшным воплем осаждающие ринулись в проломы стен. Завязалась кровавая рукопашная. Город за стенами замка вспыхнул огнем.

– Вас можно поздравить, – вкрадчивый голос обратился к наместнику.

Верный своей манере, надменный наместник не повернул к говорящему головы.

– Замок пал... Конец монастырю дьявола... – прошептал наместник, словно разговаривал сам с собой.

– Разве это значило так уж много? Из века в век, в разных местах земли будут возникать подобные монастыри дьявола – из камней и людей. Что значит падение одного из них?

– Кто вы такой? – в этот раз, не выдержав, наместник обернулся. Рядом с ним на черном коне возвышался загадочный рыцарь в доспехах черного цвета. Черное густое забрало скрывало лицо.

– В подвалах монастыря хранится несметное количество золота, – вкрадчивый голос словно ласкал слух, – возьмите его – и вы станете самым могущественным человеком в мире, могущественней самого короля. Вы приобретете такую власть, которая не снилась никому из правителей. Возьмите это золото, я дарю его вам. Ну же, вперед! Вы ведь не хотите, чтобы золото досталось кому-то еще?

– Откуда вы знаете?... – голос наместника от нервного напряжения даже охрип.

– В подвалах монастыря хранятся древние клады. Это знаменитое золото инквизиции. Сокровища, награбленные монахами. Драгоценности и золотые слитки, отобранные в ходе следствий. Вы когда-то слышали о нем?

– Да, слышал.

– Именно за этим золотом и охотится герцог. Именно за ним он послал вас сюда. Грехи монахинь были простым прикрытием. Разве не для того, чтобы сохранить в тайне от всех существование клада, он велел вам уничтожить город?

– Да, действительно... Теперь я начинаю понимать....

– Чего же вы ждете? Разве вы не хотите отомстить тому, кто был несправедлив к вам столько лет? Вы заслуживаете большего! Заберите золото себе! Герцог не достоин такого богатства!

Не выдержав, наместник пришпорил коня и лихо бросился вниз, по холму. Но, стоило коню лишь немного поскакать по наклонной дороге, как, споткнувшись о какой-то бугор, он сбросил своего седока. Наместник вылетел из седла, и, упав на огромной скорости прямо на камни, свернул себе шею. Сзади раздался оглушительный хохот. Услышать его наместник уже не успел.

Развернувшись, черный рыцарь поскакал прочь от места осады. Он скакал совсем недолго. Затем – исчез. Все три тысячи осаждающих уже ворвались в город, где на узких улочках шла кровавая бойня.

Замок пал.

2009 год, история главного героя

- «– Пап, а в замках живут привидения?
- Конечно, нет. Ты не маленькая, чтобы в это верить.
- Ты повезешь меня в замок?
- Обязательно! Если все будет хорошо, мы поедем уже этим летом.
- Здорово! А все будет хорошо?
- Конечно, будет. Все будет хорошо. И мы поедем – обязательно.
- Обещаешь?
- Обещаю.
- Я люблю тебя, папулька!
- Я тоже тебя люблю.
- Сильно-сильно любишь?
- Больше жизни!
- Пап, а знаешь, что я иногда думаю?
- Что?
- Я думаю, что замки живые...»

2013 год, Восточная Европа

Комфортабельный автобус крупной туристической компании двигался мягко и плавно, мирно усыпляя туристов еле слышным жужжанием кондиционера и темной полосой за окном. Темная полоса...

Лес. Безжизненные деревья-солдаты, черные воины, сомкнувшие свои ряды после изнурительной битвы. Они караулили дорогу, словно выжидая, когда кто-то собьется с пути и свернет не в ту сторону с гудрона шоссе. Лес производил мрачное впечатление, усиленное сумрачным днем. Тяжелые, свинцовые облака сомкнулись над рядами деревьев, не пропуская даже лучика света. Вот уже второй час автобус плыл по дороге через сплошной лес. Покачивание колес усыпляло. Но сон был слишком похож на боль. Удобно откинувшись на спинку сидения, он принялся рассматривать салон.

Пассажиров было немного. Кто-то читал иллюстрированный журнал (пожилой мужчина в очках, одной рукой поправлял дужку, а другой – нервно тербил страницы). Молодая парочка (похоже, молодожены), спали, обнявшись. Рядом с ними дремала пожилая чета. Девушка с ярко-рыжими (почти красными) волосами с увлечением жевала шоколадный батончик. Подросток в наушниках отбивал такт костяшками пальцев по подлокотнику. Мирная, ничего не значащая картина. Что нового здесь можно увидеть? Замки? Замков здесь нет.

– Войны? Что за глупости!

Детский голос вырвал его из забытья. Напротив через проход пожилая женщина что-то говорила девочке лет 10, но та упорно не хотела слушать.

– Войны? Глупости! Да любая армия просто заблудится среди этих бесконечных деревьев! Бабушка! Когда мы наконец приедем? Я устала!

Женщина, полуобняв рукой плечи девочки, что-то быстро-быстро говорила ей на ухо.... Но ребенок отмахнулся довольно бескомпромиссно:

– Да плевать я хотела на этот центр средневековья! Давай лучше вернемся в аэропорт!

– Мы скоро приедем. Потерпи.

– А я устала! Я устала и хочу домой! Кроме того, мне страшно! И еще мне скучно, я хочу спать! – девочка заерзала на сиденье, размахивая руками.

Это был толчок, резкий удар в спину. Он почувствовал всю силу удара, когда раздался звук. Звук ломающегося металла и бьющегося стекла, звук той безнадежности и страха, от которого мирное течение момента разом летит к черту. И крики, страшные, истерические, жуткие крики, оседающие в ушах, как размокшая вата. Автобус, перевернувшись, стал падать... Мирный и спокойный автобус переворачивался в воздухе и падал в какую-то бездну, и после первого удара было множество других ударов, когда стволы деревьев били о корпус, выбивая сидения и стекла. Он столкнулся с каким-то тяжелым телом, увидел рядом с собой чье-то перекошенное в жутком крике лицо.... Он оттолкнул это тело, рванулся вперед. Девочка, сидевшая напротив... Он схватил ее на лету, и амортизировал удар о поручень сидения своим телом, прижав хрупкое тельце ребенка к груди и приняв удар на себя. Судорожно вцепившись в его куртку, девочка кричала. Наконец автобус (перевернувшись в воздухе еще один раз) ударился о землю и остановился.

Люди оказались на потолке, кое-где придавленные упавшими креслами. Все пространство автобуса сразу заполнили черные, едкие хлопья гари, больно разъедавшие глаза. Девочка зашевелилась: она была жива и, очевидно, невредима. Он увидел тонкую струйку крови, стекающую по его руке(стекло, которое разлеталось в воздухе), но не обратил на это внимания. Наискосок было окно, из которого заостренными пиками торчали опасные осколки.

Он поднял ногу и ботинком стал выбивать острые осколки стекла. С хрустом посыпался стеклянный дождь. Теперь путь был свободен. Он попытался встать, держа ребенка. Потом прыгнул в окно вместе с девочкой. Он поставил ребенка на ноги, и она стала достаточно твердо.

– Ты можешь идти?

Девочка кивнула. Он толкнул ее вперед:

– Отойди от автобуса! Отойди как можно дальше!

Всхлипывая, она медленно пошла вперед – как во сне. Он смотрел, как хрупкая фигурка удаляется на безопасное расстояние, потом вернулся к автобусу. Нужно было вытащить тех, кто остался внутри. Вытащить как можно скорей.

Автобус долго катился со склона и наконец затормозил у подножия холма. Наверху виднелась серая лента шоссе. Время падения казалось бесконечным, но расстояние было совсем небольшим. И возможно даже, автобус только один раз перевернулся в воздухе. Люди дышали тяжело, их лица отражались белыми пятнами на пожухлой листве. Это было фантастической и страшной картиной. . . . И ему вдруг подумалось, что так лежат на песке рыбы. Рыбы, выброшенные на раскаленный песок из привычного океана человеческой ладонью или случайной жизненной волной.

Бабушка девочки (с растрепанными во все стороны седыми волосами и мокрым от слез лицом) прижимала ребенка к груди и плакала, целовала и плакала, словно не веря, что в этом страшном месиве из металла и стекла обе остались жить. Тяжелее всех пострадал водитель. Несколько человек (и он в том числе) оттащили безжизненное тело как можно дальше от места катастрофы. И когда несли, по его темным волосам все время текла кровь. Водитель был без сознания. Опустив раненого на траву, он отошел как можно дальше туда, где чернел застывший лес. Вначале показавшийся ему враждебным. Он не ошибся. Лес действительно был таким.

Молодой парень с профессиональным видом опустился на колени рядом с раненым водителем, и довольно успешно пытался остановить кровь.

– Удар сильный, но не смертельный. Надеюсь, мозг не поврежден. Я попытался перетянуть артерию, чтобы кровь не попала внутрь. Жить будет. А вот с ногами похуже. . . .

– Кто вы такой? – истерически рявкнул какой-то толстяк.

– Врач. Самый настоящий. Хирург. На следующей неделе выхожу на работу в больнице.

– Что вы здесь делаете? – спросила экскурсовод.

– То же, что и все остальные! – с готовностью отозвался парень, и его ободряющее спокойствие действовало как глоток свежего воздуха, – в свободную неделю решил отдохнуть. Съездить на экскурсию, посмотреть замки. Как видите, посмотрел. . . .

Женщина – экскурсовод всхлипнула.

– Нужно срочно звонить, – сказал парень и обвел их глазами – по очереди, – нужно вызвать помощь, сказать, что у нас тяжелораненый. И срочно везти в больницу. Раздроблена голень, бедро. Нужно срочно производить операцию, чтобы осколки кости не попали в спинной мозг. Если попадут, он может до конца жизни остаться инвалидом.

– Конечно. . . я сейчас. . . – женщина-экскурсовод встряхнула сумочку, нервно стала рыться в ее содержимом. Вскоре извлекла на поверхность мобильный телефон и принялась нажимать кнопки, потом потрясла. . .

– Он не работает! – теперь в ее голосе была истерика, – НЕ РАБОТАЕТ!

– Успокойтесь! – почувствовав, что настало время вмешаться, он решительно взял телефон из ее рук, – наверное, повредился при падении.

Он врал. Телефон был мертв, как бесполезный кусок пластмассы, но он не был разбит.

– Но я не падала! – женщина все время всхлипывала, – не падала! А телефон не работает! Совсем!

Громкие голоса привлекли внимание остальных, и вскоре возле них образовался некий кружок. Врач вынул из кармана джинсов мобильник, приложил к уху:

– Странно... Мой тоже не работает. Не понимаю...

После этого каждый полез в сумку или в карман. На свет оказались извлечены телефоны различных марок, моделей, спектра действия и стоимости, одинаковые только в одном. Ни один телефон не работал. Он взвесил гладкую полоску металла на ладони. Его телефон не был поврежден, не был даже поцарапан – на глянцевиной поверхности серебристого металла не было ни одной царапинки... Кожаный футляр надежно защищал и от падения, и от воды, но... Телефон не работал. Все кнопки были бесполезны. Теперь это была лишь не нужная схема из металла и проводов, пригодная только для того, чтобы полететь подальше в кусты. Он задумчиво взвесил его на ладони...

– Почему? – по щекам экскурсовода потекли слезы, и впервые она потеряла все свое профессиональное достоинство, – почему?! ПОЧЕМУ?! Что происходит? Что теперь делать?!

– Странно... – он и не заметил, что говорит вслух.

– Вы правы, это действительно странно.

Он поймал на себе взгляд врача, и неожиданно для себя кивнул ему, как старому знакомому. Возможно, потому, что среди истеричной толпы они двое сохраняли спокойствие. И внезапно он почувствовал какое-то странное родство их душ.

Женщина рыдала в голос, плечи ее тряслись.

– Ее нужно успокоить, – он посмотрел на врача, – если у всех сдадут нервы, ночью, в лесу...

Тот понимающе кивнул:

– У меня была аптечка в автобусе. Там есть и успокоительное, и снотворное. Пойду поищу.

Он успел сделать только один шаг, вернее, даже пол шага... Потом раздался взрыв.

Взрыв был такой силы, что всех отбросило вниз, в землю. Сбило с ног, покатило ударной волной. В воздух взметнулся ослепительный сноп пламени и, казалось, от удара лопнула земля. Сквозь черный дым и сноп искр искореженные куски металла рассыпались прямо в воздухе чудовищным фейерверком. Черный остов автобуса медленно лизали алые языки пламени.

Он оказался почти рядом с толстяком, бессмысленное бормотание которого вдруг показалось очень знакомым.

– Вы русский?

Толстяк замолчал и удивленно уставился на него.

– Вы русский?

– Да, разумеется. Что, узнали русские ругательства? Я – крупный бизнесмен из Москвы! А почему вы интересуетесь? Вы...

– Мои предки были родом из России. И я немного знаю русский язык.

– Понятно. Всем нам не повезло!

– Некоторым больше.

Женщина-экскурсовод плакала, по-детски закрыв лицо руками.

– Нужно найти какое-то жилье поблизости и сообщить о беде. Выбраться отсюда в поселок или ближайший городок, и тогда нам пришлют помощь. Вы ведь знаете эти места. Что тут ближе всего?

– Здесь ничего нет! Ничего! – женщина говорила сквозь бесконечные всхлипывания, но слова все равно звучали разборчиво, – поблизости нет человеческого жилья! Только лес. Ближайший поселок в трех часах езды автобусом по ровной дороге. А если идти пешком, дойти можно только к вечеру следующего дня. Это ужасно! Ужасно...

– Я не собираюсь торчать до утра в этом проклятом лесу! – завопил русский, внезапно оказавшийся прямо у них за спиной, и все вздрогнули от неожиданности, – вы обязаны что-то сделать! Вы просто обязаны связаться с вашей компанией! Я заказывал приличную экскур-

сию! Вы за это ответите! Я не собираюсь рисковать своей жизнью! Я требую прекратить это безобразие немедленно!

Крик вдалеке прервал нелепый спор. Кричала какая-то женщина, и все, как по команде, повернулись туда. Какая-то женщина держала в руках современную цифровую камеру:

– Она не работает! Не работает! Камера новая! Совсем новая! Я купила ее перед поездкой! – при каждом толчке камера жалобно звенела.

– Разбилась, когда автобус падал! Что тут такого? – сказал кто-то поблизости.

– Она не могла разбиться! Камера имеет противоударную систему! И должна работать в любых условиях! Что происходит? Почему она не работает?

Побледнев, русский вытащил откуда-то сумку, из которой, в свою очередь, извлек камеру. Он щелкал всеми кнопками, тряс, подбрасывал вверх, но это было бессмысленно – камера не работала. Люди вполголоса обсуждали происшедшее – ни у кого ни работали ни камеры, ни фотоаппараты, ни телефоны...

– А почему мы ехали только десять минут?

Как по команде, опустив свою бесполезную технику, люди обернулись на звонкий детский голос.

– Что ты говоришь, какие десять минут? – первой пришла в себя бабушка девочки.

– Баб, на твоих часах только десять минут десятого...

Очень медленно он отогнул рукав своей куртки и, вздрогнув, уставился на неподвижный циферблат. Его часы с противоударным покрытием, не ломавшиеся ни разу за пять лет, показывали 9.10 и стрелки, как приклеенные, прилипли к мерцающему кругу циферблата.

Голоса включились разом, как фонтан, будто кто-то нажал какую-то кнопку. Все говорили одновременно, разом размахивая руками. Люди пытались решить неразрешимую проблему – одинаковое время на всех (абсолютно) часах.

– Мистика какая-то.... Бред.... – так же, как все, врач потряс своими часами, – ни за что бы ни поверил...

– Это невозможно! Мы выехали из гостиницы в девять! – растерявшись, женщина-экскурсовод даже перестала плакать, – а теперь.... Теперь скоро вечер... катастрофа произошла в начале четвертого.... Значит, сейчас должно быть часа четыре!

Все подняли головы вверх и посмотрели на кусочки серого неба, видневшегося среди деревьев. День клонился к закату, солнце давно спряталось среди свинцовых облаков. Только в глубине, совсем высоко, тоненькие лучики пытались пробиться сквозь бетонно-серую стену, и в тех местах небо было немножко светлей. Он смотрел на небо вместе со всеми. До тех пор, пока люди не очнулись от сковавшего их шока и не закричали одновременно – все разом. Шум разрастался, как снежный ком, и вибрировал так, что ему хотелось заткнуть уши. Он был единственным, кто не влился в этот хаос.

Истерический женский визг действовал на нервы, как звук электропилы. Он шел отовсюду сразу, и в первые мгновения ему захотелось зажать уши руками. Цивилизованные маски сдержанности и приличий полетели в стороны. Люди на поляне превратились в обезумевшую стаю диких зверей.

Он не мог их слушать. Не мог тут быть. Он давно отвык жить среди людей. А среди таких – особенно. Впрочем, женские вопли и на большинство остальных мужчин действовали, как красная тряпка на быка. Он усмехнулся глупой иронии человеческих отношений. Женщины тратят массу усилий и денег, чтобы выглядеть красивыми, чтобы нравиться мужчинам, а потом перечеркивают все достигнутое каким-нибудь истерическим воплем, не понимая, что на таком фоне мужчина уже никогда не увидит ни модную прическу, ни красивую грудь.

Он сделал несколько шагов вперед, потом – еще несколько шагов, до тех пор, пока голоса за спиной не стали глуше, и, в конце концов, не зазвучали, как сквозь мокрую вату. Он вошел в лес, и, теряясь среди редких изумрудных просветов, мягко ступал по столетнему мху, как по

ковру в собственной гостиной. Когда у него еще была гостиная... Слишком давно... Деревья росли друг от друга на значительном расстоянии, и от этого идти было легко. Легко и мягко. Он полной грудью вдыхал пряный запах прошлогодней листвы.

2009 год, Россия, Смоленская область

В лесу было холодно и тихо. Знакомая с детства тишина.

Старые «Жигули-копейка» дребезжали по ухабистой лесной дороге. Вокруг не было ни души. Был бы кто – не пришлось бы ему, старому деревенскому священнику, трястись на ночь глядя через лес.

Но пусть кого-то другого пугают эти леса! Он знает их с детства. Каждую тропинку, каждую заброшенную дорогу – все вокруг этих мест, где прошла его жизнь. Для него лес был родным, привычным. Местом, где можно дышать свободно, Страх бы испытывал кто-то другой.... Приехавший из города, к примеру. Стоило подумать так, и мысли переключились в другое русло.

Эти приезжие из Москвы... Столичные журналисты, кажется. Наглые, разбитные, смотрящие свысока... Джип их стоил столько, сколько не зарабатывало за год все население их деревни! Разговаривали надменно, и еще так, будто делали одолжение тем, что приехали в их края.

– А правда, что в деревне пропадают люди? Но ведь вы не станете спорить с тем, что пропажа людей – установленный факт...

Сначала он пытался отмахнуться, но они приставали все настойчивей... Наконец он совершил промах – вернее, небольшую оплошность, но ее хватило, чтобы корить себя до конца дня...

Вместо того, чтобы послать их к председателю или в милицию, он вдруг ляпнул, что не в поселке, мол, пропадают, а на окраине, там, где заброшенные дома... Там была раньше церковь, а потом, во времена оккупации, немцы там жителей деревни сожгли заживо... С тех пор не живет там никто, от домов одни руины остались. И вот там, кажется, кто-то пропал.

Столичные жители обрадовались, засуетились, помчались на окраину. Долго снимали обгоревшие руины какой-то маленькой камерой, на непонятном жаргоне разговаривали между собой. К счастью, об этом никто не узнал. Но совесть его не была спокойной. Как же, священник, и распространяет глупые слухи... Он мучился до следующего утра.

А следующим утром одна из старушек, бесплатно убирающих в церкви, принесла новость, мгновенно снявшую всю тяжесть с его души.

– Председатель столичных телевизионщиков на руины послал, они передачу будут снимать про то, как людей у нас нечистая забирает... Только глупость все это, нечистая вовсе не там!

Он хотел было пристыдить помощницу за сплетни, да, услышав новость, раздумал. Новость обрадовала: значит, не только он проговорился про сожженные дома. И председатель... Теперь с души словно камень упал! Тем более, что покрутившись на руинах, телевизионщики уехали к вечеру. И слава Богу! Как бы ни произошло чего... Говоря про нечистую силу, старушка имела в виду староверцев, издавна обитавших в их лесах. Но это было неверно. Сожженные руины домов как раз и были дьявольским местом. И если был в их краях дьявол, он обитал именно там.

Задумавшись, он не заметил темную фигуру, застывшую на пороге церкви и не сводящую с него глаз.

Очень старая женщина в длинном сером платье и наглухо надвинутом на лицо черном платке стояла прямо, но не решалась переступить порог церкви. В глазах ее горели ужас и отвращение. Увидев ее, он сразу понял, кто перед ним, и знание это просто поразило его настолько, что он растерялся.

Женщина была из староверцев, раскольников – старообрядцев, давным-давно живущих в лесах. Должно было произойти что-то невообразимое, чтобы женщина решилась показаться в поселке, да еще – на пороге церкви.

Раскольники-старообрядцы появились в их лесах еще в петровские времена. Основали закрытое поселение в глубине леса и стали жить замкнуто, своей отдельной общиной. Они заключали браки только между собой, жили тем, что выращивали сами и никогда не вступали ни в какие отношения с государством.

В 30-е годы, когда по деревням прокатилась волна раскулачивания и арестов, староверы прятались и заметали следы. НКВДисты не нашли их поселка, а из местных – никто не выдал (хотя дороги к поселку старообрядцев местные деревенские жители знали прекрасно). Во времена фашистской оккупации они так же прятались, но уже не успешно. Карательные отряды СС обнаружили их общину. Но немцы не тронули их – по какой-то причине. Может, потому, что старообрядцы жили вразрез с советской властью, может, причиной был страх. Они могли напугать кого угодно: своими странно застывшими белыми лицами и горящими глазами. Все мужчины – с длинными бородами, женщины – с черными платками, глухо надвинутыми на лицо.

Старообрядцы пережили и фашистов, и советскую власть. Остались они и в современной России, продолжая жить все той же замкнутой коммуной, путь в которую для посторонних был закрыт.

Они не имели документов, не пользовались электричеством и газом, не знали, что такое телевидение, не прикасались к деньгам. Они вели свое хозяйство и жили только тем, что производили сами, включая сюда и одежду.

Избы у них были бревенчатыми, с кружевными старинным оконными наличниками, как в допетровские времена.

Впрочем, чужаков в своих краях они уже не встречали так враждебно, хотя и не вступали в контакт. Как ни пытались, как ни бились любые власти, они ничего не смогли с ними сделать, и в конце концов на старообрядцев махнули рукой. Живут тихо, никого не трогают, и пусть себе живут, как хотят! Никто из начальства не желал себе лишней головной боли. Что же касается местных, то деревенские избегали попадать на их территорию. Это было очень страшно.

Когда в их бревенчатом поселке появлялся чужак, то все население, все старообрядцы выходили из домов, молча окружали чужака и так теснили к выходу за пределы своей территории, ничего не говоря, не прикасаясь руками, только сверкая страшными горящими глазами на застывшем белом лице.

Дети у них были точно такие: с горящими глазами и белыми лицами, молчаливые и серьезные не по годам. Излишне говорить, что дети никогда не посещали школу. Они находились в замкнутом мире взрослых.

И вот теперь одна из них стояла на пороге церкви, глядя на него, священника, но все-таки не решаясь войти.

Вне себя от изумления, он пошел прямо к ней. При его приближении на лице старухи отразилось некое подобие отвращения, но она быстро взяла себя в руки. И, когда он приблизился, сказала вполне мирно:

– Ты должен пойти. Тебя ждут.

– Пойти? Куда?

– Моя старшая сестра тайно послала за тобой. Она умирает. Ей нужен ты. И я покрываю ее страшный грех.

– Ей нужен православный священник?

– Именно ты, исчадие ада..

– Разве она другой веры?

– Она всегда была одной из нас. Но теперь... Моя сестра умирает, ей недолго осталось жить. И перед смертью она должна передать тебе кое-что... Она не сможет умереть спокойно, если не передаст это перед смертью тому, кто сможет остановить зло...

– Остановить зло?

– Не перебивай! Времени слишком мало! Моя сестра хранила это до конца своей жизни, но теперь смерть пришла за ней. Она отдаст это тебе, и ты остановишь зло. Иначе алчные руки могут добраться раньше, и придет другой мир, мир зла, в котором не спасется и горстки людей....

– Но что...

– Молчи! Ты все узнаешь! Ты должен приехать с наступлением темноты к нашему поселку. Ты знаешь, где он находится?

– Знаю.

– Третий дом слева, в самом конце, на границе с лесом. Подойди к окну погреба. Я впущу тебя внутрь. Потом так же незаметно уйдешь обратно. Машину оставишь в лесу. Ты придешь сегодня?

– Я ничего не понял из твоего рассказа, но, конечно, я приду, чтобы утешить перед смертью твою сестру!

– Ей не нужно твое утешение! Ты должен прийти, если хочешь спасти тех, кто живет в твоём мире! Иначе будет поздно.

– Я приду.

Развернувшись, женщина почти бегом стала удаляться от церкви, двигаясь к окраине деревни.

И вот он ехал через лес. Близкие сумерки бросали длинные тени. Прямые стволы деревьев были похожи на солдат, застывших перед решительной битвой.

Самой тяжелой – из всех.

2013 год, Восточная Европа

Светлый лоскут какой-то ткани мелькнул из-за дерева достаточно быстро, но он успел заметить. Впереди не слышалось никаких звуков, и он пошел дальше, прислушиваясь тщательнее, чем прежде. Громкий хруст веток под ногами заставил его остановиться. Просвет впереди становился все ярче и больше. Ткань из-за деревьев мелькнула во второй раз. Он выбежал на большую поляну посреди леса, поросшую свежей изумрудной травой, окруженную пышными, но низкими кустами и остановился, пораженный открывшейся картиной.

По поляне за бабочкой бегала девочка лет 8, и, раскинув руки в стороны, весело и заразительно смеялась. Он никогда не видел ребенка такой красоты. Казалось, в румяном личике девочки соединились все современные яркие краски компьютерных технологий и совершенное искусство живописи с полотен древних мастеров. В ее овальном лице с огромными серыми глазами было что-то от ангела. Если ангелы существуют, они должны быть именно такими! Длинные вьющиеся волосы ребенка были свободно распущены за спиной, и при каждом взмахе ее рук рассыпались в стороны, играя на свету удивительным, насыщенным оттенком золотистого цвета. От красоты ребенка захватывало дух, и в первые мгновения он не заметил странность: ее одежду. Дело в том, что ребенок был очень странно одет. На ней был зеленоватый передник, соединявший белую блузку с широкими рукавами и длинную юбку из желтой, холщовой ткани. Даже на таком расстоянии было видно, что ткань – очень грубой выделки. Но самой странной деталью одежды были ее башмаки. Грубые, тяжелые башмаки, казалось, были выточены из цельного куска дерева. Он никогда не видел подобного. Башмаки уродовали красивые ножки девочки. Эта деталь так явно бросалась в глаза, что он застыл на поляне, медленно переваривая информацию... Потом он увидел женщину.

– Мама, поймай меня! Мамочка! Мама!

Повернув голову в сторону, он увидел, что девочка на поляне была ни одна.

Женщина стояла в кустах, и зеленые ветки касались ее одежды. Потом, услышав голос девочки, она вышла на поляну. Не нужно было двух взглядов, чтобы определить: перед ним мать и дочь. Девочка была похожа на женщину как две капли воды, только красота женщины была немного суше и строже. Она бесспорно была красива: высокая, статная женщина лет тридцати, с красивой, как у статуи, фигурой и налитой грудью. У нее были прямые, длинные волосы того же золотистого оттенка, как у девочки, только немного темней. Распущенные, они падали на плечи и спускались за спину. Выразительные глаза женщины внимательно следили за девочкой, в них отражались огромная любовь и глубокая нежность – глубокая, как бесконечное небо над ними. В этой сцене было что-то очень интимное, по особому трогательное. Вся душа этой женщины заключалась в ее дочери, и на какой-то момент он залюбовался этим неприкрытым обожанием, первобытным, немного похожим на бешеную силу дикого зверя, на ту ярость, с которой хищницы в кровавой схватке защищают своих детенышей. Это было и прекрасно, и немного пугало – и неизвестно, чего было больше: печали, тревоги или чарующей красоты.

Потом он заметил одежду женщины. Ее одежда выглядела так же странно, как и одежда ребенка. Белая блузка с широкими рукавами. Длинная (до земли) юбка из той же грубой ткани желтоватого оттенка (домотканая шерсть? Холст?). Одежда выглядела не просто бедной или нелепой, она выглядела странной. Он много путешествовал и много видел, но такого ему не доводилось видеть никогда.

– Мамочка, поймай меня! Мамочка! Мама!

Женщина подхватила девочку на лету, подняла высоко в воздух. Они закружились по поляне. Они все кружились и кружились, девочка заливалась счастливым смехом, на лице жен-

щины было написано неприкрытое счастье... На какое-то мгновение они словно стали одним целым, и от красоты этой сцены у него перехватило дух.

Женщина опустила девочку на землю:

– Нам пора уходить.

– Мамочка, ну пожалуйста! Еще немножко!

– Нам пора. Ты же знаешь... – и внезапно лицо женщины стало грустным, обозначив горькую морщинку у рта. Девочка доверчиво протянула ей ладошку. Женщина взяла ребенка за руку, и обе пошли по направлению к кустам. Возле одного из кустов они остановились. Женщина сорвала лист, показала его девочке, и что-то тихо-тихо сказала. Ребенок слушал очень внимательно. Тогда женщина принялась срывать с куста листья, более темного оттенка, чем остальные, проводя по каждому своими тонкими белыми пальцами.

Он сделал шаг вперед и крикнул(более громко, чем сам хотел):

– Эй, подождите! Послушайте! Подождите меня!

Вздвигнув всем телом (женщина даже не повернула в его сторону головы) девочка вдруг стремительно выдернула свою ладошку из руки матери и помчалась назад, на поляну. Она пересекла всю поляну, взяла что-то с земли и так же бегом вернулась к матери. Он сделал несколько шагов вперед – и застыл, пораженный тем, что девочка держала в руках. Девочка держала в руках куклу.

Это была деревянная кукла, завернутая в желтоватый кусок холста. Самая настоящая деревянная кукла! У нее были волосы из грубой пакли, торчащие во все стороны, как испорченная мочалка. Ее лицо было размалевано красками – так грубо, что кукла напоминала больше маленькое пугало, чем детскую игрушку. Перед ним в мгновение ока пронеслась вся современная кукольная индустрия с миллиардными затратами и прибылями: все эти Барби, Синди, русалки, Шреки. Он видел разные игрушки... Но он никогда не видел такой. Девочка прижимала ее к груди с той удивительной нежностью, с которой каждый ребенок держит на руках своего единственного любимца.

– Подождите! Эй, послушайте! – он рванулся вперед и побежал так быстро, как только смог, – да остановитесь же! Послушайте меня! Эй!

Кусты жалобно заскрипели, когда он врезался в них всем телом... Но за кустами, за стволами деревьев не было уже никого. Женщина с девочкой исчезли, словно провалились сквозь землю.

2009 год, Россия, Смоленская область

Руки дрожали. Едкий, соленый пот заливал глаза. Алая крошечная капля упала на руку. Из носа шла кровь. Он стер тонкую струйку дрожащей ладонью.

Кое-как вытащил ключи зажигания, заглушил мотор. Старенькая «копейка» замерла, уныло захрипел (словно вздохнув – на прощание). Он не удержал дрожащей рукой ключи, и они упали вниз, к ногам – он не стал поднимать. Затем с трудом распахнул дверцу.

– Батюшка, свят-свят... Да что с вами?!

Знакомый голос заставил поднять глаза. Одна из его прихожанок, старая говорливая богомолка, ковыляла по улице деревни. Поравнявшись с его машиной, старуха не могла удержаться от соблазна заглянуть внутрь. И вот теперь вопила, заставляя его дрожать еще больше от звуков визгливого голоса.

– Батюшка, да что с вами?! У вас на лице кровь!

– Из носа пошла... – он попытался ответить, но это было невыносимо, – давление, наверное....

– Вам плохо?

– Сердце что-то прихватило...

– Я на помощь позову, сейчас. Сейчас....

– Нет! Нет, не надо! Со мной все в порядке! Пойду домой потихоньку – пройдет.

– Может, жену вашу позвать? Я мигом!

– Нет! Не надо, я сказал! – от резкости в его голосе богомолка дрогнула, и он быстро попытался исправить свою ошибку:

– Спасибо, милая... Иди с богом.... Благослови тебя Господь...

Странно оглядываясь, не успокоенная миролюбивыми нотками в его голосе, богомолка засемила вперед.

Двигаясь с трудом (все его тело словно налилось бетоном, и было невозможно сдвинуть эту массу с места), он вылез из машины, держась за дверцу. Немного постоял, вглядываясь в ставший совершенно другим мир, и тяжело пошел вперед, припадая на одну ногу... Идти не хотелось. В правой ноге вдруг появилась резкая боль, словно сверток в правом кармане жег огнем ногу... И действительно карман вдруг стал невыносимо тяжелым, как будто сверток на самом деле увеличил свой вес.

На снегу оставались его тяжелые следы. Ему вдруг показалось, что снег стал черным. Иначе и быть не могло – рухнул его мир, тот мир, который он любил и знал, и за какой-то час он вдруг оказался в аду. И этот ад открывшегося кошмара накладывал свой неизгладимый отпечаток на то, что знал и любил столько лет, превращая всё, что было дорого его сердцу, в черные, дотла сожженные руины. Он был слишком стар для таких превращений, но это произошло именно с ним – старым деревенским священником, в привычном мире которого вдруг распахнулись двери ада.

Он не был экзорцистом. Он никогда не имел дел с сатаной, не сталкивался с ним лицом к лицу. И вот теперь именно он, он один, старый деревенский священник, обречен на старую битву. Легкость решения, пришедшего словно бы с интуицией из глубины души, заставила его вдохнуть полной грудью. Ну конечно же, он должен поговорить с экзорцистом! С кем-то, кто уже сталкивался с таким, кому привычен другой мир, кто способен без страха заглядывать в пылающую бездну... Этот адский кошмар, в который он оказался вовлечен, должен быть понятен и привычен тому, кто знает, как выглядит зло. Не тот смешной, абстрактный чертик с вилами и рожками, которого издавна рисуют бесхитростные художники в сельских церквях, а настоящее зло. Зло. Пришедшее из другого мира, открывающее двери в другой мир. Он так и сделает. Так и поступит. Поговорит с кем-то, кто....

Впереди показались знакомые очертания его дома, свет, горящий в окне... Все такое знакомое, спокойное, привычное. Он ускорил шаги, как от деревянного забора отделилась черная тень.

Тень резко перегородила дорогу, рядом с ней появилась вторая, третья, и грубый голос произнес:

– А ну, дед, подожди!

Он отступил назад. Те, кто перегородили ему путь, следуя за ним, вступили в полосу света, отбрасываемую тусклым фонарем возле дома.

Их было трое. Трое молодых парней в черных кожаных куртках и тяжелых армейских ботинках, с безразличными лицами, словно вытесанными из дерева топором.... Бандиты. Бандиты, приехавшие из города. Неподалеку виднелся черный автомобиль – слишком шикарный для того, чтобы ездить по сельским дорогам.

В троих бандитах, окруживших его, было что-то общее, словно все они были похожи друг на друга, как близнецы. Конечно, это было абсурдом, но все же.... В другое время он перепугался бы до полусмерти, но теперь страх куда-то ушел. После того, что он узнал час назад, страха для него уже не было.

Он отступил, безразлично глядя на них – без вызова, но и без ужаса, на который они надеялись.

– Слышь, дед, тут разговор есть... Дело к тебе.

– Что вам нужно?

– Ты у староверов сейчас был, так? Ну, у этих психов-раскольников, которые в лесу живут.

– Кто вы такие?

– Да не важно это, дед! Ты вот что скажи – у староверов был?

– Я ничего не собираюсь вам говорить.

– А придется! Дед, ты на конфликт-то не иди, мы к тебе с миром. Поговорить по-хорошему.

– О чем поговорить?

– Отдай нам то, что ты от раскольников принес. Отдай нам это!

– Что это значит?

– мы заплатим, хорошо денег дадим. Мы не так просто, ты не думай, дед. Зачем тебе нужна эта страшная вещь? Зачем тебе голову-то морочить? Отдай нам, и всего-то забот!

– И что вы будете с этим делать?

– А это уже не твои проблемы, дед! Твои – поскорее избавиться от этой штучки! Ну так как, а? Продашь?

– Кто вас послал?

– Дед, ну ты все какие-то глупые вопросы задаешь! Ты лучше мозгами пораскинь! Зачем тебе лишние неприятности? Отдай нам – и всего дедов! И мы довольны, и сам успокоишься!

– Вам очень нужна эта вещь?

– Ты, дед, себе не представляешь, как! Отдай нам, чего тебе-то самому возиться? Возьми деньги – и будем в расчете!

– Убирайтесь!

– Дед, ты чего шумишь, а? Ну ты подумай! Мы же по-хорошему!

– Убирайтесь вон, я сказал! Ничего я вам не отдам! Вон отсюда!

– Дед, ну ты даешь... Мы же сами, силой возьмем, тебе хуже будет! Ты еще пожалеешь, что не согласился по-мирному!

– Убирайтесь!

– Ну ты попал! Тебе что, жить надоело?

Ненависть, кипучая, бурлящая вдруг поднялась в нем, он раскинул руки, воздевая их вверх.

– Убирайтесь! Я ничего не отдам! Ничего!

Вдруг бандиты резко отступили назад, и на лицах их появилось некое подобие ужаса. Он еще не почувствовал боли, а потому не понял, что могло так их испугать... Только, изменившись в лице, бандиты вдруг резко рванули назад, напрямик к своему автомобилю.

Он опустил руки вниз, и не поверил своим глазам. Кончики его пальцев тлели, чернели на глазах от обхвативших их языков пламени. Огонь поднимался к кисти, обхватывая все большую поверхность кожи рук. Постепенно руки его становились черными... Ему захотелось кричать. И не от боли, страшной, мучительной боли, появившейся именно в тот момент, а от охватившего его ужаса. Но огонь вдруг исчез – так же внезапно, как появился на его руках. Остались только следы ожогов на почерневших пальцах. Прижимая искалеченные руки к груди и безуспешно пытаясь унять боль, он заспешил к своему дому.

2013 год, Восточная Европа

Там, где догорал темный остов автобуса, был по-прежнему отвратительный запах. Люди раскололись на группы, бурно обсуждая что-то между собой. Женщина-экскурсовод сидела возле раненного водителя, с безнадежным видом обхватив руками колени.

– Поблизости есть человеческое жильё! Я видел в лесу людей!

Все замолчали, как по команде, уставившись на него с всеобщим выражением недоверия, таким острым, что, если б не яркое воспоминание о женщине с девочкой, он не стал бы и продолжать:

– Поблизости есть люди! Я видел в лесу людей!

– Если б это было так, – какая-то женщина вышла вперед с воинственным выражением, – нас бы давно нашли!

– Не обязательно! – внезапно врач поднялся с земли, и, шагнув, встал рядом с ним, – если поселок за пределами леса, туда мог не донестись взрыв!

Постаравшись взять себя в руки и говорить спокойно (хотя это было совсем не просто), он произнес:

– Я видел с лесу людей! Женщина гуляла с маленькой девочкой! Я их видел! К сожалению, они были достаточно далеко и не услышали мой крик. Но женщина с ребенком не могут забраться в самую чащу леса, значит, жильё где-то поблизости. Может быть, это не поселок, а какая-то заправочная станция или хотя бы другое шоссе, если женщина с девочкой приехали на машине и просто вышли из нее, чтобы погулять в лесу...

– Нет! – истерический крик заставил обернуться всех, и его в том числе, – Нет! Нет! Да ничего тут нет! – женщина-экскурсовод решительно поднялась с земли, – я выросла в этих местах! Я знаю их, как никто другой! Здесь сплошной лес, сплошной! Именно поэтому здесь не живут люди! К тому же, это проклятый лес! Здесь нет ни поселков, ни городов, ни заправочных станций! И только одна дорога! Вот там! – она протянула руку к дороге, но мало кто осмелился посмотреть на место падения автобуса.

Врач подался вперед:

– Мы должны идти в лес на поиски людей! И сделать это нужно как можно быстрее, до темноты! Это наш единственный выход.

Он стал слушать отдельные голоса, но очень скоро прекратил. Кроме «телефон не работает», «нужно идти», «ничего хорошего», никаких слов больше не доносилось. Слушать долго было скучно. В голову пришла мысль о том, что люди, в большей степени, довольно скучные создания.

– А что будут делать все остальные, если вы не вернетесь из темноты? – с четко сформулированным вопросом выступил женский голос.

– Как это – что? – врач действительно потерял все свое лидерство, а, может, его хватило только на одну вспышку.

– Ночевать в лесу, – и решительно выступив вперед (неожиданно для себя самого) стал рядом с врачом (обрадовавшимся, увидев союзника) – ночевать в лесу. Больше ничего.

– В лесу! Ночью! Возле горящего автобуса! За такие деньги! А еще один взрыв? А дикие звери? – на них обрушился новый хор голосов.

– Нет здесь никаких диких зверей! – попыталась вставить экскурсовод, но ее никто больше не слушал.

– А запах? – кричал какой-то мужчина, – вы чувствуете этот отвратительный запах? Запах гари! Возможно, будет другой взрыв! Что горит? Что так отвратительно пахнет?!

Автобус не горел, только медленно тлел, и от него местами валил черный едкий дым, как бывает после большого огня.

– Это не запах резины! И не бензин! Скорей, запах паленой шерсти или кожи. Наверное, горят сидения, – сказал кто-то.

– Или мясо! Как будто кто-то жарит мясо! Эй, в автобусе никто не поджарился? – вставил толстяк.

– Замолчите! Это не повод для шуток! Здесь же дети! – раздалось сразу с нескольких сторон, и толстяк злобно насупился.

– Мы должны быстрее идти, – сказал он, – слишком много пустых разговоров.

– А кто пойдет, интересно? – вскинулся толстяк (так, будто речь шла о нем), – кто пойдет?

– Я. И врач. Этого достаточно!

– Конечно, достаточно! – москвич завопил вновь и ему вдруг резко захотелось заткнуть уши, – это ты сам решил, что пойдешь! Ты тут самый умный? А остальные – сборище идиотов, так, да? Что, решил спастись сам, да?

– От чего спастись?

– От второго взрыва!

– Второго взрыва не будет! Автобус уже сгорел полностью.

– Тогда что это за гарь?

– Я не знаю, что это за гарь! Если ты так хочешь, можешь пойти с нами.

– И пойду! Обязательно! – оживился москвич, – пойду!

Они шли несколько минут, когда проход между деревьями сузился, и кое-где их тела вплотную касались темного мха, облепившего вековые стволы. Лес становился все темней и темней, а проход между деревьями – все уже и уже.

Здесь и в помине не было той изумрудной яркости листвы, того прозрачного солнечного света, искрящегося воздуха, как на той, увиденной им, поляне. Понурился голову, он продолжал идти вперед, прислушиваясь к мягкому шелесту чужих шагов за спиной.

Внезапно он ощутил что-то очень странное – настолько странное, что захотелось остановиться. Тишина. Пугающая, не привычная тишина! Кроме шелеста их шагов, больше не было никаких звуков. Лес без звуков. Ветви деревьев застыли в безмолвном молчании пустоты. Он почувствовал острый ледяной ком страха, медленно нарастающий в глубинах его живота. Опустил глаза вниз и невольно вздрогнул: мягкий ковер на земле, ковер из травы и прошлогодней листвы, был совсем черным.

– Ты уверен, что мы идем правильно? – голос раздался за спиной, и, обернувшись, он увидел лицо врача, на котором был страх (так же явно, как на его собственном).

Он произнес, словно отвечая на свои мысли:

– У нее была такая странная кукла... У девочки... – ощущение тревоги не ушло, но, после того, как в лесу зазвучали живые голоса, оно стало как-то менее острым, – у девочки на поляне была такая странная кукла! Я никогда не видел подобного. Кукла ребенка. Я ведь вам уже рассказывал, что встретил на поляне в лесу женщину с ребенком...

– И где же они? – услышав реплику москвича, врач пренебрежительно усмехнулся.

– Откуда мне знать! Ушли домой, наверное. Но тут все выглядит как-то странно... сейчас. Когда я их видел, лес выглядел по-другому.

– Так, понятно, – это было абсурдно, но страх на лице врача стал исчезать, – мы идем не в том направлении. Похоже, мы заблудились.

Он пошел быстро, стараясь не думать, и буквально через несколько шагов был полностью вознагражден. Впереди показался просвет между деревьев, светящееся окно – блики солнечного света. Он бросился вперед, раздвигая руками ветки деревьев, и через несколько минут стоял на той самой поляне, которую видел прежде. С одним только исключением: поляна была пуста. На ней абсолютно никого не было.

– Что теперь? – тяжело дыша, москвич рассматривал поляну, – здесь никого нет! И ничего нет! Что теперь делать?

Он хотел ответить, как вдруг почувствовал что-то странное.... Вернее, услышал. На поляне был звук. И этот звук шел со стороны леса.

2009 год, Россия, Смоленская область

Место на окраине села, где дома вплотную подступали к лесу, называли Дьяволова пядь. В Дьяволовой пяди никто не жил.

Место это пользовалось дурной славой. Старики верили, что где-то там, среди руин, находится место, где есть спуск в ад. Так это или нет, проверить никому не удавалось. Но ясно было одно: просто так подобные названия народ не давал. И если издавна говорилось о дьяволе, место лучше было обходить стороной.

Дьяволова пядь представляла собой небольшую поляну, где остались руины деревянных домов. В центре была полностью обгоревшая, почерневшая от времени каменная коробка. Говорили, что это была церковь.

Первые жители деревни основали село как раз в том месте, на границе с лесом, но со временем, постепенно, поселок стал передвигаться все дальше и дальше, словно стараясь спрятаться от плохого места. И действительно, с самого начала 20 века в домах тех никто не жил. Впрочем, пытались там селиться, но все попытки заканчивались плачевно. Те, кто жил в Дьяволовой пяди, либо исчезал как сквозь землю проваливался, либо умирал тяжелой, нехорошей смертью. Старожилы современного села помнили историю поселенцев, последними пытавшихся поселиться в одном из домов. Это была семейная пара с двумя дочерьми. Приехали они в годах 70-х неизвестно откуда и заняли один из домов. Что в точности произошло, никто не знал, только однажды мужчину нашли повешенным в сених. А на следующую ночь в селе случился пожар – как раз в ту ночь, когда в доме находилось мертвое тело. Жена и двое детей сгорели заживо – вместе с покойником. Отчего возник пожар – никто так и не узнал. Жители поговаривали, что мужчина был сильный колдун. Местные верили, что душа его не успокоилась после смерти, а продолжает бродить неприкаянной, сея страшное зло. Больше в Дьяволовой пяди никто не пытался селиться. Все старались обходить это место стороной.

Дома превратились в черные руины. Так и стояли они странным знаком, и даже дети не решались играть в них.

Церковь же, обгоревшая коробка которой высилась в самом центре Дьяволовой пяди, сожгли раньше – в 1941 году. Когда вся территория Смоленска и прилегающих областей попали в зону оккупации, немцы появились и в деревне. Через некоторое время они собрали 300 жителей села (женщин, стариков и детей) в церкви, заложили дверь бревнами и подожгли. 300 человек сгорели заживо. Это была карательная операция, за помощь партизанам. Когда война закончилась, восстанавливать церковь никто не стал.

В 21 веке значительно уменьшилось количество жителей поселка, да и те, кто остался, были лишь люди среднего возраста да старики. Молодежь покидала глухие края, предпочитая лучшую долю подальше от родных лесов. Но те, кто оставался, свято верили в страшные рассказы, а потому не подходили к Дьяволовой пяди близко, особенно с наступлением темноты. Жилых домов поблизости не было, поэтому никто не увидел, как обгоревшая коробка церкви осветилась изнутри.

Это было странное синевато-желтое пламя, возникшее в самом центре сожженных руин, и тут же обхватившее коробку фундамента по краям. Языки пламени, вспыхнувшие со всех сторон, лизали камни, и на поляне стало светло, как днем.

В тот же самый миг огонь вспыхнул в каждом брошенном доме, охватывая все руины. Пламя, взметнувшееся ввысь, заметили в деревне. Люди бросились к месту пожарища, пытаясь тащить ведра с водой. Но было поздно: вся Дьяволова пядь полыхала, как огромный факел. Потушить этот жар было уже невозможно. Вместо развалин осталось гигантское пепелище.

Старый священник медленно поднялся с кровати и стал одеваться в темноте, на ощупь.

– Что ты? Куда на ночь глядя? – приподнявшись с подушки, жена с ужасом смотрела на него.

Вспыхнул выключатель прикроватной лампы. В лучах тусклого света было видно, что священник выглядел ужасно: под его глазами пролегли огромные черные тени, а руки тряслись.

– Куда ты? Что случилось?

– я ненадолго. В церковь мне надо. Кое-что оставить...

– Утром оставишь! Куда на ночь глядя-то идти?

– утром будет поздно.

Да что ты, в самом деле? Что с тобой?

– Спи. Я быстро. Вернусь минут через двадцать, не волнуйся. Ты спи.

Все еще тревожась, женщина прилегла, но сон к ней не шел. Взгляд упал на часы, висящие возле кровати: было 20 минут одиннадцатого. Ночь.

В соседней комнате старый священник сел за сто, включил лампу. Прижал дрожащие руки к груди. Там, под рубашкой, было спрятано то, что могло разрушить весь мир. И теперь он один нес на себе ответственность за судьбу целого мира – непосильный, невыносимый груз. Это нельзя было держать в доме. Бандиты могли появиться вновь – с минуты на минуту. К тому же, это обретало силу: он посмотрел на черные ожоги, покрывающие его руки. Они могли повториться еще и еще. Из ящика стола он достал конверт, листок бумаги и стал писать письмо. Искалеченные пальцы быстро-быстро заскользили по листку бумаги, ручка оставляла следы словно сама по себе. Слова складывались в фразы – может, не слишком складные, но он очень спешил. Наконец письмо было написано. Оно получилось таким обрывистым и сумбурным, что явно не внушало доверия. Он чувствовал, что ему не поверят – но все-таки это был его единственный шанс. Он запечатал конверт, надписал адрес. Что ж, он сделал все, что мог, на большее все равно не оставалось времени.... Затем быстро вышел из дома.

Он задержался возле почты – и впервые вздохнул свободно, когда конверт упал в жестяной ящик и глухо ударился о дно. Письмо было в ящике, а, значит очень скоро оно отправится в дорогу, и тогда.... Затем повернул в другую сторону и заспешил к церкви.

Вот и темная громада церкви. Он открыл маленькую дверцу служебного входа, чтобы не идти через главный вход – мало ли кто мог увидеть. Церковь встретила его пугающей темной. Раньше даже эта темнота была для него спасительной, но теперь он чувствовал липкий, леденящий страх.... Казалось, тишина, застывшая внутри, способна его раздавить. Он спешил к аналою, продвигаясь на ощупь, с ужасом прислушиваясь к пугающим звукам, и оттого не заметил красноватого пламени, вдруг появившегося в лампадке возле одной из икон. Лампадка была за его спиной – он не мог ее видеть. Не мог видеть того, что красное пламя, возникшее из крошечного огонька, вдруг стало пугающе увеличиваться в размерах, взметнувшись к самой иконе.

Красный язык пламени охватывал застывшие лица святых. От жара огня с икон потекла краска, и стало казаться, что святые плачут кровавыми слезами. А может, так и было на самом деле: из глаз застывших древних святых текла не краска, а кровь.

Когда через 20 минут священник вышел из ризницы, пламени уже не было, зато кровавые слезы на иконе проступали все более отчетливо. Но в церкви было темно, и священник этого не увидел.

Дверь скрипнула, и жена священника подняла голову.

– Это ты? Ты уже вернулся?

– Все в порядке, спи спокойно.

Женщина на всякий случай включила лампу. То, что она увидела, ее успокоило. Руки у священника уже не тряслись.

2013 год, Восточная Европа

Это был ясный, отчетливый стук лошадиных копыт. Стук копыт по утрамбованной земляной дороге. Было отчетливо слышно, как цокают подковы. Потом – далекий скрип колес. Как будто повозка или карета.

– Вы слышите? – он говорил очень тихо, как будто боясь спугнуть звук, – слышите?!

– Повозка! – в голосе врача звучала неприкрытая радость, – по дороге едет повозка крестьян, запряженная лошадьми! Значит, поблизости дорога! Дорога с другой стороны леса!

Они побежали все разом – прямо на звук, не чувствуя под собой ног, расталкивая и обламывая на ходу ветки. И с каждым рывком вперед звук становился все четче, все сильнее... так было до тех пор, пока они не выбежали на дорогу.

Это была довольно широкая, хорошо утрамбованная дорога прямо в лесу. И на ней не было никакой повозки. Все трое остановились, пристально вглядываясь вперед... Дорога расширялась к выходу из леса. Через несколько минут они оказались на высоком холме. А впереди... Они остановились на месте, замерев как по команде перед открывшимся зрелищем. Он вдруг почувствовал себя так, как будто небо действительно опустилось на него и теперь пушистым облаком лежало на плечах. Или будто прямо с размаха шагнул в легенду.

Воздух был прозрачен, как горный хрусталь. Дорога спускалась с холма желтовато – серой лентой серпантина. Внизу, в долине, не так далеко от них, виднелись стены множества сооружений, словно наклепленных друг на друга. В небо уходили острые шпили крыш. Все было таким ярким, как в лучшей компьютерной игре. Но желтизна камня отчетлива была видна только вверху, там, где соприкасалась с голубым. Все внизу (нижняя часть стен, окончание дороги и земли долины внизу холма) словно терялось в тумане. И оттого вся картина выглядела слишком нереально, не естественно.

– Что это? – прошептал врач.

Он честно покачал головой:

– Я не знаю....

Все трое, почти одновременно, начали спускаться с холма. С каждым движением их шаги становились все быстрее и быстрее. Но только до тех пор, пока они не увидели замок.

Замок. Он застыл, пораженный, сделав несколько шагов вперед. Это было видение из его сна. Он испытывал тот сокровенный страх момента, когда исполнение мечты предстает реальностью. Отправляя в поездку, он видел множество крепостей, но все они представлялись обычными музеями, бутафорскими сооружениями, не вызывавшими в душе никаких эмоций. Все они не были замками. Замок (свой замок, самый настоящий из всех) он увидел теперь. И остался стоять в страхе, пораженный в самое сердце.

В первые минуты этого безмолвного созерцания замок вдруг показался ему живым, как будто он действительно жил своей собственной жизнью. Замок, выжидая, смотрел на него, принимая решение: распахнуть двери или прогнать пришельцев. Ему вдруг стало страшно. К тому же, это был целый средневековый город с множеством самых разнообразных сооружений!

Он зажмурился, тряхнул головой, потом снова открыл глаза.... Все было бесполезным: яркие краски резали глаза еще острее. Замок стоял посреди степи, и все вокруг заливал такой ослепительный свет, что он испытывал почти физическую боль, не способный смириться с таким цветовым эффектом. Вспышки желтого, голубого, зеленого, белого, золота, меди, бронзы сливались и падали вниз, полыхая фантастическим, не реальным огнем, как будто замок специально для первого знакомства решил примерить праздничное убранство.

Когда глаза немного привыкли к этой фантазмагии света, он разглядел высокий шпиль церкви.

Солнечный луч упал на металлический шпиль, и, отразившись, стрельнул прямо в глаза, поразив такой сильной болью, что он вскрикнул. В тот же самый момент он почувствовал, как кто-то схватил его за плечо, а потом (когда вернулась способность видеть), он разглядел рядом врача.

– Что с тобой... чтостобойчтостобойчтостобойчтостобойчтостобойчтостобойчтостобой... – сливалось в единый, тупой речитатив, и вдруг захотелось хорошенько его встряхнуть, чтобы прекратить это славословие...

– Да все в порядке! Не надо кричать. Просто место красивое...

– У тебя было такое лицо, как будто ты сейчас потеряешь сознание! – сказал врач.

Он отстранился от него и прикрыл рукой глаза – от слепящего солнца.

– Никогда бы не подумал, что здесь есть такая красота! – прошептал москвич, – почему нас сюда не привезли? Почему нам все время показывали только старые серые развалины, заросшие мхом?

– Все очень красиво... но выглядит как-то нереально, – сказал врач, – слишком ярко для обыкновенного сельского пейзажа и слишком гладко, что ли... Искусственная картинка искусственного города...

– Это монастырь, – он вступил в разговор, опустив руку, стараясь не смотреть на шпиль, – видите высокий шпиль церкви?

– почему монастырь? Ты так сказал – почему? Ты здесь был? – даже при виде захватывающей красоты москвич не терял своей природной подозрительности.

– Нет, не был... Просто я... Разве я сказал так убежденно?

– Да, ты сказал! Почему именно монастырь? Тут в округе полно замков древних разорившихся графов-герцогов, которые в сто раз хуже этого! К тому же монастырь должен быть угрюмым и серым. Почему же ты так сказал?

– Я не знаю... – поймав подозрительный взгляд москвича, он испытал неприятное чувство, – я действительно не знаю! Просто мне так показалось. Скорей, это похоже на город, который разросся вокруг монастыря. Смотрите – ворота впереди деревянные, а не с решеткой... За стенами видны другие здания, их много. А какое поместье в средние века могло быть богатым настолько, чтобы выстроить целый город? Вот я и подумал о монастыре....

– Смотрите! – врач резко вытянул руку вперед, – смотрите прямо! Там что-то есть, на воротах! Похоже на крест, большой, только... Только он какой-то странный... немного... словно его кто-то перевернул.

– Перевернутый крест.... – он повторил эти слова про себя, но оказалось, что говорит вслух. И, прозвучав, они стали еще более тревожными.

– Это средневековый монастырь, – сказал врач, – мне уже приходилось видеть такие в Европе. В средние века именно монастыри представляли собой целый город потому, что были самыми богатыми землевладельцами. Вернее, весь город лепился к монастырю, и постепенно они превращались в одно целое. Даже местный хозяин (феодал или наместник) строил свой замок в черте города-монастыря, и очень часто – на монастырской земле. Я читал, что монастыри были богаче любого графа или герцога, или даже короля. Так средневековый монастырь становился маленьким городом. Церковь – в глубине, слева – хозяйственные постройки, справа – административные здания, дома, которые часто сдавались в наем горожанам. Кельи для монахов за церковью. И в середине обязательно – огромная площадь.

Москвич, сорвавшись с места, лихо бросился вниз по склону. Он бежал так быстро, что вскоре приблизился к воротам.

– Ворота закрыты! – заорал москвич, несколько раз стукнув кулаком в тяжелые деревянные створки, – они закрыты! Черт возьми, я подам на них в суд!

– На кого? На монахов? – в его голосу звучала ирония, и он не собирался ее скрывать.

– Заткнись! Все заткнитесь! – завопив, москвич с размаху двинул по воротам ногой. Он ударил ногу о кованное железо вниз и взвыл от боли. Ворота были сделаны из темного дерева и по бокам оббиты железом.

Он подошел совсем близко к стене, и прикоснулся рукой. Камень был на ощупь холодным. На воротах, на уровне человеческого роста, виднелась калитка с зарешеченным окошком, врезанная в массивное дерево. Все было заперто очень прочно. Ни щели. Ни признака живой души. Тишина была такой же плотной, как в лесу, только здесь она не пугала. Наоборот. Он вдруг почувствовал, что тишина может быть союзником.

– Там буквы наверху, – вновь раздался голос москвича, – прямо над воротами.

Витиеватая средневековая надпись венчала ворота. Буквы были на самом верху. Вырезанные в камне и раскрашенные краской какого-то странного черного оттенка, который постепенно переходил в золотой. Но позолота по краям потемнела от времени, и оттого буквы производили какое-то тревожное впечатление. Он вдруг почувствовал себя так, словно кто-то вдоль его позвоночника провел ледяным пальцем. Это было так неестественно и странно. Что могло быть в буквах? Сосредоточившись, он попытался внимательнее их разглядеть. Это был очень странный язык. Он никогда такого не видел. Не латинские, не романские, не славянские буквы, и даже не иероглифы. По форме они напоминали очертания человеческих фигур. И, если уж сравнивать грубо, ему пришло в голову, что каждая буква напоминает фигурку человека.

Он не хотел стоять рядом с воротами, словно именно они вызывали в его душе надсадную, щемящую тоску. И, повинувшись какому-то древнему инстинкту предчувствий, он медленно пошел вдоль стены, аккуратно ступая по густой траве, росшей в выбоинах. Он оцарапался до крови локтем об острый угол срезанного каменного выступа и тут же поскользнулся на каком-то растении, прислонился к стене.

Отверстие он увидел почти сразу, оно было совсем рядом. Очевидно, камень из кладки выпал сам, либо кто-то его выломал, но в том самом месте образовалось небольшое отверстие, вполне достаточное для того, чтобы заглянуть внутрь. Он нагнулся вниз, плотно припал к стене и заглянул...

Шум ударил прямо в лицо, шум множества голосов и ударов ног о серые плиты булыжной мостовой... Он вздрогнул, как от удара, припадая к камням – еще плотнее. Там, за камнями, жил настоящий город, и, замерев, затаив дыхание, он стал впитывать странное зрелище, вдруг открывшееся его глазам.

2009 год, Россия, Смоленская область

Женщина бежала по дороге, широко раскинув в стороны руки. Седые волосы копной развивались за спиной. Со стороны она напоминала ведьму. Из ее рта вырывалось прерывистое дыхание. Делая остановку, женщина поднимала руки вверх и кричала:

– Дьяволова пядь горит! Батюшки, горит!

Появление женщины не осталось без внимания. Несмотря на поздний час, из домов выходили люди, бурно обсуждая случившееся. А те, кто посмелей, со всех ног неслись к месту пожара. Для желающих увидеть все своими глазами была обеспечена тема для разговоров недели на две. Одна из соседок попыталась ее остановить:

– Чего кричишь-то?! Бежишь – куда?

– За священником! Нужно священника, да быстро! Пусти, побегу скорей!

И соседка ее пустила. Отстранилась с пониманием на лице. Желание позвать священника к месту пожарища не показалось ей странным. Возможно, каждый житель села знал: без нечистой силы не обошлось.

Женщина побежала дальше, оставляя тяжелые следы на снегу. Белые волосы развевались за ее спиной, как флаг.

Дом священника был на околице села, со стороны, противоположной Дьяволовой пяди. Время от времени женщина останавливалась, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. Женщина была старой, бежать по снегу ей было тяжело. Может, именно поэтому она не заметила темную тень на дороге, ясно видную на фоне белого снега. Это был подъезжающий автомобиль. Автомобиль с потушенными огнями, с городским номером, с темными стеклами. Такие не часто появлялись в их селе.

Во время одной из кратковременных передышек женщину и схватили. Сильные, злые руки подняли над землей, грубо зажали рот. Впереди уже виднелась крыша избы священника, за ней – тоненький шпиль деревенской церквушки. Оставалось сделать лишь несколько шагов. Женщину грубо встряхнули, и чужой мужской голос прошептал ей на ухо:

– Заткнись, сука! Куда ползешь?

Руку, больно сжавшую рот, расслабили, и тот же голос предупредил:

– Орать будешь – перережу горло и брошу подышать тут на снегу! Ты меня поняла? Если поняла, кивни!

Обезумевшая от страха старуха кивнула. Ноги ее уже не держали, и, если б не бандиты, крепко схватившие ее, она рухнула бы прямо на снег.

– Теперь отвечай! Куда ты бежишь?

– К священнику...

– На кой хрен?

– Дьяволова пядь горит....

– Ну, это и так понятно! А священник зачем?

– Чтоб молитву прочитал.

– А молитва что, пожар потушит?

Старуха в ужасе мотнула головой. Кто-то из бандитов расхохотался.

– Ну, тьму таракань! Видали такое?

Хватка рук, державших женщину, несколько ослабла. Она подумала было, что ее отпустят, как тот же голос грубо приказал:

– Не ходить туда, сука! Не ходить! Ясно?

Женщина не успела ответить. Тяжелый удар, обрушившийся на нее, разом погрузил в черную бездну, где уже не было ничего, даже холодного снега, на который бросили ее труп.

Он проснулся от тишины и сел на постели, нервно хватая ртом воздух. Всю ночь ему снились адские звуки, а разбудила невероятная тишина. Он никогда не ощущал такой тишины. В ней было что-то жуткое. К тому же, священника не покидало странное чувство, что чьи-то глаза наблюдают за ним.

Но единственным глазом, видимым в темноте, был тоненький, алый огонек лампадки, зажженной под образами. Если раньше этот огонек вселял в него надежду и веру, то теперь он почувствовал страх. Адский страх, заложивший ноздри, уши. Как комья липкой, намокшей ваты. И не отодрать этот кокон, не убрать с головы... Может, потому, что огонь лампадки стал более ярким, более красным и оттого – тревожным. Священнику казалось, что это воспаленный, налитый кровью глаз, пришедший из беспросветной, адской тьмы.

Было так страшно, что лечь обратно в кровать он не мог. Он тихонько встал, нашарив старенькие тапочки в темноте. Но даже звук ног, шаркающих по полу, прозвучал непривычно тихо. Так, словно был приглушен. Он испугался, что разбудит жену, но она не проснулась. Дыхание ее было мирным и ровным, как у глубоко спящего человека.

Он сделал несколько шагов по комнате, пока не приблизился к образам. Освященное лампадкой, выступало лицо святого. Оно строго, укоризненно смотрело словно сквозь него, в темноту.

Тогда он понял. Это – расплата. За ним пришли. И эта тишина – его последний час на земле. Расплата.... плата за всё. Священник тяжело рухнул на колени, обхватив голову руками. Но губы, дрожа, вместо привычной молитвы, шептали, как в бреду:

– Спаси меня, Господи.... Спаси меня, Господи.... Спаси слугу своего... Защити от адских легионов сатаны...

Потом он услышал звук. Это был скрежет по внешней стене дома, там, где было окно. Такой звук могло издать железо, какой-то тяжелый предмет, который двигали по стене, и это была реальность.

Священник замолчал, от ужаса дыша часто-часто. Звук повторился – но немного в отдалении, уже возле второго окна. Сомнений не было: возле дома кто-то находился. Там, за стеной, что-то происходило, но что именно – он не мог понять. Внезапно священник увидел в углу какой-то свет. Колени подогнулись, и, рухнув прямо на пол, он уставился на дрожащую тень, светлые очертания которой проступали все ярче и ярче, а потом.... задохнувшись от ужаса, священник вдруг увидел маленькую девочку лет 8-ми, в темном пальто, завязанную в пушистый, домотканый, шерстяной платок. Платок, закрывающий волосы, был перевязан на груди крест-накрест. Не мигая, девочка смотрела на него.

Лицо ее было абсолютно не знакомо. Он никогда прежде не видел этой девочки, никогда не встречал ее в селе. Но в то же время во всем ее облике было что-то знакомое, нечто неуловимое, но очень понятное.... Он вдруг вспомнил, что так одевали детей в 40-х годах. Он вспомнил, что именно так завязывала платок его мама, когда немцы окружили их село. Чтобы было теплей... Вещей не было, и родители хоть как-то пытались уберечь детей от холода ледяной российской зимы, и от страшной судьбы.

Он понял внезапно. Откровение пришло яркой вспышкой. Он вдруг сказал, и голос глухо прозвучал в ночной тишине:

– Ты жила здесь.

Девочка кивнула. Ему показалось, что на ее лице проступило нечто вроде удовлетворения. Словно удовольствие оттого, что он угадал. Воодушевившись, он продолжил.

– Тебя сожгли в церкви... На окраине села... Немцы... В Дьяволовой пяди....

Девочка кивнула во второй раз. Теперь удовольствие стало явным. Она была довольна, что он угадал. Жуткая догадка, осенившая его затем, пронзила все тело таким ужасом, что даже зубы его застучали:

– Зачем ты ко мне пришла? Зачем ты сюда пришла?!

Девочка не ответила. Лицо ее стало невероятно серьезным. Тело священника охватила ледяная дрожь.

Звук раздался в третий раз. Теперь он шел со стороны двери. Звук прозвучал громко, отчетливо, и ошибиться было невозможно. По двери его дома громко, с лязгом и грохотом, двигали какой-то металлический предмет.

Жена заворочалась, потом привстала с кровати:

– Что это такое? С кем ты разговариваешь?

Священник обернулся к углу, но там уже была прежняя темнота. Девочка исчезла.

С криком он вскочил на ноги, бросился к окну и попытался его распахнуть.... Окно было забито. Он заколотил кулаками по деревянным ставням, громко крича о том, что нужно было восстановить церковь, что в том проклятом месте, которое называли Дьяволова пядь, нужно было восстановить церковь.... Но кулаки его выбивали из дерева лишь пыль, а крики напугали жену еще больше. С плачем она вскочила с кровати, обхватила его руками, пытаясь успокоить.... Оттолкнув ее, он бросился к двери.

Дверь была забита тоже. Снаружи. Так крепко, что и не сдвинуть с места. Он догадался, что дверь забили каким-то металлом.... Бросился к другим окнам – все было бесполезно.

Их заперли. Выбраться из дома не было никакой возможности. Обессиленный, он прислонился к двери. По-бабьи обхватив щеки руками, его жена плакала громко, в голос.... Слезы ее действовали на него ужасающе. Он щелкнул выключателем – света в доме не было.

Стараясь собраться с мыслями, он подошел к жене, обнял ее, стараясь успокоить... Но она не успокаивалась, только причитала все громче и громче:

– Что это, Господи... Что это, Господи...

Потом он почувствовал запах. Он первый ощутил ужасающий запах гари, который проникал сквозь стены.

Дом горел. Жена закричала, бросилась к двери, стала биться всем телом.... Вырваться было невозможно. Запах усиливался. На одной из деревянных стен появились языки пламени.

Тогда, вскинув руки вверх, старый священник сорвал с груди крест, поднял его в верх....

– Господи, вручаю душу свою в твои руки... Не позволяй попасть в сети зла.... Защити от зла, Господи, отче наш, во имя отца, сына, святого духа... Вручаю душу свою, господи... Изыди, сатана...

Крыша рухнула, погребая под обломками, в пламени, двух стариков.... Старый священник все еще продолжал сжимать в руке крест.

Его и опознали по кресту, вплавленному в почерневшую ладонь, когда на следующий день на обгорелых руинах дома священника работала следственная бригада, приехавшая из города.

К следователю, все еще продолжавшему бродить по пепелищу, как тень, даже после того, как уехали эксперты и увезли трупы, подошел председатель. За одни сутки председатель постарел на десять лет.

– Священника и его жену сожгли заживо, – следователь, не оборачиваясь, ответил на немой вопрос, – их заперли в доме. Окна и двери забили металлическими прутьями так, что они не смогли выйти. Как такое могло произойти? Почему никто не услышал? Почему соседи не выскочили на шум?

– Так ведь дом стоял на отшибе....

– Но рядом же были дома! А грохот должен был бы быть....

– Люди на пожар пошли. Вот никто и не услышал.

– Пожар?

– Ну, руины горели... У нас их называют дьяволова пядь....

– А, знаю. Проклятое место! Наслышан. Значит, обломки домов в Дьяволовой пяди подожгли, чтобы отвлечь жителей от убийства священника. И расчет был верным – все убежали на пожар. Священник с женой жили вдвоем?

– Вдвоем. Детей у них не было. Вернее, был сын, но он маленьким умер, когда ему пять лет было. От менингита. После этого иметь детей они уже не могли.

– А что вы знаете про эту женщину, которую рядом с домом священника нашли? Судя по всему, голову ей проломил одним из тех железных прутьев, которыми забили окна и дверь.

– Богомолка она. Тихая, спокойная. В церкви все помогала. Жила одна. Дети в городе. Сын – в Смоленске живет с семьей, они к старухе часто приезжали. А дочь уехала в Москву и сгинула там, ни слуху, ни духу. Пропала без вести. Умерла, наверное.

– Судя по всему, старуху убили потому, что она увидела убийцу. Зачем она шла к священнику?

– Бежала на пожар его позвать. Все село видело, как она к дому священника бежала.

– А зачем на пожаре священник?

– Как это зачем?! Молитву прочитать! Нечистое место все-таки....

– А почему в Дьяволовой пяди церковь не восстановили? И мемориала нет. Во время войны людей сожгли...

– Так здесь в каждом селе людей жгли! А некоторые села так с войны и не восстановили. Как фашисты их с земли стерли, так и не возродились. Ад здесь был. Каждое село пострадало. А мемориал мы хотели делать, город все обещал деньги дать... Но так и не дали. И на церковь тоже... глухие у нас места. Молодежь по городам разъехалась, только старики и живут. Да еще эти, в лесах, старообрядцы.

– Старообрядцы... – задумчиво протянул следователь, – они ведь священника вашего не очень и любили?

– Нет, что вы! Не способны они вот так, зверски, убить... Люди тихие, спокойные, никого не трогают...

– Как знать, как знать. Ну что ж, пойдем в церковь. Посмотрите, что пропало.

– Я ведь церковь не очень знаю, – помялся председатель, – это вот священник больше...

– Ну, священник уже не посмотрит. А вам точно нелегко придется! По церкви как ураган прошел, все разгромили, уроды! Наверное, из-за икон священника и убили. Чтобы церковь ограбить, иконы забрать. И носит же таких поддонков земля! Вот честное слово, пожалеешь, что смертную казнь отменили! А священник не жаловался, что его из-за икон или церковного золота преследуют?

– Да не было там никакого золота! Бедная деревенская церкушка. Нет, ничего такого он мне не говорил. Да и не было там ничего ценного...

Так, мирно беседуя, следователь с председателем ушли с пепелища и медленно побрели по направлению к церкви.

2013 год, Восточная Европа

Широкий двор был вымощен серыми булыжниками, и там, на этом самом дворе, за пределами крепостных стен, бурлила кипучая жизнь. Лошади били копытами, привязанные возле домов к широким кольцам. Во дворе было много людей. Несколько монахов в черных, белых и коричневых рясах. Женщины в длинных юбках и грубых деревянных башмаках, с черными и серыми чепцами на головах, стирали в корытах белье, громко хохоча и переговариваясь между собой. Не молодые, полные, некрасивые. Одна – совсем беззубая старуха с темной бородавкой на носу. Какой-то мужчина в одежде крестьянина тащил корову. Корова упиралась и громко мычала, потешно вращая головой. Эти люди... Их одежда... Они выглядели так, словно перенеслись в средневековье. Как жители средневековья или персонажи костюмного фильма (если предположить, что это актеры и здесь просто снимают фильм).

Фильм. Это первым пришло в голову. Но, оглядев всю площадь более внимательно, он нигде не заметил ни камер, ни аппаратуры, ни людей в современной одежде (съемочной группы). Кроме того, эти люди, там, на маленькой площади, двигались и жили слишком естественно и привычно, не как персонажи, а как герои собственной жизни. Его сердце упало вниз. А потом... очень медленно, двигаясь плавно и грациозно, держась за руки, через площадь прошли женщина с девочкой. Те самые мать с дочкой из леса! Женщина была одета в грубые деревянные башмаки с налипшими комьями грязи, в темно-коричневую холщовую юбку с заплатками и серую блузу. Ее голова была повязана черным платком. Одной рукой она прижимала к бедру огромную плетеную корзину, полную до верха бельем, а другой крепко держала за руку девочку. Волосы девочки закрывал простой чепчик желтоватого цвета. На ногах были те же самые деревянные башмаки. В своей маленькой ручонке девочка держала куклу (ту самую куклу, которую он уже видел в лесу), прижимая ее к груди. В этой грубой одежде женщина напоминала служанку. Словно чувствуя его взгляд, женщина обернулась.

Она повернулась к нему, гордо повела плечом, взглянула прямо ему в глаза. И ему вдруг показалось, что она его видит. Это было необъяснимо, глупо и страшно, но, тем не менее, было так. Лицо женщины стало очень печальным. Красивые черты исказились страшным страданием. Она пошевелила губами, посылая ему слова, которые он не мог расслышать, сильнее прижала к себе девочку и отвернулась. На какую-то долю секунды в ее глазах застыло просящее, умоляющее выражение. Потом они ушли. Девочка по-прежнему прижимала к груди свою куклу. Они дошли до угла ближайшего дома, и быстро скрылись за ним. Он больно ударился головой об острый выступ. Все вокруг заволкло темнотой, он лишь ощутил, как его руки взметнулись вверх, выпустив из ладоней шероховатую поверхность камня. Почувствовав, как на его лицо падают лучи солнца, открыл глаза.

Он увидел лицо врача (лицо выражало страшную, неприкрытую тревогу). Врач что-то делал с его лицом (потом пришло осознание того, что врач просто останавливает кровь из раны на виске платком).

- Перегрел свою умную голову на солнце! – ехидно, с неприязнью сказал москвич.
- Что... – губы плохо слушались, слова получались с трудом, но врач быстро его перебил:
- Все в порядке, ты просто поранился о камень. Ударился виском. Наверное, потерял сознание от удара и от солнца. Ты поранил висок, щеку и лоб. Но не сильно. К счастью, у меня есть аптечка. Кровь я уже остановил. Сейчас я заклею раны пластырем, и все будет хорошо.
- Там, внутри, полно людей! – он легко отвел его руку, – там город! Они все живут в средневековом городе! Поэтому ворота заперты!
- Где ты видел людей? – спросил москвич.
- Через щель в стене!

Москвич и врач странно переглянулись, и москвич усмехнулся – еще более неприязненно. Врач наклонился над ним (и он расслышал в его голосе какую-то странную нерешительность):

– Ты только успокойся, не волнуйся... в стене нет никакой щели... вообще никакой...

Резкий скрип прозвучал в тишине. Они обернулись, все трое, словно услышав команду. Уставились в одну точку. Очень медленно от дубовых ворот двигалась калитка, открываясь все шире и шире, так, чтобы смог войти человек. Словно подчиняясь руке невидимого хозяина, приглашающего войти внутрь.

– Похоже, тут действительно есть люди... – врач говорил тихо, но не успел договорить фразу, как москвич решительно бросился вперед. Он не понимал, что произошло дальше (вернее, понимал смутно, с трудом), когда, рванувшись, схватил москвича за руку, резко остановил, развернул к себе:

– Не смей! Остановись! Не надо туда ходить!

– Что? Ты, придурок! Ты ударился головой и...

Неожиданно врач принял его сторону:

– Подожди! Он прав. Прежде, чем входить, нужно узнать, что означает надпись над входом! Узнать прежде, чем туда лезть! Может, эти монахи не пускают посторонних!

– А кто тогда открыл нам калитку?

– Может, она случайно открылась? Мы на что-то нажали, и она открылась!

– Это единственное человеческое жилье в округе! Может, у них есть телефон! Не могут же эти монахи быть такими отсталыми! У них должен быть телефон! Я могу позвонить адвокату и он сразу же подаст в суд на этих уродов из туристической компании! И я не только верну назад свои деньги, но и получу страховку! И я не буду слушать двух идиотов, которые...

Дальше все было еще хуже. Он давно чувствовал багровый туман ярости, медленно подступавший к глазам. Он давно боялся, что не сможет себя контролировать... и вот, наконец, это произошло. Он резко выбросил руку вперед и схватил москвича. Подтянул к себе, разок встряхнул:

– Слушай, ты, урод...

Врач бросился между ними, схватил его за руки и почти повис на них:

– Успокойся! Отпусти его! Пожалуйста! Не надо так нервничать! Не надо – так! Можно спокойно обо всем поговорить!

Он толкнул москвича, отшвырнул его от себя. Москвич ударился о стену с глухим стуком и медленно осел вниз. На его глупом толстом лице застыл какой-то детский ужас. Этот ужас не приглушил его ярость, напротив.

– Хочешь идти – иди. Хочешь делать глупости – делай. Мне не нравится этот замок. Не нравится то, что я видел. Я не понимаю, что происходит. Только чувствую, что нам не следует входить в эту дверь. Но если ты не хочешь слушать никого, кроме себя – иди! Только потом – не жалуйся на последствия!

Москвич поднялся на ноги и уже входил в калитку, переступая порог. Врач бросился за ним следом. В воротах мелькнула лишь длинная тень. Он вошел последним, оглядываясь по сторонам и с сомнением качая головой.

Все трое миновали небольшую арку (проход в стене) и вышли на широкий двор, мошечный камнем (площадь города). Теперь вокруг царило полное запустение. Кое-где из каменных плит пробивалась трава. Он почувствовал легкое дуновение сзади, словно порыв ветра взъерошил волосы, прошелся по спине. А потом услышал звук. Звук, который с каждой секундой становился все сильнее и сильнее... Стук лошадиных копыт. Громкий стук лошадиных копыт о каменные плиты.

Он обернулся, и в тот же самый момент отпрянул к стене, едва не сбитый с ног ворвавшейся под арку каретой. Он увидел морды огромных коней возле своего лица, почувствовал

острый запах лошадиного пота, тяжелое сдавленное дыхание, увидел в реальности, как с конных губ, туго сдавленных поводьями, падают обильные хлопья пены... Шестерка белоснежных коней, удивительно красивых (как хлопья первого снега или чистый сахар, искрящийся под солнцем) везли карету. Сбруя лошадей была полностью черной, и оттого особенно разителен был контраст: черное на белоснежном фоне. Лошади яростно и стремительно рвались вперед. С губ падали тяжелые хлопья пены.

Он отпрянул назад, едва не попав под лошадиные копыта. Деревянные колеса черной кареты глухо застучали по каменным плитам площади. В тот же миг он вдруг понял, что не видит больше ничего: ни своих спутников, ни заброшенных зданий, ни мха, ни камней. Он видел только карету. Словно в этой черной точке сосредоточился особенный смысл.

Карета проехала площадь и остановилась слева, возле небольшого дома, двери которого были плотно закрыты. И в этот миг замерло все. Время замерло, застыло в воздухе твердым телом, и он застыл вместе с ним, испытывая непонятное, необъяснимое ощущение ужаса.

В раскрытых дверях церкви (церковь была прямо, самое высокое здание на площади) он вдруг увидел людей. В церкви было слишком много людей: они выглядывали в окна, в двери, толпились возле входа. Люди замерли в разных позах так же, как и он сам, и он увидел людей и на площади, застывших без движения. Карета остановилась, и мир вокруг замер. Отчетливо и ясно он видел лица, глаза людей, их нелепую, необъяснимую одежду. Он видел поднятые руки и наклоненные спины, видел головы, повернутые к свету или к другим людям и ноги, не успевшие ступить, губы, раскрытые для ответа и начавшие произносить слова, которые застыли на середине, волосы, которые разметал ветер, так и не успевшие опуститься на плечи, множество эмоций и выражений – нахмуренные брови, смеющиеся щеки, подбородок,двигающийся от жевательных движений, удивленные или опечаленные глаза. Люди стояли плечом к плечу – сплошная стена: мужчины, женщины, старики, дети, словно на улицы разом вышли все жители этого города... Он видел детей, которые держались за руки и детей, крепко уцепившихся за материнскую юбку, стариков, жалких и беспомощных, выглядящих так, словно их вытащили из постели, красивых полуодетых женщин с распущенными длинными волосами и мужчин в ночных сорочках, схвативших оружие... И вдруг с какой-то ужасающей реальностью (от которой его ужас стал еще глубже) он вдруг осознал, что ЭТО И БЫЛИ ВСЕ ЖИТЕЛИ ГОРОДА. Мертвые жители заброшенного мертвого города. Он ясно видел их перед собой.

Его взгляд упал на лицо пожилого крестьянина, стоящего совсем рядом. На уставшее лицо, натруженные руки с твердыми мозолями, покрытыми землей. На нем были короткие штаны из холста и порванная, грязная сорочка. Пучки седых волос торчали из ноздрей. Он видел его ясно и отчетливо, видел мельчайшую морщинку на грубом, некрасивом лице... А потом увидел, как на лице крестьянина исчезли глаза, и на их месте остались белые впадины, мертвые глазные яблоки...

И тогда он закричал.

2009 год, Россия, Москва

Казино арендовали на сутки. Стоимость аренды поражала воображение. Учитывая, что дневной оборот крупнейшего казино в центре Москвы составлял около миллиона долларов, можно было представить себе сумму аренды. Но с расходами не считался никто. В конце концов, юбилей в 45 лет бывает раз в жизни! А потому именинник решил отметить его с небывалым, русским, купеческим размахом. Требования его несколько удивили даже привыкшую ко всему администрацию казино.

Собственно, игра была ему ни к чему. Юбиляр сразу заявил, что игровые залы – просто так, одно из развлечений. Сам он игрой не увлекается и не понимает тех, кто помешан на подобном, но вдруг поиграть захочется кому-то из гостей. Почему же не уважить, тем более, что мероприятие должно запомниться надолго.

Заказ концертной программы тоже был несколько странным. Вместо дорогостоящих эстрадных звезд и стриптизерок именинник пожелал нечто другое.

– Он хочет истинно русское веселье, разухабистое гулянье, как в прежние дни. С шумом, плясками, цыганами, конечно, – так сформулировал пожелание представитель заказчика, гордо демонстрирующий везде, где только можно, внушительное удостоверение помощника депутата.

– С цыганами? В каком смысле? – моргнула администратор заведения.

– В самом прямом! Веселье до упаду! Чтоб водка лилась рекой, икру ели ложками, песни, пляски, шум коромыслом до утра, а лакеев мазать горчицей.

– Официантов? – снова моргнула администратор.

– Классику читать надо! Стыдно, в ваши-то годы! – пристыдил внушительный молодой человек, – лакеев! Переоденьте ваших официантов в лакеев, как при царском режиме, и будут их мазать горчицей!

– Зачем? – в третий раз моргнула администратор, как-то странно утратив привычную деловую невозмутимость.

– Что зачем?

– Офи... то есть этих... лакеев... горчицей мазать... зачем?

– Чтоб весело было! – бесстрастно пояснил молодой человек.

– А из звезд эстрады кого заказывать будем? – спросила деловая дама, в надежде вернуться в свою стихию.

– никого. Босс считает, что эти дуры совсем не умеют петь, а музыка у них дурацкая и действует на нервы.

– А... – разочарованно протянула дама и сделала пометку в блокноте, – так кого заказывать-то? Цыганский ансамбль?

– Ну да, – милостиво согласился молодой человек, – цыганский ансамбль будет в самый раз, но только самый лучший! Из тех, что по заграницам ездят! И не вздумайте подсунуть какую-то шушеру! Босс живехонько разберется, что к чему!

– Нет-нет, что вы, что вы! – дама обиженно захлопала накрашенными ресницами, хотя у нее, конечно же, мелькнула обычная для делового человека мысль сэкономить на артистах. Авань не разберутся. Но молодой человек выглядел как-то по-особому внушительно, и, моргнув в четвертый раз, дама с сожалением отказалась от своих планов.

– Хорошо. Значит, цыганский ансамбль, программа варьете. ...

– только без стриптиза, босс этого не любит, – перебил помощник депутата, – девочки и так будут заказаны, отдельно. А в программе должно быть что-то красивое, романтическое, в народном стиле. ...

– В цыганском? – спросила дама, демонстрируя полную деловую готовность ко всему. Но молодой человек готовности не оценил, подумал, что она издевается, и бросил на нее из-под очков взгляд, про который раньше говорили «как рублем подарил», – а теперь – «словно я сто долларов ему должен».

– И меню надо уточнить... – вздохнула дама, покоряясь своей судьбе.

– Ну, меню мы уточним, – неожиданно бодро согласился молодой человек, – икры побольше, да водки, Ра всяких там расстегайчиков...

Дама раскрыла блокнот пошире и принялась записывать.

Казино в день мероприятия закрыли в 8 утра. Но еще до мероприятия весь персонал заведения только и делал, что обсуждал предстоящую гулянку в укромных местах.

– А кто, кто он такой? – нервно вопрошала молоденькая официантка, вцепившись обеими руками в коллегу постарше.

– Депутат. Очень крутой. – и, когда коллега назвала фамилию, молоденькая официантка аж присвистнула.

– А говорят, он не женат... – мечтательно пропищала она.

– ну, ты губу-то не раскатывай! – перебила коллега, умудренная обширным жизненным опытом, – нас туда и близко не подпустят! Вон охраны сколько привез! Мышь не проскочит!

И действительно, первыми к 8 утра в казино прибыли охранники – на двух плотно загруженных автобусах. Охранники (не меньше 100 человек) повыгоняли на улицу весь персонал и принялись обшаривать здание. Проверка помещения шла очень долго – в основном из-за его больших размеров. Прошло 4 часа, персонал (главным образом с кухни) стал нервничать, боясь не управиться к вечеру с подготовкой. Когда же всех запустили внутрь, то увидели, что здание напичкано видеокамерами – обычными, и какими-то особенными, установленными на скорую руку. Да и запускали персонал тоже особым образом: по одному, без сумок, мобильных телефонов и даже украшений, обыскивая почти до белья. Сразу становилось понятно: мероприятие ожидалось серьезное, а потому принимались повышенные меры безопасности. До начала мероприятия оставалось часа два, когда в кабинет одного особого, высокопоставленного гостя, близкого друга именинника, постучались.

Этот важный друг, еще не выходявший с работы, был занят очень важным делом: разговаривал по телефону с одним из министров по поводу охоты где-то в Брянских лесах, на которую они должны были отправиться в скором времени.

Услышав стук, он рявкнул:

– Чего еще? Я занят!

А, увидев входящего в кабинет начальника охраны, заметно рассердился. В сердцах брякнув телефонную трубку аппарата правительственной связи (он не терпел, когда подчиненные заставляли его во время личных разговоров, пусть даже с высокопоставленными особами), он почти заорал:

– Какого черта?! Ни с чем не способны справиться, идиоты! Чего тебе?!

– Тут такое дело, босс... – начальник охраны помялся с ноги на ногу, как нашкодивший школьник, – неприятности с вашим подарком...

– Каким еще подарком?!

– Ну, тем, что вы сегодня везете на юбилей. Другу своему... С подарком вашим неприятности...

– Вы что, потеряли?!

– Да ни в коем случае, босс! С книгой все в порядке. И с рукописью тоже, только...

– они в сейфе?

– В сейфе. Как вы и велели, только... вам бы лучше самому посмотреть!

– Ничего не понимаю! Какие еще неприятности? Можешь толком объяснить, ты, идиот?!

– Вам самому это увидеть надо! Без вас я ничего и не трогал!

Посмотрев повнимательней на чрезмерно серьезную физиономию начальника охраны, босс решил пойти. Они прошли по коридору и вскоре подошли к одному из кабинетов в личных апартаментах босса, за дверью которого в сейфе хранился приготовленный подарок. Уже подходя к тщательно запертой двери, босс вдруг поморщился:

– Что за гадостный запах?! Что тут горело?! Пакостью какой-то воняет....

Бросив на него странный взгляд, главный охранник ничего не сказал. Босс положил руку, чтобы открыть дверь, как вдруг охранник остановил его.

– Простите, босс.... Подождите... вы в бога верите?

– Что?!

– Ну, крестик носите? И всякое такое...

– Да ты совсем с ума сошел?!

– Помолитесь бы вы, прежде, чем зайти.....

Окинув его яростным взглядом, босс толкнул ручку двери и вошел внутрь.

Зрелище, открывшееся его глазам, действительно заставляло вспомнить о молитве....

Интерьер кабинета был полностью уничтожен огнем, и вместо комнаты теперь зияло черное пепелище. Кое-где в воздух еще поднимались струйки дыма. Сейфа в углу не было. Металл был разворочен взрывом, словно бы изнутри. Казалось, мощный заряд тротила разворотил изнутри стенки и крышу, оставив только искореженные обломки. Полки сейфа не пострадали. На одной из них лежала книга, предназначенная в подарок, и вложенный в нее рукописный пергамент. Книга не пострадала. Казалось, ее даже не тронул огонь. Но самым страшным в комнате было не это.

На полу, рядом с сейфом, лежали два черных, обгоревших трупа. Два человека, которых уничтожил огонь. Один труп, лежащий ближе к сейфу, был полностью сожжен, буквально дотла. На другом, лежащем чуть в отдалении, еще оставались лоскутки плоти, кровавое месиво обнаженных огнем вен и жил, и это было по-настоящему жуткое зрелище.

– Господи... Что здесь произошло? – босс в ужасе отшатнулся к дверям.

– никто не знает.

– Эти двое... Кто они?

– мои люди. Они по вашему приказу дежурили рядом с сейфом, охраняли ваш подарок.

– Может, они здесь курили? Взорвался какой-то газ...

– Они не курили. А газа на этом этаже даже не было. Отопление здесь электрическое.

– Ну, может, проводка вышла из строя.... И...

– С проводкой все в порядке. Я проверял.

– Ну... я не знаю даже.... Но с книгой все в порядке, правда? Она ведь не пострадала?

И, двигаясь боком вдоль стены, босс приблизился к сейфу и взял в руки книгу – кожаный переплет был холодным на ощупь. Начальник охраны бросил на него презрительный взгляд.

Пятясь, босс вернулся назад, к дверям.

– А что с дверью? – спросил босс.

– Дверь была заперта изнутри, я проверял. Когда услышал запах гари, я выбил замок.

Вошел и увидел все это.

– А окно?

– Вы же видите, оно заперто.

Босс растерянно посмотрел на него.

– Но зачем? Зачем убили этих людей?

– Я не знаю. Но вы не видели самого главного. Посмотрите.

Рукой охранник указал на потолок. Но потолке, удивительно белом в комнате, где прошел такой сильный пожар, черным был ровно нарисован перевернутый крест. Черный перевернутый крест словно нависал над сожженной комнатой.

– Господи... – бос отшатнулся, – Это они сделали?

Начальник охраны бросил на него второй презрительный взгляд.

– Они бы не успели.

Внезапно взгляд босса упал на обложку книги, которую он держал в руках. Взгляд стал необычно заинтересованным – так, словно что-то для него прояснилось.

– Значит, так, – неожиданно решительно командовал он, – трупы убрать в подвал, в дверь вставить замок и снова тщательно запереть. Своим людям сказать, чтоб придержали языки, а любопытным говорить, что был небольшой пожар из-за непотушенного окурка. Все ясно? Выполняй!

И, крепко прижимая книгу к груди, босс нахмурился и почти бегом выскочил из комнаты.

2013 год, Восточная Европа

Впереди была церковь с перевернутым крестом. Двери церкви (массивные, с позолотой) были очень плотно закрыты. Здание слева (возле которого остановилась карета) представляло собой небольшой замок, типичной европейской архитектуры, характерной для средневековья. Этот замок выглядел менее мрачно, чем церковь. Остальные здания были менее значительны. Это были грубые постройки от 1 до 3 этажей, возле которых прямо на улице располагались хлев для скота или конюшня, и было ясно, что эти постройки занимались небогатыми горожанами, которые прислуживали монахам. Все двери и окна были наглухо закрыты. За несколькими зданиями виднелись узенькие улочки, поднимавшиеся вверх.

Он оторвался от созерцания и повернулся к своим спутникам:

– Начинает темнеть. Солнца больше нет.

Врач пожал плечами:

– Скоро вечер, поэтому....

– Какой вечер? Все часы показывают 10 утра с минутами! – вмешался москвич, – эти идиотские часы, которые вышли из строя... у всех...

Он посмотрел на свои, потом поднес к уху – послушать... И дольше, чем обычно, смотрел на циферблат.

– Они идут. Сейчас ровно половина шестого вечера. Часы пошли.

– Мне это не нравится! – громко сказал врач, – совсем не нравится! Сначала – странный приступ. Потом – не нормальная тишина. И эти закрытые окна выглядят как-то зловеще! И не может в середине маленькой страны быть заброшенный средневековый город...

– Не город, а музей! – поправил москвич, – и не заброшенный, а закрытый! Что тут ненормального? Что, все музеи должны быть как Диснейленд?

– Диснейленд не музей... – робко попытался врач.

– Какая разница! – москвича не так-то просто было сбить с толку.

– Все равно. Камни выглядят так, как будто они спят. И если их разбудить, то окажется, что это монстр, который моментально вцепится в горло.

Но город не был похож на монстра. Он выглядел не жутким, а печальным.

2009 год, история главного героя

«– Папа, а если я поставлю эти башенки по краям, замок будет настоящим?»

– Наверное, будет. Разве бывают ненастоящие замки?

– Конечно! Вот если я поставлю много-много этих башенок здесь, а вот здесь – совсем ничего, он точно будет не настоящим! Знаешь, папа, я все время думаю... камни, наверное, могут говорить. Только они говорят очень тихо и медленно, поэтому их никто не слышит. Они обязательно должны говорить! Ведь среди них жило так много людей... и они слышали разные голоса... наверное, они научились.

– Но камни ведь не живые!

– Почему ты так думаешь? Потому, что они все время стоят на месте? Но это еще ничего не значит! Может, им просто не хочется уходить с этого места, потому, что оно принадлежит им... Это их место, навсегда. Ты понимаешь?

– Ты уже сделала уроки?

– А, успею! Уроки не главное! Главное – это понять, почему все думают, что камни молчат, когда они совсем не такие! Ты слышишь меня, папа?...».

2013 год, Восточная Европа

С громким шумом взлетела какая-то птица. В потайных складках стен притаилась густая, зловещая темнота.

Москвич, презрительно фыркнув, отвернулся. Он не видел ни темноты, ни камней, ни... Ни белых морд коней, с которых хлопьями падала пена, вниз... Глухой стук подков о камни мостовой... Видение возникло совсем рядом, снова... Как увеличенная картинка под микроскопом, которую видел прямо перед своим лицом.

– Я понял! Понял! – в странном состоянии нервного возбуждения он не понимал, что его крик, громкий истерический крик, звучит слишком громко и зловеще. Испуганные москвич с врачом резко обернулись, подбежали к нему.... Словно в густом, плотном тумане терялись тревожные глаза врача и ухмылка толстяка. Но он не видел их лиц, не видел их глаз. Он ничего не видел.

– Я понял! Понял, почему часы снова пошли! Это карета! Они пошли потому, что карета въехала в город! И сразу наступил вечер!

Непонимающие лица спутников наконец проникли в его сознание сквозь туман. На какое-то мгновение он устыдился своей вспышки: они ведь ничего не видели и, следовательно, понять его не могли.

Он решительно пошел вперед, дергая одну запертую дверь за другой – впрочем, без особого результата.

– Здесь все выглядит так, словно нет никого уже много лет... – тихонько произнес врач, – я сомневаюсь, чтобы музей был таким.... Таким....

– Заброшенным?

– Нет, другое слово! Реалистичным, что ли... Как будто здесь все по-настоящему! Грубое, без украшений... Видна даже грязь... Следы лошадиных подков... словно здесь была жизнь, а потом внезапно исчезла. В разгар белого дня. Что-то произошло – и жизнь прекратилась. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Что ты думаешь обо всем этом?

– Я не знаю, что и думать. Конечно, я читал, что существуют такие мертвые, заброшенные города, но мне никогда не приходилось их встречать. Мне страшно, и другого слова я не найду. Но в то же время мне кажется, что сейчас у нас есть только один выход. Открывать все двери, одну за другой, и куда-то войти.

– Что ж, будем открывать все двери, – он вздохнул.

Москвич был уже достаточно далеко от них.

– Этот... город выглядит очень древним, – продолжил врач, в полголоса, – век 14–15. Неужели все это могло сохраниться до наших дней? И он находится совсем близко к дороге, а его нет ни на одной из карт, ни в одном туристическом маршруте! Почему? Почему сюда не привозят туристов? Почему здесь нет экскурсий? Почему здесь нет ни одного магазина сувениров, в конце концов? Все эти типичные постройки готического средневековья вызвали бы просто бешенный интерес!

– Реставрация еще не закончена, и музей еще не открыт! – авторитетно заявил москвич.

– Если это музей, то кто его хозяин?

– Что ты ко мне прицепился? Откуда я знаю! – огрызнулся москвич.

Наконец все двери были проверены, и в растерянности они остановились возле церкви.

– Если мы нигде не найдем вход, – заметил он, чтобы разрядить атмосферу, – нам придется возвращаться обратно к автобусу.

– Точно! – обрадовался врач, – пойдём обратно! Мне почему-то не хочется оставаться здесь!

– Ну уж нет! Если я не найду открытую дверь, то одну из дверей я просто выломаю! – заявил москвич, – я не собираюсь идти через лес на ночь глядя и ночевать в лесу возле автобуса, который в любой момент может взорваться снова!

На это им нечего было ответить.

Солнце садилось. Начинало темнеть. На камни упали длинные тени. Все вокруг стало выглядеть еще мрачнее, чем прежде. И еще печальней. Впрочем, эту пронзительную печаль, разлитую в воздухе, наверняка чувствовал он один. Внезапно ему захотелось убежать. Развернуться, и, сломя голову, помчаться к выходу из замка. Это желание было таким острым, что он едва сдержал себя. Но, как оказалось впоследствии, такое странное чувство испытал не только он один.

– А что ты собираешься делать? – в голосе врача зазвенели какие-то непривычные тревога и злость, он никогда прежде так не говорил, – ты собираешься ночевать в месте, о котором ничего не знаешь? Ты хочешь провести ночь в городе, которого не существует ни на одной карте? Неужели ты не видишь, насколько все тут странно? А ведь в этом городе все постройки выглядят так, словно пару дней назад в них бурлила жизнь, а заперли их только сегодня утром! Кто их запер? Посмотри – на дверях церкви видна позолота, которая еще не успела потемнеть! Не успела потемнеть с 15 века до сегодняшнего дня? Ты не боишься, что те, кто прогнал жителей этого города так спешно, вернуться в него сегодня ночью?

Этот выпад попал в цель. Москвич заметно побледнел, и было видно, что он растерялся. Сумерки становились более плотными.

– Людям всегда свойственно бояться того, что они не могут объяснить! – робко попытался москвич.

– А ты можешь объяснить? – врач наступал на него почти с кулаками, – ты можешь?!

– Тише! Замолчите! – он выступил вперед, почти разнимая их, – там, за церковью, есть какой-то проход. Мы его раньше не заметили. Он не был виден с середины двора. Давайте посмотрим, что там такое.

Переулок примыкал к церкви вплотную и был настолько мал, что его трудно было заметить с самого начала. Впрочем, это был даже не переулок, а всего лишь крошечный средневековый тупик, загороженный от дневного света крышами двух домов. Крыши, соприкасаясь, нависали почти друг над другом. Со стороны церкви (если заглянуть в самое начало тупика) открывалась гладкая стена дома с узкими зарешеченными окошечками (в несколько этажей), плотно закрытых резными деревянными ставнями. А на другой стороне была дверь, единственная дверь, ясно вырисовывающаяся на фоне стены. Именно эта дверь сразу же приковала к себе их взгляды.

– Здесь мы действительно еще не смотрели... – пробурчал врач вполголоса, но его никто не слышал. Они вошли внутрь, в тупик, и с более близкого расстояния стали видны ступеньки, ведущие к заветной двери, что-то вроде небольшого крыльца. Ступенек было несколько.

Он вошел последним. В тупике стояла та же зловещая, напряженная тишина, что и во всем городе. Но, кроме тишины, к необычным ощущениям прибавилось еще что-то. Это был запах. Неприятный запах гнили и плесени, горький и вязкий одновременно... но, стоило привыкнуть к нему, становилось понятно, что к запаху примешивалось что-то еще. Гарь. Самая настоящая гарь, как будто здесь что-то жгли. И в тупике это ощущение становилось особенно сильным. Он вдруг вспомнил что-то очень важное, действительно вспомнил! Ведь именно за церковью, в этом скрытом, неизвестном проходе исчезли женщина с девочкой! Он вспомнил, как они уходили. Вспомнил, как женщина оглядывалась назад. Вспомнил печальное и просящее выражение ее лица и слова, не успевшие слететь с губ... Слова, которые он не слышал.

Он остановился как вкопанный, растерянно уставившись на ступеньки. Возможно, они прошли здесь. И еще этот проклятый запах... Запах вызывал тошноту. Он хотел сказать о нем,

но москвич с врачом уже поднимались по лестнице. Он пошел вперед, внимательно глядя себе под ноги.

На ступеньках лестницы что-то лежало, и именно оттуда шел ужасающий запах. Врач и москвич оставили предмет без внимания. Он подошел поближе. На ступеньках лежала детская кукла. Грубая деревянная кукла маленькой девочки! Та самая, которую он видел в руках ребенка. Дешевая кукла с грубым размалеванным лицом, волосами из пакли, торчащими во все стороны и в холщовом платье. Кукла была запелената в кусок белого холста (так, как может запеленать только маленькая девочка). Он уставился на куклу с немим ужасом, словно замерев. Потом протянул руки. И быстро (слишком быстро, словно боясь) схватил со ступенек.

– Посмотрите, что я нашел! Смотрите!

Когда он крикнул, они были уже возле двери, но еще не успели ее открыть. Лицо москвича стало гневным. Врач спустился на несколько ступенек назад. Его настолько удивило выражение их лиц, что он даже не удосужился опустить глаза сам, а когда опустил.... В его руке, вытянутой вперед, не было никакой детской куклы. В руке лежал обгорелый кусок дерева, обгоревший с обеих сторон, источавший ту самую страшную вонь, которая была так сильна даже в начале тупика-переулка. Простой кусок дерева, не успевший сгореть.... Просто почерневшая, обугленная деревяшка.

– Это что, карета? – брови москвича сдвинулись на переносице, – опять начинается припадок, а?

– Я нашел это на ступеньках лестницы, и... – его голос предательски дрогнул, что было (в принципе) плохим признаком для растерянных глаз его спутников.

– Мало ли какой мусор здесь валяется!

– Мне показалось... показалось, что... не знаю... мне показалось, что это важно.

Лицо врача в миг стало профессиональным, и он вдруг почувствовал смутный страх, как будто действительно стал его пациентом. Но несмотря на это, он не бросил деревяшку вниз, а заботливо спрятал кусок обугленного дерева себе в карман. Зачем? Он не мог это объяснить.

Скрип был пронзительный, и поражал, как удар. Скрип раздался вовремя, прервав нелепые слова всех троих, и прозвучал, как нельзя кстати. Дверь открылась. Дверь над лестницей медленно приоткрылась и, наконец, прекратила свое движение, оставив взору людей глубокую темную щель... Он усмехнулся про себя, подумав: наверняка лица всех троих выражают одно и то же – неприкрытый ужас.

2009 год, Россия, Москва

Самолет приземлился с точностью до секунды. В аэропорту их встречали. Весь основной состав группы отправили в уютный микроавтобус «Мерседес». Двое же основных солистов (муж и жена, представляющие всю «соль» ансамбля), в сопровождении ассистента продюсера направились к «лексусу» представительского класса. Идти до стоянки пришлось долго, прямо по заснеженным дорожкам рядом с терминалами, и женщина путалась в полах дорогой норковой шубы, шпильками сапог цепляясь за твердые куски льда.

Когда в зарубежной прессе писали о них, как о лучшем цыганском ансамбле мира, им не льстили. Те, кто видели их шоу (надо сказать, оснащенное самыми современными спецэффектами), говорили, что это нечто особенное – лучше и представить нельзя. Они пользовались огромной популярностью за рубежом, и большую часть времени проводили в Европе (особенно их полюбили Париж и Рим). Но в последние годы пали и другие континенты. В частности, они срочно вернулись из Лос-Анджелеса, прервав очень выгодные гастроли. Лос-Анджелес с его «зимней жарой» представлял очень большой контраст с холодной. Заснеженной Россией.

Несмотря на то, что ансамбль и назывался, и считался цыганским, выступали в нем не только цыгане. Там были русские, и евреи, и молдаване, и грузины, и в последнее время появились даже румыны и двое хорватов. Отбирались согласно вокальным и внешним данным. Но двое неизменных солистов (собственно, их и приходили смотреть, так как они держали все шоу), были чистокровными цыганами.

Это были православные цыгане. Все их родственники давным-давно прекратили кочевать. Они осели, построили дома, некоторые даже занялись бизнесом. Цыганского в них остались только традиции, характер, да артистичность (проявляющаяся не обязательно как способность к пению и пляскам). Так, старший брат солиста ансамбля, Николая, стал очень удачным бизнесменом, большинство самых выгодных сделок заключая с помощью своих невероятных актерских данных, о которых конкуренты его и предположить не могли.

Гастроли по Америке принесли ансамблю успех, мечтать о котором они не могли никогда. Это были не только деньги, но и мировое признание, и то огромное внутреннее удовлетворение, которое является настоящей наградой после очень тяжелой работы. И все это триумфальное турне было прервано, чтобы срочно вернуться в Россию всего на два дня.

На красивом лице женщины мужественно сражавшейся с сугробами, попадающими на пути металлических шпилек, явно были написаны разочарование и злость. Ее муж, не обращая никакого внимания на недовольство жены, весь путь до «лексуса» трепался по мобильнику. Когда впереди уже показался серебристый автомобиль, женщина все-таки поскользнулась. Падая, она чудом уцепилась за руку мужа. Тот помог ей удержать равновесие, но она вырвалась с такой злостью, что было ясно: разговор по мобильнику нужно немедленно прекратить. Усаживаясь в машину, женщина защемила дверцей длинную полу шубы, и почти взвыла: – Какого черта!...

Автомобиль осторожно двинулся по заснеженной дроге. Сразу за ним, чуть в отдалении, ехал «мерседес» с остальными артистами.

– Может, ты объяснишь, что происходит? – в голосе мужа прозвучало явное недовольство, – за всю дорогу ты не сказала ни одного слова! А теперь вот ведешь себя черти как! Чего ты злишься?

– Злюсь? – пара раскаленных от ярости черных глаз уставилась на него в упор, – а ты считаешь, что я должна веселиться?! Прервать такие гастроли ради того, чтобы выступить на дне рождения! Очень хорошо!

– Ты сумму гонорара видела? – вкрадчиво осведомился муж.

– Да плевать я хотела на эти деньги! Упасть так низко, чтобы выступить на дне рождения какого-то бандита! Как дешевая стриптизерка! Кто-то еще будет говорить про цыганскую гордость....

– Не бандита, а депутата.

– Это одно и то же!

Муж хмыкнул. Ассистент продюсера, бывший за рулем, тоже.

– И дорога такая утомительная! Я устала... это невыносимо!

– Нашла на что жаловаться! Предки твои кочевали не в Боингах и не в дорогих иномарках, а на повозках без всяких удобств!

– Ты еще напомни, что они не знали, что такое джакузи! Во-первых, это и твои предки тоже! А во-вторых, я не хочу туда ехать! Ясно тебе? Не хочу! Почему должны ехать именно мы? Мало других артистов? Взяли бы кого-то – и всё!

– Он заказал лучший цыганский ансамбль. Мы лучшие.

– И этот жирный кот. С которым мы подписали контракт, не смог отказаться от этого вонючего гонорара!

– Рада!

– Что Рада?! Я ему и в лицо всё это скажу!

Муж тяжело вздохнул. Он был достаточно рассудительным человеком. И критически оценивал любую ситуацию.

– Позволь тебе напомнить, Рада, – ядовито-елейным тоном начал он, – что ты не меньше нашего кота любишь деньги! Вспомним, сколько стоит твоя шубка? И одета на тебе, между прочим, не самодельная юбка из дешевенького ситца, а джинсы от Юдашкина за 3 тысячи евро! А твоя косметика, целый чемодан которой ты возишь за собой? Может, вспомним еще твои серьги? Особенно те, с розовыми бриллиантами, которые ты купила неделю назад у Картье? Все это стоит денег! Ты даже в четырехзвездочных отелях останавливаться отказываешься, если поблизости есть 5 звездочек! Все это стоит денег! А ты что думала? Хочешь, как твои предки, за гроши на базарах и вокзалах гадать? Хочешь, чтоб тебя менты гоняли, хочешь ходить в ломотьях? Вперед! К этому ты всегда успеешь вернуться. Будешь в точности, как твои предки сто лет назад! Но если ты по-прежнему хочешь покупать себе такие серьги, жить в пятизвездочных отелях и носить одежду от Юдашкина, ты заткнешься, прекратишь выматывать душу мне и людям, и поедешь петь на этот чертов день рождения, чтоб он провалился!

На несколько минут в машине наступило молчание. Нахмурившись, женщина смотрела в окно. Прошло минут десять, когда она, наконец, обернулась. Лицо ее было невероятно бледно. Под глазами пролегли темные круги.

– Ладно, – сказала она, – я не хотела говорить, но теперь придется. У меня очень плохие предчувствия. Там, на этом дне рождения, случится что-то ужасное. Вообще уже происходит что-то ужасное. Я это чувствую.

– Что за глупости! – муж взорвался, – прекратишь ты наконец или нет? Ты не можешь ничего чувствовать! Просто ты не хочешь ехать, вот и выдумываешь всякие глупости!

– Это не так! Там будет плохо, очень плохо! И сны я видела! Нам не надо ехать туда! – в голосе женщины вдруг прозвучали элементы истерики, – у меня предчувствие! Пойми, наконец! Я видела...видела...

Муж пристально посмотрел на нее, обернувшись, чтобы выругать в очередной раз, и вдруг...замолчал. На него в упор смотрели черные глаза женщины, но что это были за глаза! Из глубины этих глаз смотрели на него далекие поколения всех его предков, исполненные великим даром мудрости и тайн, свойственных его народу. Народу, который обладал особыми знаниями... Самыми тайными – из всех...

– Мне казалось, ты давно прекратила гадать, – прошептал он. В глазах жены светился тот особый дар предвидения, который время от времени проявляется у всех, кто имеет цыганскую кровь.

– Что ты видела?

– глаз сатаны... Я видела глаз сатаны... Он будет там... это страшный знак! Еще моя бабушка рассказывала...

В этот момент раздался страшный скрежет, звон разбитого стекла и удар. Водитель превысил скорость, не справился с управлением, «лексус» заскользил на покрытом льдом участке дороги и съехал с трассы, ударившись в дерево. Ветровое стекло было разбито вдребезги. Капот безнадежно испорчен. Но никто из пассажиров не пострадал. Только водитель отделался легкими порезами на руках и лице.

Сзади затормозил «Мерседес», оттуда с криками посыпались артисты. Николай помог Раде вылезти из разбитой машины. Поминутно сплевывая и ругаясь на чем свет стоит, водитель вылез сам. Рад внимательно посмотрела на мужа.

– Это знак.

Он согласно кивнул.

– Ты права.

Затем, обернувшись к остальным, зычно объявил:

– Мы возвращаемся в аэропорт. Выступление отменяется.

И, посмотрев на водителя в упор, сказал (с таким выражением, что тот не посмел возражать):

– Выступать на этом дне рождения мы не будем. Пусть вернет деньги. Комментариев не жди! Все, я сказал.

2013 год, Восточная Европа

– Значит, здесь все-таки кто-то есть... – сказал он, чтобы сбить это отвратительное молчание.

– Я не понимаю... Ничего не понимаю... – забормотал москвич, и ему вдруг подумалось, что вне зависимости от характера и привычек ужас всех поражает одинаково.

– Но это невозможно! – откликнулся врач, – невозможно! Здесь никого нет! Никого! Мы же проверяли все двери!

– Значит, не все! – твердо сказал он.

– А вдруг кто-то услышал наши голоса и решил открыть? Может, сторож, – голос москвича по-прежнему дрожал, но он все-таки пытался взять себя в руки, и ему в голову пришло, что это (в принципе) достойно похвалы, – должно же быть какое-то реальное объяснение!

– Вопрос в другом – что мы будем делать? – сказал врач.

– Войдем и посмотрим! – твердо сказал он.

– Десять минут назад ты говорил совершенно другое!

– Я передумал.

– Почему? С чего вдруг передумал?

– Я никогда в своей жизни не бежал от раскрытой двери!

– Но и не входил в нее, верно?

Реплика москвича носила многозначительный характер, глаза неприятно косили в сторону, и всем своим поведением он пытался дать понять, что в его фразе содержится намного больше смысла, чем сказал... Он отвернулся к стене, чтобы не видеть так явно, как вокруг расцветают черные цветы подлости. Аромат которых вдруг заполонил все вокруг. Он не хотел, чтобы все это отражалось у него на лице, но в то же время знал, что ничего не сможет с этим поделать. Что это всегда будет отражаться на его лице... Всегда... Как кровоточащий шрам. Как чудовищный рубец, из которого вечно будет сочиться кровь. И люди будут шархатиться в ужасе от одного его вида и он станет чем-то вроде зачумленного или прокаженного, изгоем, тем самым, каких так боится толпа. Ведь для того, чтобы вызвать ужас у толпы, не обязательно быть уродом. Иногда для этого достаточно обладать нечеловеческим горем. Горем, которое, как кошмарный асбестовый панцирь, накладывается на всю жизнь.

Он попытался взять себя в руки, но не смог. Мешали призраки. Единственное, что смог, просто прикрыть глаза на несколько секунд. Несколько секунд, похожих на кошмарный сон.

Москвич, конечно, испугался.

– Видишь, я не полный идиот! Я правильно сказал, верно? Я читал о тебе в газетах и сразу смекнул, кто ты такой! Так что нечего из себя строить самого умного, про тебя и так все ясно!

– Послушайте, я ничего не понимаю... – в их диалог (вернее, в односторонний монолог москвича – потому, что он за все это время так и не проронил ни слова) вмешался врач, – что он такое говорит? Что было написано в газетах?

Врач вопросительно повернулся к нему и он ответил:

– Это не важно.

– Да? – у москвича словно открылось второе дыхание (возможно, знание чужой тайны придало ему уверенности), – тебе, похоже, часто попадаются раскрытые двери! Только в этот раз ты войдешь первым!

– Хорошо, я войду, – он вытер со лба ледяной пот.

– Нет! – врач закричал неожиданно громко, – нет! Никто туда не пойдет! Это страшное место, отсюда нужно бежать!

– Я войду, – он решительно отстранил врача.

– Я больше не намерен стоять на месте и все это слушать! – неожиданно взвизгнул москвич, – Я могу сдвинуть с этой дороги вас обоих! И тебя тоже, кстати.

– Попробуй.

– Что? Ты сомневаешься?

– Сомневаюсь, – он усмехнулся, – знаешь, я мог бы убить тебя одним ударом, здесь и сейчас, все равно бы этого никто не увидел. Я мог бы сделать сейчас все, что угодно, особенно в этом месте, в котором в воздухе – зло. Но я этого не хочу. Я не хочу пачкать свои руки. Я вообще не хочу с тобой драться! Поэтому я буду делать все, как считаю нужным, не собираясь с тобой даже говорить.

– Ты, придурок! Ты давно стоишь у меня поперек горла, урод! Я устал от твоих выходок! Если хочешь получить по морде – сейчас получишь!

Он вдруг засмеялся. Он смеялся глухо, как будто каркал, и в этом странном смехе неожиданно для него самого зазвучала горечь. Поняв, что зашел слишком далеко, москвич смертельно перепугался, и очень хотел отступить, но только не знал, как. Он решил прийти ему на помощь:

– Ты плохо прочитал газеты. Или прочитал их не до конца.

– А что было в конце? – москвич заговорил совершенно другим тоном.

– Это не важно! Может, это глупость, но если дверь открылась прямо перед тобой, нельзя в нее не войти.

Быстро поднялся по ступенькам. Врач и москвич едва попевали за ним. Врач тихонько тронул его за рукав куртки:

– Что ты имел в виду, сказав, что он не дочитал газеты до конца? Что было в конце?

– А ты знаешь, что было в начале?

– Нет, но... это не важно, правда?

– Не правда. Самое важное в начале всегда. А если в конце – это очень плохой сюжет. В конце было то, какая у меня профессия.

– И какая же?

Беседуя, они поднялись уже на несколько ступенек каменной винтовой лестницы, которую обнаружили сразу за дверью. Это была очень странная лестница, ступеньки которой были выдолблены прямо в стене. Лестница вилась спиралью вверх и расстояние между стенами было таким узким, что нельзя было даже развести руки. Каменные ступеньки были высокими, стертymi, с частыми выбоинами на краях. Воздух был спертый, полный плесени и сырости. Стены покрывал темно-зеленый мох, пробивающийся прямо сквозь каменную кладку. Кое-где из стен сочилась вода, и капли медленно падали вниз с равномерным, тяжелым звуком. Свет проникал снизу, из раскрытой двери, и оттого все вокруг казалось темным. Идти по высоким ступенькам было достаточно тяжело. Затруднительный подъем забирал много времени и сил.

– Когда-то у меня была школа.

– Школа? Частная школа? Ты учитель?

– Нет. Школа по восточным единоборствам. И много учеников. Я учил бою.

– Ты сказал – была?

– Была. Потом я ее закрыл.

– Почему?

– Какой смысл драться и владеть своим телом, если ты не можешь спасти жизнь? По сравнению с жизнью все это ничего не стоит. Я не смог спасти жизнь. И не одну жизнь. Именно это было в начале. Знаешь, если б даже он полез в драку, я все равно не смог бы его ударить.

– Не смог бы дать сдачи? Ударить в ответ?

– Я больше не буду давать сдачи. Никогда.

– Никогда? Ты говоришь серьезно?

– Говорят, искусство боя стоит жизни. Иногда ради этого искусства жертвуют целой судьбой и оно превращается в жизнь. Так вот, я решил эту жизнь убить. Я больше никогда не подниму руки для удара. Что бы ни произошло.

2009 год, история главного героя

- «– Ты обещал повезти меня после школы в Мак-Дональдс, а сам не приехал!
- Малыш, ну извини! Я же маме звонил...
- При чем тут это? Ты обещал повезти в Мак-Дональдс меня!
- У меня были дела, работа. Важная встреча, которую я никак не мог перенести. Это по поводу нового зала – помнишь, я рассказывал? Тот человек был свободен только во второй половине дня...
- Работа, работа... вечно одно и то же! Ненавижу эту работу! Как будто ты живешь только ради нее!
- Малыш, ну что же делать... ты же знаешь, как я люблю свою работу, и...
- А меня ты совсем не любишь!
- Что за глупости!
- Не любишь! Если бы любил, бросил бы всю свою работу ради меня!
- Не говори глупости! Ты маленькая, и не все понимаешь.
Вот подрастешь – и поймешь!
- Не хочу я подрастать! Я хочу в Мак-Дональдс сейчас! С тобой!
- Малыш, я тебе обещаю: поедем точно! На следующей неделе у меня будет свободная минутка, и... Ну не сердись! А летом... летом мы вообще долго-долго будем вместе, когда поедем смотреть замки!
- Знаю я твое «поедем»! Опять будешь думать про работу и все время болтать по мобильнику, а на нас с мамой будешь плевать!
- Не надо так говорить! Мама понимает, как важна моя работа!
- Это ты сам ничего не понимаешь! Большой – а не понимаешь! Для тебя должна быть важной не работа, а я!
- Ты и так для меня на первом месте! Всегда!
- Ага, поэтому я сутками тебя не вижу! Ты обещаешь повезти меня в Мак-Дональдс после школы, а сам исчезаешь!
- Малыш, ну не сердись! Ну хочешь, завтра поедем? Конечно, если не подвернется никаких других дел... Знаешь, сколько Мак-Дональдсов будет у нас впереди? Ты еще устанешь от них, обещаю! Но сейчас – сейчас надо немного потерпеть. В конце концов, я не каждый день открываю свою школу, правда?».

2013 год, Восточная Европа

Капли падали вниз с тяжелым стуком, оседая на стертых ступеньках, мягко прячась в темный столетний мох. Врач легонько тронул его за рукав:

– Ты говоришь очень странные вещи! Я даже отказываюсь тебя понимать. Разве тот, кто занимался боевыми искусствами, не сохранил в себе это умение на всю жизнь? Хотя бы боевой дух? Дух война?

– Сохранил. Именно это умение вместе с духом война я должен убить. Уничтожить.

– Должен? Кому – должен?

– В первую очередь – себе.

– Но если на твоих глазах нападут на беззащитного человека... Если ты будешь видеть, что опасность угрожает кому-то из твоих близких... Неужели ты не вступишься, чтобы защитить?

Он переступил через ступеньку, держась за стену. Только один раз легко поскользнулся в луже склизкой воды. Он не замечал, что молчание, разлитое в воздухе, вдруг стало тягостным. А может быть, злым... Капли падали вниз, создавая атмосферу печали. Возможно, врач почувствовал что-то, потому, что не решился повторить свой вопрос.

– У меня нет близких, – слова прозвучали глухо. Врач ничего не сказал.

Лестница закончилась внезапно, и в лицо ударил сноп света.

Широкая площадка (верхняя ступень лестницы) была очень короткой, и, переступив ее буквально через пару шагов, они оказались в огромном зале, сводчатые высокие окна в котором были распахнуты. В них вливались серые потоки света – еще не успело стемнеть. Зал был огромен, имел прямоугольную форму, и конец его вообще терялся в темноте. Ставень на окнах не было, точно так же, как и решеток, и это производило странное впечатление, еще более странное оттого, что кое-где в окнах не было даже стекол. Пол был выложен отполированными мраморными плитами, потемневшими от времени, и эти плиты гасили шаги. Несмотря на такие размеры зала, на высокий потолок, тонувший в переплетениях огромных мраморных колонн, в зале совершенно не было эха. Казалось, даже воздух был неподвижен, заполняя все пространство как плотное материальное тело. Зал был абсолютно пуст. Ни где было заметно ни единого признака присутствия человека. Кроме того, в зале не находилось никакой мебели – ни одного стула, ни стола, ни скамеек или кресел вдоль стен... ничего абсолютно, даже подсвечников на стенах. Они прошли несколько шагов вперед и остановились, изучая пол, потолок, проемы стен... Несколько минут изучения не прошли даром: кое-что в зале действительно было. Картины. Кое-где в проемах между окнами висели картины, в самых темных и далеких участках стен.

Это были закопченные от времени, почерневшие полотна. На них совершенно не падал тусклый, вечерний свет из окон, поэтому изображение было невозможно разглядеть. Картины были в простых деревянных рамах (рамах из черного дерева), и от этого они казались еще темнее. словно кто-то специально расположил их так, чтобы создать полную иллюзию отсутствия света, развесив в самых темных, плохо освещенных местах. И в то же время непонятные картины с неясным изображением словно наблюдали за теми, кто находится в зале. Оттого вошедшие боялись лишней раз пошевелиться. Тонкий лучик солнечного света неожиданно упал в серую пыль, осветив одну из картин. Он был тусклый, дрожащий. Свет производил впечатление призрака: убогий мираж в темноте.

Он пошел к стене, к той картине по центру, край которой был освещен солнцем. Подошел близко. И застыл.

Иступление. Он вдруг нашел в памяти то единственно верное слово. Тело бросило в жар, потом обдало ледяным холодом. Это был не просто кошмар. Ненависть, и ярость, и бешен-

ные порывы страсти, сметающей все на своем пути, и одержимость дьяволом как идеей, и безумие потерянной души, разодранной в клочья сомнениями и отчаянием, черным и глухим проклятием пролитой крови, и... исступление. Он видел его, оно протягивало свои чудовищные, раскаленные щупальца и умыкало в пучину, в бездну, пожирало заживо пламенем, заставляя душу, как окровавленную тряпку, трепетать на черном ветру страстей. В тот первый момент, когда он глянул на изображение, в голове вдруг ярко вспыхнуло что-то болезненное и страшное. В голову, объятую пламенем исступления, пришло только одно: ужас.

Лица, изображенные там, не были лицами. Так могло бы быть, если б человеческие лица изо всей силы прижать к стеклу. Тогда смялись бы все черты и осталось одно белое пятно. На картинах было слишком много белых пятен, но не они приковывали внимание, не они оставляли такое острое впечатление. Его оставляли глаза, безудержно распростертые в крике рты и руки, которые судорожно колотили по этому невидимому стеклу. Пытаясь вырваться без надежды. Без малейшего проблеска надежды и прекрасно знающие это – глаза. Он сразу понял, что эти белые пятна – не лица, а души. Запертые души. Запертые в каком-то страшном месте, из которого невозможно уйти. От них веяло таким первобытным ужасом, таким отчаянием, что он почувствовал, как зашевелились волосы на его голове. Скрюченные руки, судорожно сведенные, в истерике, пальцы колотили по стеклу, пытались протянуться к нему. Рты были похожи на черную дыру, издающую отчаянный смертный вопль, обреченный вопль ужаса, не способного проникнуть наружу. Он почувствовал мелкую дрожь в кончиках пальцев. Он знал множество разновидностей и видов страстей, но он никогда не видел страсти, приносящей столько страданий.

Внезапно ему показалось, что все лица (белые пятна) обернулись к нему. Обернулись, зашевелились. Потянулись чудовищными пальцами, колотя изо всех сил по невидимой, не преодолимой преграде. Так могли бы вырваться из могилы, из-под земли люди, которых похоронили живьем. С тем же исступлением пытающиеся раздрать деревянную крышку гроба голыми руками. Он хотел закричать, закрыть руками лицо, но не смог... Словно его держала какая-то невидимая сила. Он лишь издал горлом какой-то хриплый, горловой звук. Потом заметил краем глаза, что от страшного зрелища оба его спутника превратились в застывшие тени.

Край солнечного луча осветил и вторую картину. Не так хорошо, как первую, но все-таки достаточно, чтобы обернуться к ней. Сделав над собой колоссальное усилие, он повернул голову и увидел икону. Самую настоящую икону с бесплотными ликами святых. С одним только исключением: лицо Бога на всех было стерто. Это были иконы, древние иконы, изображавшие святых – но каких святых? Атрибуты древней религии – но какой религии? Лица изображенных на них людей поражали черными провалами глаз. Словно эти лица жили особенной, страшной жизнью. Иногда это были отдельные лица, иногда – группы людей в древних длинных одеждах. Но во всех картинах не было того единственного, что отличает иконы в церкви от других изображений или рисунков. В них не было умиротворенности, света, смирения, внутренней чистоты. Вместо святости и спокойствия на этих лицах было изображено безумное исступление, чудовищная пляска подвластной дьяволу души, бешеный блеск нарисованных глаз, верней любых слов характеризующий одержимость. Каждая из картин была в простой деревянной раме из темного (или почерневшего) дерева, без всяких украшений. Он оглянулся. Лицо врача выражало неприкрытый ужас. Лицо москвича было более живым. Может, потому, что москвич не умел принимать вещи близко к сердцу, он не был так сильно испуган.

– Там что-то есть! – рука врача застыла в воздухе, и, обернувшись к ним, он словно пытался найти защиту, – на каждой картине что-то написано. Посмотрите, в правом нижнем углу!

Это было правдой. На картинах присутствовало кое-что еще, кроме страшных изображений. Внизу каждой картины были письма, как и те, что они видели на воротах, на входе.

Буквы располагались столбиком, но не ровно, а наползая одна на другую – как маленькие ядовитые змейки.

– Не нравится мне все это! – он и не заметил, что говорит вслух. Действительно, буквы были странными и оставляли неприятное впечатление, даря ощущение необъяснимой тревоги.

– Дверь! Там еще дверь – напротив картин!

Он решительно шагнул вперед, через несколько секунд был возле двери, и не удивился, узнав, что дверь заперта. Усмехнувшись (какой быстрый переход от страха к спокойствию), спросил вполголоса:

– Что теперь?

Москвича не так легко было смутить:

– Я рад тому, что хоть что-то в этом зале стало явным! Дверь заперта, и это факт. Никакой дьявольщины, никаких загадок...

– Дьявольщины? Ты веришь в дьявола?

– Верю, конечно. Ты разве нет?

– А мне приходилось видеть дьявола... – врач уселся на пол и, посмотрев на него, он рассудил, что стоять столбом перед закрытой дверью в принципе глупо, и сел тоже.

– Приходилось? Где?

2009 год, рассказ врача

«Наверное, действительно лучше заговорить об этом, пока мы хоть как-то не откроем эту дверь. Дело в том, что я уже видел такие картины... Как те картины, что на стенах. Это случилось очень-очень давно, и произошло там, где я родился – в небольшом поселке в Смоленской области, в России. Это был крошечный, Богом забытый поселок посреди густого, темного леса. Зимы в тех краях были суровые, с крепкими морозами и множеством снега, который так уютно поскрипывал под ногами по вечерам, когда на белый покров падал тусклый свет ламп из окошек. Было очень страшно ходить вечером, зимой, в темноте, в густом лесу, примыкающем вплотную к домам. Большинство жителей с наступлением темноты предпочитали запирались у себя. Но ко мне это не относилось. Ко мне и еще нескольким, самым отчаянным мальчишкам. Я был очень любопытным и подвижным ребенком. Мне шел десятый год. Отец мой умер, когда я был совсем маленьким, а мать день и ночь работала, чтобы прокормиться. Днем она работала в поле, а по ночам шила. Поэтому почти все время я был предоставлен самому себе. Наш домик был беднее всех остальных. Покосившиеся стены, прохудившаяся крыша да крыльцо, где провалились ступеньки. Сколько раз я перелетал через это крыльцо на ходу, вываливаясь из дома в поисках новых приключений. Вместе с компанией таких же сорванцов мы облазили все окрестности, и знали все вокруг как своих пять пальцев. В нашем поселке на самой окраине, возле реки, был заброшенный дом.

Окраина села в поселке пользовалась дурной славой. Когда-то там было много домов, но потом жители бросили их, и дома постепенно превратились в руины. Но один дом был более крепкий. И он сохранился в виде, вполне пригодном для жизни. Это был очень добротный, большой дом, который пустовал почти все время. Почему на окраине никто не живет – я не знал. От маленьких детей всегда скрывают страшную правду. Ходили какие-то разговоры о нечистой силе, но что это такое, я не понимал.

Однажды мы узнали, что кто-то купил этот дом, а вскоре в нем появились люди. Они отремонтировали его, добавили несколько пристроек с башенками (так, что строение уже не напоминало жилой дом, а стало похоже на какой-то храм). Новых жильцов почти никто не видел, они редко появлялись на улице, а окна дома почти всегда были закрыты плотными ставнями. Конечно, в поселке очень долго судачили о новых жильцах, но толком так ничего и не было известно. Я был предоставлен сам себе, поэтому мог гулять дольше, чем остальные мальчишки. За тем домом была тайная тропка, по которой мы убегали в лес. Об этой тропке никто не знал, но, когда в доме поселились люди, бегать в лес мы уже не могли. Детское любопытство – страшная вещь. А любопытство плюс масса свободного времени – уже оружие. Так я решил выяснить, кто эти люди, и зачем они приехали в наши края. И хотя бы однажды их увидеть. Их приезд был настолько таинственным, что никто даже не знал в точности, сколько человек их было. Впрочем, однажды в поселке о них пошел достаточно достоверный слух. Кто-то сказал председателю колхоза, что это молящиеся, которых преследуют в городе, поэтому они переселились в деревню. Молящиеся – значит, члены какой-то секты. И вот однажды мое бесконечное дежурство возле дома увенчалось успехом. Я увидел несколько человек.

Я видел двоих мужчин и двух женщин. Все четверо были в одежде одинакового черного цвета. Мужчины – в черных брюках и черных рубашках, а женщины – в длинных платьях, с платками на голове, которые полностью закрывали волосы. Мужчины были высокие, с белыми лицами, с длинными черными бородами. Женщины – худые, изможденные, с тонкими чертами лица, бескровными узкими губами. Они возвращались из поселка, вошли внутрь дома и больше не выходили. Не знаю, догадались ли они, что за их домом кто-то следил, а по поселку шли разные разговоры, или была какая-то иная причина, но со следующего дня в поселке стал постоянно появляться обитатель дома, который представлялся всем руководителем молитвен-

ного собрания. Он появлялся так часто, что все в поселке скоро привыкли к его виду. У меня он вызывал просто панический ужас. Это был человек очень высокого роста и очень худой, в такой же черной одежде, как и остальные. Его лицо было очень выразительным, даже красивым и немного напоминало лицо Бога, каким его изображают на иконах. У него были длинные черные волосы и густая борода. Но глаза были все-таки самым поразительным в его внешности. Черные как смоль, немного навывкате, его глаза горели таким неистовым огнем, что каждый взгляд прожигал насквозь, буквально оставляя ожоги на коже. Казалось, он способен мгновенно прочесть каждую твою мысль. Его глаза просто выжигали душу, и почти всем в поселке было страшно с ним разговаривать. Мирные жители деревни не очень-то привыкли к людям с таким неистовством. Каждый раз, когда он появлялся на улицах, все мальчишки прятались, а соседки у домов бурно перешептывались. Так очень скоро по всему поселку пошел слух. Что высокий бородач – колдун, и у него дурной глаз. Люди старались не попадаться ему на глаза, но его, казалось, это совершенно не смущало. У меня он вызывал и панику, и жгучее любопытство (то самое жгучее любопытство, которое все еще не было удовлетворено). И вот однажды ночью я решил посмотреть, чем они занимаются, прокравшись к их дому. Еще раньше я подсмотрел, что в одном из окон ставни прикрыты не полностью, есть маленькая щель. И вот, когда часы пробили одиннадцать ночи, я вылез из своей комнаты и помчался к тому дому. Щель в ставнях ярко светилась, и я жадно прикинул к ней.

Шесть человек (четверо мужчин, в том числе бородач, и две женщины, которых я уже видел), сидели за столом в круг, вытянув руки перед собой и гнусавыми голосами пели речитатив на непонятном языке. На столе горели свечи в двух подсвечниках – шесть абсолютно черных свечей. Было похоже, что они молятся, но я никогда не слышал такой странной молитвы. А на стене... На той стене, что была мне видна, висели две картины. Это были точь-в-точь как те картины, которые мы видели здесь, сейчас. Я имею в виду не искаженные лица, а те, которые, как иконы. Я запомнил эти темные лица не христианских святых, эти странные иероглифы сбоку. Ребенком я мало что мог понять, но помню, какое страшное они произвели на меня впечатление. Мне было так страшно, что, не чувствуя под собой ног, я помчался назад, домой, влез в окно, зарылся с головой в одеяло и так, дрожа, без сна просидел до самого утра. Конечно, утром я никому не рассказал об этом. Но если вы думаете, что это конец моей истории, то глубоко ошибаетесь. Это только начало, присказка. Сказка ждет впереди. Я еще не знал, я даже не предполагал о том, с каким ужасом мне придется столкнуться. Но смутные предчувствия об этом ужасе появились в моей душе уже тогда, когда я увидел те картины на стенке. Итак, продолжение моей истории. Оно начинается с Любки.

В нашем поселке жила Любка. Это была очень красивая девчонка лет 20-ти. Любка одевалась по городскому, красила губы и когда-то жила в городе. Она производила убийственное впечатление на всех местных мальчишек – все поголовно были в нее влюблены. В поселке Любку не любили, и не только потому, что она не была местной (Любка жила в поселке у своей одинокой тетки, родители ее были из города, но умерли оба довольно давно). Местные сплетницы говорили про Любку, что она гулящая. Я еще не понимал, что означает это слово (да мы мало что вообще понимали), но мне казалось, что все остальные женщины просто завидуют ей. Уж очень она была хороша! В тот день я сбежал с последнего урока в лес. И в лесу, на поляне, я внезапно услышал голоса за кустом.

У меня было свое любимое место: валун в зарослях возле реки, место уединенное, потаенное, и я просиживал там часами, словно прятался от всех. Так вот: в тот день я сидел на своем валуне и смотрел в воду, когда услышал за спиной голоса в кустах. Нет, это было совсем не то, что вы подумали. Не любовная парочка, которая решила уединиться в лесу. Голоса напоминали плач. Всхлипы... Я прокрался и выглянул сквозь ветки. На поляне стояли Любка и высокий бородач, колдун. Любка горько плакала и прижимала к лицу платок. А бородач положил ей руки на плечи и все говорил, говорил без конца... Мне показалось, что его голос похож

на усыпляющее бормотание. Внезапно мне стало очень страшно. Почему? Я не смог бы объяснить. Картина была очень мирной, в ней не было ничего пугающего, но внезапно я почувствовал ужас, как в тот момент, когда увидел на стенах иконы... А, разглядев глаза колдуна, я вдруг получил реальное объяснение моему ужасу. Его глаза горели еще большим огнем, чем раньше. Мне даже показалось, что они стали красными. Жуткие, не человеческие глаза. Но Любка прижимала к лицу платок и глаз его не видела. Я прокрался еще ближе – так близко, что мог слышать их слова. Бородач сказал: «помни, другого выхода у тебя нет. Сегодня в полночь я зайду за тобой». А Любка, плача, ответила: «Все равно у меня нет и другой надежды». Он вложил что-то ей в руку (какой-то металлический предмет) и ушел. Любка тут же пошла в противоположную сторону. Полночь, сегодня ночью... Несомненно, что-то должно было произойти! Я не знал, о чем плакала Любка, и что связывало ее с бородачом, но понял, что это что-то серьезное. И я принял решение: ночью побежать к дому Любки и посмотреть, что произойдет дальше.

Разумеется, я осуществил свое намерение. Вылез через окно и прибежал к ее дому далеко до полуночи. Я ждал достаточно долго, до тех пор, пока не увидел четверых мужчин в черном (в том числе и колдун), входивших в ее дом. Они вошли, побыли внутри несколько минут, и, наконец, вышли. Когда они вышли, с ними была Любка, и все выглядело так, как будто они выводят ее из дома. Двое держали ее крепко под руки, один шел сзади, а высокий бородач – впереди, указывая дорогу. Прижимаясь к домам, тайком я шел за ними. Внезапно из-за облака вышла луна. Я увидел, что руки Любки крепко связаны веревкой и эти двое действительно ее ведут. Когда ее завели в дом, я бросился к той щели в окне, через которую смотрел раньше, но щель была закрыта. Жуткий был момент! Я метался, как бешенный, под всеми окнами, бегал в ужасе вокруг дома, пока не нашел, наконец, крошечную щелочку в окне – рядом с тем, которое от меня закрыли. Теперь, наконец, я мог видеть всю комнату, видеть происходящее в ней.

Четверо мужчин стояли вокруг стола и пели странный речитатив, показавшийся мне тарабарским... На столе горели шесть черных свечей. А напротив стола две женщины помогали раздеваться Любке. Руки ее по-прежнему были связаны. Любка разделась догола. Одна из женщин принесла еще одну веревку и связала ей ноги. Вторая убрала свечи со стола. Четверо мужчин подняли Любку на руки и положили на стол, на спину. Ей на лицо положили черное перевернутое распятие, вымазанное чем-то красным. Теперь женщины, тоже встав в круг, пели вместе с мужчинами. Высокий бородач вынул из-под стола стеклянный сосуд, наполненный красным, вынул из него какую-то палочку и стал чертить на голом теле Любки непонятные красные знаки. Все запели еще громче. И вдруг... Вдруг прямо из Любкиного живота вспыхнул огонь! Это было страшное пламя желто-красного цвета, а внутри словно корчилась человеческая фигурка... Человек заживо горел в огне... Я упал на снег. Волосы на моей голове шевелились от ужаса. Скорченная фигурка в пламени словно стояла перед моими глазами, и я не мог избавиться от этого жуткого зрелища. Мне даже казалось, что я слышу страшный человеческий вопль... Я не помню, как добежал домой. Я очнулся у себя в комнате, под одеялом, куда я залез прямо в одежде, и так просидел до утра, стуча зубами от ужаса... Надо ли говорить, что с тех пор я прекратил свои ночные прогулки. Прекратил навсегда. А к проклятому дому не подходил даже близко. На следующий день я встретил Любку на улице, когда возвращался из школы. Она выглядела как обычно и приветливо помахала мне рукой. Я же шарахнулся от нее в сторону, и бегом помчался к своему дому.

А к вечеру этого дня умерла жена нашего председателя. Молодая женщина 38 лет умерла просто так, без особых причин. Она никогда не болела ничем серьезным, была полной, цветущей. Вечером, встав с дивана, упала замертво на пол. Ее тело увезти в город, но никто не мог определить причину смерти. Кажется, написали «сердечный приступ»... А ровно через месяц после смерти жены председатель женился на Любке. Любка к тому времени заметно распол-

нела – она ждала ребенка. Я никому не рассказывал о том, что видел той ночью, и наотрез отказался следить за обитателями того дома вместе с другими мальчишками.

А еще через полгода произошла чудовищная трагедия. Любка родила ребенка от своего председателя, мальчика. Когда ее привезти из города (из роддома) домой, она взяла новорожденного на руки и вместе с ним утопилась в реке. Это произошло ночью. И в ту же самую ночь страшный дом на отшибе вспыхнул от неизвестной причины. Он горел до самого утра, полыхая ярким пламенем, и пожар никак не могли потушить. Утром на пепелище нашли один обгоревший труп. Чей это труп, никто не мог определить. Но по ночам бабки шепотом передавали друг другу, что это был труп колдуна – высокого бородача. Когда я вырос, я немного разобрался в этой истории. Хотя никому не рассказывал – ведь я давно уехал из поселка, а моя мать умерла много лет назад. Обитатели дома были членами какой-то сатанинской секты. Высокий бородач, скорее всего, действительно был колдуном. Любка гуляла с женатым председателем и забеременела от него. В те годы родить ребенка без мужа, да еще в деревне, было страшным позором. От такой женщины отвернулась бы вся деревня. Она стала бы изгоем. Положение Любки было отчаянным. Сделать аборт она наверняка опоздала. И тогда, вспомнив разговоры местных сплетниц, она обратилась за помощью к колдуну. Члены секты отслужили черную мессу и наслали смерть на жену председателя. Очевидно, та фигурка в пламени, которую я видел, символизировала жертву, которая была обречена. Взамен Любка пообещала им либо свою душу, либо своего младенца. Скорей всего, второе. Но, когда ребенок родился, она раскаялась в своем поступке и убила себя вместе с ребенком, чтобы его спасти. А дом вспыхнул оттого, что договор с дьяволом не был выполнен. Либо Бог принял ее жертву, раскаяние, и покарал сатанистов. А вспомнил я все это потому, что здесь на стенах висят точно такие же иконы, как я видел в том доме. Есть такие воспоминания, которые остаются с человеком на всю жизнь. И я точно знаю, где висят такие иконы. Они висят в храме сатаны.»

2013 год, Восточная Европа

– Ты хочешь сказать, что мы имеем дело с дьяволом? – он сказал это просто для того, чтобы что-то сказать. Рассказ врача показался ему занятной выдумкой, не больше, но говорить об этом было как-то неприлично.

– Возможно, – задумчиво протянул врач, – я одно не понимаю – как можете вы ничего не чувствовать? Разве вы не ощущаете, что здесь даже в воздухе есть зло?

– А он дьявола не боится! – заметил москвич, – может, он и есть сам дьявол! – и захохотал так, словно его шутка выглядела удачной. Он сделал вид, что не обращает внимания.

В этот момент раздался треск. Запертая дверь открылась. Распахнулась, как будто кто-то ее толкнул. Как по команде, они вскочили на ноги, и усталились в широкий проем раскрытой двери.

Комната, в которую они вошли, казалась совсем небольшой. Потолок был низкий. Два решетчатых окна были расположены близко друг к другу. На окнах не было ни занавесок, ни штор – ничего, кроме решеток (очень изящной формы). В комнате было светло от зажженных свечей на стенах, на столе, от камина, в котором ярко горели дрова. Стены комнаты снизу до потолка были оббиты темно-красным бархатом. На стенах не было ни портретов, ни икон – ничего, кроме канделябров. Возле левой стены (слева от двери и справа от двух окон) стояли три резных дубовых кровати без балдахин, на некотором расстоянии друг от друга. Узкие кровати были застланы белоснежным бельем, в ногах каждой лежало темно-бардовое покрывало (под цвет стен). Но самым заметным предметом обстановки небольшой комнаты был массивный дубовый стол, стоящий возле стены под двумя окнами (а не по центру комнаты). Возле стола стояли три высоких резных стула из темного дерева, с длинными неудобными спинками. Стол был накрыт к ужину и полон еды. Все трое остановились просто в недоумении. ... До них отчетливо доносился пряный, вкусный запах кушаний, аппетитно расставленных на столе.

В центре стоял изящный серебряный кувшин. Три высоких кубка (в тон к кувшину, той же работы) стояли возле каждого места. Рядом с кувшином возвышались два серебряных блюда. На одном была большая жареная птица (похожая на фазана), обложенная овощами, на другом – поджаренная рыба с зеленью. Дальше стояли блюда, полные больших сочных кусков жаренного мяса, миска с вареными яйцами, блюдо с колбасой домашнего приготовления, с окороком, миска с похлебкой или супом, над которой поднимался пар, миска с овощами, с сочными красными яблоками и темными сливами... Рядом с серебряными кубками лежали длинные деревянные ложки. И все. На столе не было ни тарелок, ни вилок, ни салфеток, ни стеклянной посуды. Только в блюдах с дичью и рыбой торчали тупые серебряные ножи. На одном из окон находились три странных сосуда. В них была налита какая-то жидкость. Кроме того, его поразила еще одна странная деталь: на столе не было скатерти. Сквозь обилие блюд отлично просматривались голые дубовые доски, ничем не прикрытая поверхность стола. Все это выглядело очень странно.

– Ничего ж себе! – москвич был первым, кто быстрее остальных пришел в себя, – похоже, нас тут ждут!

– Ждут? – он обернулся так резко, как будто от пушечного выстрела, прозвучавшего в полной тишине. Его поразило полное несоответствие зрелища всей обстановки комнаты и того, какие именно нашел слова москвич.

– Да ждет хозяин этого музейного комплекса! Вернее, кто-то из работников. Представляю, сколько мы заплатим за все это удовольствие.

– Заплатим?!

– Конечно, заплатим! Надеюсь, никто из вас не думает, что все это бесплатно?

Он отошел от них, обогнул стол и подошел вплотную к окну, туда, где стояли три сосуда, заполненные прозрачной, бесцветной жидкостью до половины. Он коснулся жидкости пальцем, лизнул... И с огромным удивлением обнаружил, что это самая обыкновенная вода!

– Это что, тарелки с супом? – раздался где-то за спиной голос врача.

– Это не тарелки с супом. И это не музейный комплекс. И, уж конечно, не развлекательный аттракцион. Возможно, у нас неприятности. Нам нужно отсюда уходить! И чем скорее, тем лучше.

– Разве вы оба не понимаете? – москвич энергично расхаживал по комнате, – Это современный аттракцион для туристов. Здесь все задумано специально! Гости будто попадают в средневековье, их угощают, как в средневековом замке и развлекают, а потом выставляют приличный счет!

– Деньги... платить... в твоём лексиконе нет других слов?

– Есть! Я устал! И я собираюсь сесть за стол, нормально поесть, потом лечь спать и больше не слушать этот бред!

– Нет! Ты не сядешь за этот стол! И ты не будешь есть!

– Интересно, почему?

– Потому, что это нельзя делать! Мы не знаем, кто приготовил эту еду! Мы не знаем, что находится здесь! Мы вообще не знаем, куда мы попали! Разве ты не понимаешь, что все это ненормально? Посмотри только на то, как накрыт этот стол! На то, как выглядит эта еда! Как все тут выглядит! Происходит что-то непонятное, плохое, и прежде всего надо выяснить, что!

Но его слова бесполезно повисли в воздухе, падая на неблагодарную почву. Впрочем, он и сам толком не знал, почему так говорит. Только непонятное чувство тревоги – без объяснений. Но тревога в душе – не аргумент.

Очевидно, хорошо рассмотрев его лицо, врач принялся уговаривать:

– Ночью идти через незнакомый лес – мы заблудимся и просто не найдем автобус! Всю ночь будем блуждать одни, в темноте. Наверное, лучше остаться на ночь здесь. Уже темно. Можно спокойно переночевать здесь и поесть, а утром мы успеем отсюда выбраться. За одну ночь ничего не случится. Тем более, что здесь никого нет. А раз никого нет, нам не угрожает никакая опасность! Конечно же, мне хочется отсюда уйти, но я не хочу идти ночью через лес и ночевать там на земле. Он (жест в сторону москвича) прав. У нас нет другого выхода. Мы должны остаться!

Вскоре оба уже садились к столу. Кроме него. Он опустил на ближайшую кровать, закрыв лицо руками. И сидел так до сих пор, пока до него не донеслись слова:

–можно выпить, наверное.... Простая вода для питья.... – голос москвича.

– По-моему, просто тарелки для чего-то... Только не понятно, почему с водой... Что это может быть?

– Сосуды для мытья рук! – неожиданно для себя сказал он, а затем поднял голову. Оба, оторвавшись от еды, с удивлением обернулись к нему.

– Сосуды... для чего? – москвич изо всех сил старался вести себя вежливо.

– Сосуды для мытья рук. В средневековье вилками не пользовались. Если это не аттракцион, значит, мы попали в прошлое! – и снова усмехнулся. Москвич приоткрыл губы, чтобы что-то сказать, но вовремя передумал.

– Садись за стол! – сказал врач.

– Нет. Я не сяду за этот стол и я не буду есть еду, которая неизвестно кем приготовлена! И потом, я не голоден...

У него действительно пропал аппетит. Не слушая его, врач и москвич жадно хватили с блюд огромные куски и запихивали себе в рот, давясь и чавкая, как голодные звери. Они вели себя так, как будто не ели ничего целую неделю, и его вдруг начало тошнить. Они наливали из кувшина темную жидкость (вино) и пили большими глотками, а кости от мяса швыряли на стол

прямо перед собой, как тупые варвары, в миг потерявшие свою цивилизованную оболочку. Отвернувшись, он стал смотреть в камин, но чавканье, глотанье и жеванье долетали до него вовсю. Дрова в глубине камина вспыхнули и загорелись яркой вспышкой, и в комнате разом осветились все темные углы. Что-то быстро привлекло его внимание. . . . несколько минут он смотрел в сторону двери, а потом сказал:

– Эй, а кто закрыл дверь? Она заперта! Кто это сделал?

– Какая разница! Захлопнуло ветром! – громко чавкая, подал голос москвич.

Он встал, подошел к двери и дернул за ручку-кольцо. Дверь не просто была закрыта, она была заперта на замок.

– Да что ты нервничаешь! – беспечно заметил врач, – утром нас все равно откроют.

– Я просто поражаюсь. . . . – он начал говорить, и в тот же самый миг по комнате словно пролетел легкий вдох. Это был порыв ветра, настолько быстрый, что никто не успел его почувствовать, но все свечи разом потухли, оставив за собой только черный дым, витками поднимающийся к потолку.

Потом дым рассеялся. В комнате остался гореть только камин. Придя в себя от первого шока, он посмотрел более внимательно на своих спутников. Они были абсолютно спокойны, и, казалось, совсем отупели от еды.

– Я устал, и хочу спать! Тем более, что наши постели готовы. Давайте ляжем спать, а утром будем думать, как поступить дальше, – ленивым тоном заявил врач.

– Верно! – обрадовался москвич, – хоть одни разумные слова за весь вечер!

Потом он обернулся в его сторону:

– Можешь орать, размахивать кулаками и биться головой о стену! Я остаюсь.

С этими словами москвич влез в ту постель, которая находилась посередине, и от удовольствия мгновенно накрылся покрывалом с головой.

Врач направился к постели, которая находилась возле двери:

– С дверью все в порядке, я уверен.

Двое спутников уже улеглись, как ни в чем не бывало. Ему ничего не оставалось, кроме как подойти к единственной свободной кровати – ближней к камину.

– Ладно. Вместе пришли – вместе и уйдем. И будь что будет. В конце концов, я тоже устал.

Мягкие простыни манили своей безупречной чистотой и, скользнув под покрывало, он с удивлением обнаружил, что постель была необыкновенно мягкой и удобной. Дрова в камине, еще некоторое время назад горящие так ярко, стали догорать. По комнате разлилось приятное тепло.

Он услышал мерное дыхание засыпающих спутников. И закрыл глаза.

2009 год, история главного героя

Он видел гладь воды в бассейне, которая сверкала под летним солнцем. Сверкающую гладь, покрытую легкой рябью. И белый катер с широкой красной полосой.

– Папа, смотри! Он плывет! Сам плывет! Папа!

Он купил этот катер в Нью-Йорке, в одном из супермаркетов на Манхэттенне. Катер был огромен, и, когда он притащил его под мышкой в свой спортивный комплекс, у многих его спортсменов глаза полезли на лоб.

– Это для моей дочери! – улыбаясь, он словно пытался оправдываться, – она обожает такие механические штуки!

Один из его тренеров, старик-китаец, спросил:

– Сколько твоей дочери?

– Семь!

– Ну, через неделю разберет по частям!

– О нет, никогда! Маша, она... Она совсем не такая. Она так тщательно будет следовать инструкции, буква в букву, что... – старик-китаец рассмеялся по-доброму, так звонко, что он не выдержал, и вместе с ним рассмеялся сам!

Разве он мог рассказать в двух словах, какая у него дочь?! Какая она умная, сообразительная для своих лет, ласковая и добрая? Как она логически мыслит, как ставит в тупик взрослых своими умными высказываниями, что никто не может дать ее семи лет? Разве можно в двух словах рассказать, какая она? КАКАЯ... Он мог говорить о ней часами, и когда перед его глазами вставало ее светлое, красивое личико, у него на душе становилось светлей. У Маши были красивые темно-каштановые волосы и черные глаза, лучистые и огромные, на половину лица. Иногда в них светилась какая-то не детская серьезность, а иногда они были возвышенны, как будто она обдумывала что-то, недоступное человеческому пониманию и скрытое от всех остальных. А иногда она была самым обычным ребенком – веселым, шаловливым, любящим игры и проказы, и, подхватывая ее на руки, он подбрасывал ее в воздухе, а потом ловил, и она заливалась счастливым смехом, а он смеялся вместе с ней.

Когда он уставал или получал тяжелую травму, она нежно целовала его, прикладывала ручку ко лбу, делала вид, что кормит таблетками, и он знал, что она искренне хочет его вылечить. Ей больно точно так же, как больно ему, потому, что она часть его, самая лучшая часть. Очень часто по ночам он тихонько проходил мимо ее комнаты, и, останавливаясь на пороге, прислушивался к ее мирному, спящему дыханию, такому тихому, что все в его душе переворачивалось от огромной нежности и какого-то непонятного трогательного чувства.... Он чувствовало себя могущественным рыцарем, охраняющим ее сон, но в то же время чувствовал и то, что это она охраняет его, охраняет от окружающего зла, и что пока она так мирно и тихо спит в своей теплой кровати, все в его жизни будет надежно и стабильно, все в мире будет хорошо... Конечно, очень часто она пользовалась его обожанием, но он готов был простить ей все, даже шалости и капризы. Так сильно он любил свою дочь. На самом деле он любил свою дочь так, как никто не мог ни вообразить, ни представить. В этом хрупком маленьком тельце заключалась его душа, сила и вся его жизнь.

Катер ровно плыл по серебряной поверхности воды, оставляя за собой ровную полосу. Маша, в зеленоватом купальнике, бегала за катером по краю бассейна:

– Папа, смотри! Он сам плывет! Катер сам плывет, папочка! Смотри, папа!

Ее мокрые после купания волосы торчали смешным, взъерошенным хохолком, а по смуглым плечам стекала вода. Заливаясь счастливым смехом, она звала его и махала ладонью с противоположного края бассейна, а маленькие пяточки оставляли на мраморной кромке влажные крохотные следы... Она звала его, смеялась, изо всех сил махая ладонью... Махала ему

и звала... Звала за собой – в тот мир, где ее улыбка по-прежнему сияла маленьким солнцем. Только в страшных снах прошлое может возвращаться назад.

2013 год, Восточная Европа

Он очнулся, пришел в себя, открыл глаза, но не сразу смог понять, где находится. Комната была темна, дрова в камине почти догорели, вместо них остались лишь тлеющие красноватые угли. И, уставившись на эти угли, он вдруг вспомнил все – комнату, своих спутников, замок.

Сквозь темноту из окна долетал отчетливый стук лошадиных копыт.

Он открыл глаза и стал жадно вслушиваться в темноту. Он не ошибся. Действительно, лошадь. Не просто лошадь, а самая настоящая карета! И, вероятно, несколько лошадей. Было слышно, как колеса кареты дребезжат на неровных булыжниках мостовой. Карета ехала медленно, но без остановок. Очень скоро звук копыт затих где-то вдали. Вслед за этим послышались торопливые шаги человека. Тишина больше не казалась тишиной, она представлялась ему каким-то невесомым, неведомым миром. Где идет какая-то иная, совсем другая жизнь. Вскоре и шаги затихли вдали. Это было удивительно, особенно учитывая тот факт, что ощущение пустоты этого города, стало еще более весомым и объемным в темноте. Когда пустые строения города заволкло темнотой, принималось как должное, что здесь никого нет... И вот теперь... Ему даже показалось (хоть это и звучало абсурдно), что угли в камине стали немножко ярче и светлей.

В камине раздался треск. Он медленно повернул голову. С громким треском вспыхнула сухая ветка, и на мгновение осветились все темные углы в комнате. В тот же самый миг ему показалось, что перед очагом, на коленях стоит полусогнутая человеческая фигура. Вспышка погасла, комната вновь окуталась темнотой, но он больше не спал. Словно подхваченный непонятным вихрем, он откинулся на спину, подставляя ему лицо и руки, отдаваясь потокам воздуха, уносящего в царство грез. Но легкий сквозняк, разумеется, не был потоками воздуха, точно так же, как уносящие его видения не имели никакого отношения к царству грез.

Призрак. Краем уходящего сознания он четко понимал, что в ту секунду его посещает видение (точно такое же видение, как в лесу, как в щели крепостной стены, как в самом замке). Самое настоящее видение, пришедшее из какой-то пугающей бездны, не сон... Но бездна почему-то не казалась ему пугающей. Реальность пугала больше. И, подчиняясь видению, он раскрыл глаза во всю ширь. Все отчетливей и отчетливей становилась человеческая фигура, и буквально на глазах менялись очертания комнаты. Камин исчез. Комната с бархатными стенами, с роскошным замковым убранством – тоже. Призрак пришел – рассказать.

1413 год, Восточная Европа

Это был длинный мрачный зал с высокими сводами и рядом дощатых столов и скамеек, теряющихся в ночной темноте. Ярко пылающий очаг был в два раза больше обыкновенного камина. На полу перед очагом, на коленях стояла женщина, что-то помешивая длинной ложкой в маленькой кипящей кастрюльке, подвешенной к очагу. На столах, ближайших к очагу, грудой была свалена грязная посуда (целая куча мисок и пустых бутылок). Свечи на столах (вместо подсвечников вдетые прямо в плетенные бутылки) давно оплыли и погасли. Это был зал гостиницы или трактира. К вечеру заведение было закрыто.

Слева, на небольших дощатых полках, прикрепленных к стене, хранилась посуда, но этот самодельный шкаф большей частью оставался в тени. В глубине очага висел маленький котелок, черный от копоти и сажи, весь обхваченный пламенем. Из кастрюльки поднимался густой пар. Женщина стояла на коленях возле самого огня и время от времени помешивала содержимое. Рядом с ней, справа и слева, прямо на дощатом полу, были разложены кучки высохших листьев и свежих трав. Это была та самая женщина, которая гуляла в лесу с маленькой девочкой, и которая позже, с корзиной белья, прошла через двор замка. Вся ее поза выражала напряжение и серьезность, а застывшая спина говорила ясней любых слов о том, что занятие женщины было очень серьезным и требовало всего внимания. Ее длинные волосы были свободно распущены по спине, а на плечи наброшен черный платок. На ней была холщовая юбка, но теперь – с суконным черным корсетом, делавшим ее талию тонкой, а спину – прямой. Ноги женщины были босыми, а сброшенные башмаки стояли в углу за очагом. Оставив ложку на полу, женщина нагнулась и принялась растирать на маленькой дощечке какие-то травы, а затем бросила их в огонь. Над котелком поднялся зеленоватый дым, и, облегченно вздохнув, она села, откинула назад голову.

Низко наклонившись, женщина помешивала травы в котелке, вдыхая их запах. На мгновение задумалась, отвлеклась. Палец руки, быстро скользнув вниз по гладкому дереву ложки (полированной ее трудолюбивыми руками), упал вниз, в огонь, в яркий лепесток пламени, взметнувшийся над камнями очага. Закричав от боли, женщина выдернула из пламени руку. Боль была настолько сильна, что на глазах показались слезы. Там, где пламя коснулось обнаженной кожи, появилась кровавая рана. Кожа почернела и лопнула, из пальца стекала тоненькая струйка крови. Едва не визжа от боли, женщина принялась рыться в одной из кучек травы, разложенной на полу, и, найдя нужную, мгновенно обмотала ей рану. Кровь остановилась. Лицо женщины разгладилось. В этот момент она услышала нечто, нарушавшее тишину.

В глубине зала послышался звук. Это был стук палки о доски пола. Низенькая дверь открылась, пропустив старика лет восьмидесяти, который тяжело опирался на палку и шел с трудом. Старик был сгорблен, его руки дрожали, и он с трудом переставлял ноги. Костюм его поражал остатками былой роскоши, и, несмотря на то, что был стар, выглядел очень опрятно. Его палка представляла собой полированную трость из красного дерева, с искусно вырезанными узором. У старика были длинные, абсолютно белые волосы, свободно падающие ему на плечи, такие редкие, что сквозь них просвечивала голая желтоватая кожа черепа, заостренное морщинистое лицо и лучистые серые глаза, смотрящие пристально и с упрямством. Старик с огромным трудом прошаркал по полу, опираясь на свою трость и тяжело дыша. Несмотря на старость и болезнь, он старался держаться очень ровно. Старик остановился рядом с женщиной, которая в тот момент растирала на дощечке лепестки какого-то фиолетового цветка, и при его появлении сказала (не поворачивая голову):

– Сегодня холодная ночь. Зачем вы встали? Идите в постель!

– Твое снадобье, Катерина, подняло меня с постели! Это настоящее чудо! – голос старика дрожал.

– Хорошо. Сегодня перед сном я поставлю вам свинцовые примочки, как велел лекарь...

– Свинцовые примочки! – старик перебил ее громко и возмущенно, – черта с два! Этот костолом мечтает отправить меня в могилу! Все мечтают отправить меня на тот свет! (Старик сердито постучал палкой об пол). Не дождутся! (так же быстро, как исказилось гневом, лицо его внезапно смягчилось). И если б не ты, моя девочка, я давно был бы там, сто чертей!

Повернувшись, женщина улыбнулась. Ее лицо расцвело, смягчилось. В улыбке было столько нежности, что становилось ясным – она очень любит ворчливого старика.

– Все равно сегодня холодно. Вам лучше вернуться в постель.

– А будет еще холоднее... (Внезапно старик посмотрел на нее испытывающее, пристально, словно хотел что-то выпытать, но только не знал, как). Говорят, несколько часов назад в город прибыл посланник герцога.

– Я знаю.

Лицо женщины вновь застыло, стало серьезным. Нежность и ласковая улыбка исчезли без следа.

– Знаешь? Откуда?

– Я видела это.

– В своем зеркале? Ты настоящая ведьма, Катерина, настоящая ведьма... И я не удивлюсь, если тебя когда-то сожгут.

Женщина усмехнулась – жестко и зло:

– В таком случае я пойду на костер вместе с вами! Все-таки вы держали в своем доме ведьму целых пять лет!

– А, не обижайся на старого ворчуна, девочка! Скажи лучше – пять счастливых и светлых лет, дочь моя! Но я хотел тебя спросить, Катерина... думал спросить....

– Я догадываюсь, о чем. Вы хотите спросить меня, что я думаю о визите посланника герцога? Какие будут последствия, не так ли?

– Ты знаешь об этом?

– Простая служанка в доме богатого купца! Что я могу знать?

– Ты не простая служанка, Катерина! И ты это прекрасно знаешь! Ты почти моя дочь, и я отношусь к тебе, как к своей дочери, если б она у меня была! Но последствия... Я старик, Катерина, но у меня есть и деньги, и это заведение, которое мне давно пора закрыть и отправиться на покой... Маленькие события влекут за собой большие следствия. В мире неспокойно. Может, настало время прихватить свои денежки и убраться из этого города? А может, это всего лишь капля дождя, крошечная тень во время грозы, которая пройдет стороной?

– Дождь не пройдет стороной! И гроза разразится не на соседнем поле.

– Ты знаешь, правда?

– Нет. Что я могу знать?

– Но ты ведь можешь узнать? В городе не спокойно. Посланец герцога не приезжает посреди ночи просто так! Я хочу, чтобы ты посмотрела....

– В своем зеркале?

Женщина обернулась, и глаза ее злобно блеснули. В них бушевало такое пламя, что старик непроизвольно отпрянул назад. На его лице отразился ужас.

– Нет! (Пятясь, старик нелепо взмахнул руками), – нет! Конечно, нет!

Он стал креститься и бормотать молитву. Пламя в глазах женщины потухло и сменилось презрением. Наконец исчезло и презрение. Нагнувшись, она подняла с полу какую-то траву и, не измельчая, бросила ее в свое снадобье. Потом накрыла кастрюлю крышкой и встала с колен. Теперь она стояла в полный рост, возвышаясь над сгорбленным стариком, но фигура ее не выглядела угрожающе, напротив... Женщина нетерпеливо переступала с ноги на ногу, и теперь ее лицо выражало нерешительность, внутреннюю борьбу с собой, словно что-то очень хотела сказать, но не могла. Наконец она решилась заговорить и быстро сказала глухим голосом:

– Посланец герцога приехал не один. Следом за ним скачет полк хорошо вооруженных солдат. Они будут в городе с минуты на минуту.

Старик отшатнулся от нее:

– Солдаты?! Зачем?!

– В мире не спокойно! Вы сами это сказали. Тем более, вы знаете, кто претендует на эти земли. На наши земли.

– Знаю... – старик печально покачал головой, – старый епископ все не может успокоиться....

– Тем более теперь, когда племянник епископа – правая рука короля!

Вытащив из угла свои башмаки, женщина надела их и пошла к ближайшему столу собирать посуду. Старик с глубокой тревогой следил за ней:

– Но что нас ждет, Катерина? Что нас ждет?

– Вы беспокоитесь напрасно. Первый визит не страшен! Он пустой и бессмысленный, как холодный туман за окном. Но второй... Он приближается... Он придет так, что его никто не увидит... никто не узнает о нем....

В комнате повисло зловещее молчание. Что-то столь тревожное было в воздухе, что старик вздрогнул всем телом. Внезапно женщина пошатнулась. Глаза ее расширились до ненормальных пределов, словно стали на половину лица, и от этого ее лицо приобрело страшное выражение (ангела, умирающего от боли). Огромные сверкающие глаза пламени на обескровленном лице, и казалось, что этот огонь может воспламенить все вокруг. Заостренные черты словно расплылись белой маской под этим пламенем глаз, способным растопить и комнату, и дом, и темноту за окном. Женщина пошатнулась. Из ее рук с грохотом вывалилась посуда, покатила по столу, на пол... Там, на полу, возле ее ног, застыли осколки разбитой глиняной миски, но женщина даже не нагнула голову вниз, чтобы посмотреть. Потом она стала падать. Она упала, как подкошенная, на колени, и ухватилась за край стола.

– Багровый туман... Я снова его вижу... – слова звучали отрывисто, глухо, словно женщина находилась в каком-то трансе, – огненное зарево над пропастью.... Над домами... Оно повсюду... Я снова его вижу... багровый туман....смерть приближается... Это огненный знак сатаны....

2009 год, Россия, Москва

Дверь была крепко заперта на ключ. Положив перед собой книгу, он уставился на богато инкрустированную золотом обложку. Роскошь, куда ни глянь... В кабинете было темно. Через два часа его ожидали в казино, на дне рождения. Его главным подарком должна была стать именно эта книга... Но все изменилось – за несколько минут.

Он задумчиво смотрел на фолиант, лежащий на его письменном столе. Свет зажигать не хотелось. Книга была оббита настоящей кожей, украшена золотой росписью. В богатом орнаменте сверкали драгоценные камни. Рубины. Это были именно рубины – он вдруг обратил внимание, что среди камней преобладает красный цвет. Золото и красные камни. Возможно, богатое оформление книги и привлекло похитителей в первую очередь, хотя... Нет. Он вдруг вспомнил, что книгу не похищали. Долгое время книга хранилась в секте старообрядцев, живущих где-то в глубинах дремучих лесов. Где – он и не помнил точно. Потом... Именно это «потом» и заставляло хмуриться, заставляло дрожать в темноте. Перевернутый крест, казалось, отсвечивал каким-то странным, синеватым свечением. Но, возможно, на него просто падал из окна свет зажженных уличных фонарей. Он вдруг вспомнил фразу о том, что дьявол любит золото. Что ж, если судить по этой книге – всё верно.

Он прикоснулся пальцами к переплету. Несмотря на пожар, кожа была прохладной. Он вдруг почувствовал странный запах... Запах этот ощущался особенно остро, и он вдруг удивился тому, что не обратил на него внимания раньше. К тому же, что-то явно случилось с отоплением – в комнате стало ужасно холодно. От холода даже пар пошел изо рта. И запах... такой сильный, словно источник его находился прямо на его столе. Он узнал этот запах.

Нахмурившись, открыл книгу, и первым, что увидел, вдруг стал длинный волос черного цвета, зажатый между страниц. Удивляясь, он взял его в руки. Волос явно принадлежал женщине – ни один мужчина не стал бы носить волосы такой длины. Судя по длине, волосы обладательницы должны были быть ниже бедер. Задумавшись о загадочной женщине, оставившей свой след на страницах древнего фолианта (кто она была? Старообрядка? Сектантка?), он не заметил, как тонкой шелковистой змеей волос вдруг обвился вокруг его пальцев, сдавил кожу, вдавливаясь еще и еще....Он очнулся от боли, увидев, что волос туго обмотал пальцы его руки, и попытался его сбросить. Но не тут-то было! Извиваясь так, словно в нем теплилась жизнь, волос врезался в кожу сильнее. Вскоре показались первые капли крови. Он вскрикнул от ужаса, принялся отдирать волос другой рукой. На стол густо и обильно закапала кровь. Не долго думая, он схватил с письменного стола ножницы и резанул волос вместе со своей кожей. Боль от пореза была жуткой. Но этот метод принес свои плоды.

Перерезанный волос, извиваясь, упал на его стол, завертелся на месте, словно раненая змея, и вдруг... Исчез прямо на глазах. Если б не раны на руке, он мог бы подумать, что все это ему приснилось... Но он не успел прийти в себя, как вдруг с отчетливой, пугающей четкостью понял, что в комнате он – не один.

Холод усилился. Он вдруг почувствовал какой-то особенный, липкий страх, парализующий нервы и мышцы. Ужаса такой силы он не испытывал никогда. Даже попав в жуткую автомобильную аварию несколько лет назад, он не испытывал подобного ужаса в тот момент, когда прямо перед своим лицом увидел яркие фары КАМАЗа. Этот ужас был совершенно другим. И, подчиняясь ему, он обернулся назад. В правом углу за его спиной неподвижно застыла белая женская фигура.

Это была фигура женщины в длинном белом одеянии до пола. Длинные волосы женщины покрывали ее плечи. Он мог видеть тонкие черты лица и пустые провалы вместо глаз. Призрак, не двигаясь, молча стоял в углу, словно наблюдая за ним.

Он хотел застонать, но вместо стоны с его губ сорвалось нечто вроде животного воя. Этот утробный вой напугал еще больше его самого. В пустых же глазницах призрака вдруг зажглись красные точки. Ему показалось, что это отблески пламени. Внезапно призрак поднял руки, протягивая их перед собой. Он ясно мог различить, что на одной из рук женщины нет пальцев. Но это было еще не все. Большой палец на другой ее руке вдруг стал быстро уменьшаться в размерах, а затем и вовсе исчез... Задыхаясь от ужаса, он принялся считать:

– Пять...шесть...

Ему показалось, что призрак кивнул головой. Больше он не помнил ничего, потому, что упал со стула и потерял сознание.

Очнулся он на полу. В комнате по-прежнему было темно. Как в лихорадке, вскочил на ноги, бросился к выключателю... Вскоре кабинет залил яркий электрический свет. Ничего пугающего в лучах этого света уже не было.

Книга по-прежнему лежала на столе. Переплет ее был закрыт. Он поднял руку, и задрожал от чудовищного страха, охватившего его с новой силой. На его руке не было ран. Вообще никаких... А ножницы на столе лежали точно так, как он бросил их, нанеся себе разрез. Задыхаясь от пережитого ужаса, он прошел в ванную, чтобы умыться ледяной водой. Рубашка его была безнадежно испорчена: всю насквозь пропитал пот. Умывшись, он вернулся за стол и вызвал начальника охраны. Но перед этим, посмотрев на часы, увидел, что был без сознания всего десять минут. Начальник охраны прямо с порога бодро зарпортовал:

– все ваши распоряжения выполняются! – но, увидев его лицо, перепугался: – Что с вами, босс? Вам плохо?

– Сердце что-то прихватило... – и он действительно не лгал.

– Может, врача позвать?

– Ничего. Скоро пройдет. Ты вот что... дверь за собой запри. Да садись сюда, поближе.

Начальник охраны сел, с недоумением глядя на босса. Такой тон был достаточной редкостью...

– Я хочу знать, где ты достал книгу... Я хочу знать всё..

– Да все так было, как вы говорили... – глаза главного охранника резво бегали по сторонам, словно пытаясь спрятаться в каком-то углу, – послал своих ребят по селам редкости искать... и в одном селе у старушки и купили... хранила книгу, значит...

Дальше все произошло быстро. Перегнувшись через стол, он схватил начальника охраны за горло обеими руками, резко притянул к себе и захрипел прямо ему в лицо:

– Я... тебя... задушу... если ты... не скажешь...задушу... прямо сейчас...говори...

– Босс... вы что...

– Я хочу знать всё. Все, что связано с этой книгой.

– Пустите...

– Учти, я убью... мне уже нечего терять...

Он отпустил руки. В глазах охранника был ужас. В испорченной рубашке, с безумными глазами, посиневшим лицом босс действительно напоминал сумасшедшего. Он никогда не видел его таким...

– Ладно! Все скажу! Да вы сами и не захотите слушать!

– Ты... скажи... – босс тяжело опустился в кресло. Руки его тряслись.

– В этой деревушке мои ребята иконы давно пасли, в местной церкви. Но священник там был несговорчивый, ни за что не хотел продать, еще и пугал, гнида... Знаете наш канал за рубежом? Иконы эти на вывоз хорошо бы пошли... Следил я за ним... И вот однажды мой человек рассказал, что священник к старообрядцам ездил, и привез оттуда какую-то книгу. Ну, я и смекнул, что эта книга вам может подойти. Мои ребята со старым хрычом хотели только поговорить, мирно убедить его продать книгу, но он ни в какую. Упертый был, черт. Тогда я решил сделать следующее. Друг у меня есть, школьный. Он в Америку уехал еще в школе,

с родителями. Серьезный стал мужик. Свой спортзал открыл. Бои без правил и все такое... Связался с крутым ребятами. Я к его услугам пару раз обращался, когда с нашим каналом за рубежом происходили всякие проблемы. Я вам тогда не хотел говорить... Он все быстро решал. У него и здесь свои люди есть. Я позвонил ему и попросил разобраться со священником. Заплатил – все как положено. Он лично обещал проследить. Прошло два дня и вот от него приходит человек и приносит мне книгу. А на следующее утро по всем новостям начинают говорить про священника, которого сожгли живьем. Не выдержал я, позвонил ему, говорю – что, мол, такое.... А он говорит: перестарались, мол, его ребята, хотели только припугнуть, а получился пожар... А книгу священник в церкви прятал, там они ее и нашли...

– О Господи.... – он обхватил голову руками, – сколько человек они убили?

– двоих... Нет, троих... там еще тетка одна на дороге попалась, из местных. Свидетельница.... Они и дали ей по голове. Тетка была старая, сразу копыта отбросила.

– Трое... И двое охранников... Пять... А шесть? Кто же шесть?

– Босс, что с вами? С вами все в порядке?

– Уходи! Убирайся отсюда! Вон!

Пяťся, начальник охраны покинул кабинет. Дрожащими руками босс принялся рыться в ящиках письменного стола, выбрасывая содержимое прямо на пол. Наконец он нашел... расправил на столе какую-то бумажку. Когда он прочитал, на его лице отразился ужас....

– Тринадцать жертв.... Должно быть тринадцать жертв...

Он бросился к двери – но дверь была заперта. Страшно закричав, он забарабанил по двери кулаками, но вместо деревянной поверхности двери руки его вдруг погрузились в сноп раскаленного пламени.... Огонь охватил живую плоть, быстро перемещаясь по всему телу... От боли он завопил. Осознание, что именно он был шестой жертвой, стало последним, что случилось с ним на земле.

Когда, взбудораженные истошными воплями, охранники взломали дверь кабинета, зачем-то запертую изнутри, их глазам предстало страшное зрелище. На ковре перед дверью лежал черный, полностью обугленный труп их босса. Во всей обстановке комнаты не было никаких признаков пожара. И никаких подсказок, откуда мог появиться огонь.

Книга по-прежнему лежала на столе. Начальник охраны медленно приблизился к столу, взял книгу в руки, и, перепуганный тем, чтобы никто не вспомнил, что именно он последним говорил с покойником, быстро сообразил:

– Надо отвезти подарок его другу, в казино... На день рождения... Сказать, что так, мол, и так, произошел несчастный случай. Поздравить. Он бы этого хотел.

1413 год, Восточная Европа

Над водами реки стлался рассветный туман. Сонный крестьянин вязал силки на водяных птиц, стоя по щиколотку в ледяной воде. Тишина была мирной. Поселок спал. Только в редких домах огоньки масляных ламп пробивались сквозь тьму. На рассвете вставали те, кто ухаживал за скотом.

Ключья тумана стелились по воде, поднимались над камышами как облака пара, и крестьянин подумал, что день будет холодным. Гром, раздавшийся вдаль, со стороны дороги, идущей через лес, заставил крестьянина выпустить веревки из руки и насторожиться. Он подумал, что приближается гроза, но это странно: не было грозовых туч, к рассвету небо становилось светлым на горизонте. Гром усилился, вскоре его раскаты стали отчетливо слышны.

Выходя из леса, дорога спускалась к реке, делая крутой изгиб, затем шла прямо в поселок. Темное облако, увеличиваясь в размерах, появилось на дороге из леса. Именно оттуда шел странный звук...

Крестьянин увидел, как первый солнечный луч, выбившийся из-под облаков со стороны реки, осветил железную броню. Это был отряд вооруженных всадников, которые на полном скаку мчались к спящему поселку.

Бросив силки, крестьянин выбежал на дорогу, чтобы мчаться домой со всех ног. В одной из хижин мирно спали его жена, старуха-мать и трое детей. Но далеко убежать не успел... Один из первых всадников, поравнявшись с человеком, ударил мечом. Нелепо взмахнув руками, крестьянин рухнул в дорожную пыль с перерезанным горлом. Кровавый ручей, стекая вниз, смешался с рекой, окрашивая воды в багровый цвет.... Обнажив мечи, издавая воинственный клич, всадники ворвались в поселок.

Всадники с обнаженными мечами, в сверкающих тяжелых доспехах мчались вперед, и с губ коней падали хлопья пены, а из-под копыт во все стороны летели вывороченные комья земли. Всадники мчались, обнажая мечи на скаку, мчались туда, где уже виднелись крыши каменных, деревянных, глинобитных домов и хижин, бледные на рассвете. Сноп пламени ударил вверх, в еще темное небо, дома занялись сразу и истерический женский крик взвился в воздух и повис под небом, как оборванная нить. Пламя, крики, звон мечей.... Деревянный дом разваливался в огне, куски горящего дерева и металла летели в воздух.

Кровь капала вниз, прямо на руку всадника, со сверкающего клинка. Женщина с искаженным, залитым кровью лицом, темные волосы которой слиплись от крови, бежала по дороге, прижимая к груди мертвого младенца с окровавленной шейкой и остекленевшими глазами, в безнадежной попытке убежать, увернуться от разящих мечей... Очень скоро женщина упала под ударом меча, лошадь взметнулась на дыбы на фоне пламени, заполонившего все небо, на фоне черного столба дыма от пепелища, продолжающего тлеть. Багровая полоса тянулась по дороге из-под живой изгороди кустарника, и земля отказывалась впитывать темную кровь. Снопы пламени... Ржание коней... Треск горящих домов... И крики, безнадежные крики... кони и крики, звон железа и глухой звук мягкой человеческой плоти, падающей на землю.... Какофония ужаса, застывшего на фоне алеющего пламени, оранжево-багровых костров.... Остекленевшие глаза младенца и женский крик, переходящий в оборванный смертью хрип, минуя рыдание... И зажженный огонь, горящий во имя ненависти над землей...

Тень, упавшая на дорогу, тень бежавшего человека и огромная тень настигающего коня.... Женщина с распущенными волосами падала и бежала, бежала и падала, раздирая о комья земли разбитые ноги, до тех пор, пока темная тень не упала на ее след... Всадник схватил женщину за волосы, запрокинул к небу голову.... Затем швырнул о землю, привязывая к седлу... За лицо, за руки, веревкой, крест-накрест, к седлу, и потащил по комьям земли,

раздирая лицо, пустив коня на скаку... Потасил, оставляя на земле длинные кровавые пряди волос, вырванных под копытами коней.

В темном зале трактира женщина медленно приходила в себя.

– Это было сегодня утром. Солдаты уничтожили поселок. Потом и сюда придет смерть. Будет черная тень над прекрасной землей. Облака дыма и огня уничтожат все живое. Глаза людей утонут в озерах боли. А реки наполнятся слезами. Кровавые удобрения упадут на почву, на которую ступят страшные кони.... Всадники с кровавыми мечами вступят в кровавую битву. Их мечи скрестятся под плач детей, которых женщины будут уносить от беспощадной резни... Но унести не успеют... мертвые серые камни, на которые больше не ступит нога человека, поглотят кровавые реки не пролитой крови и станут черными. А в этом городе навсегда поселится смерть. Пустые дома с заколоченными ставнями... Запертые двери, которые никто не откроет... Топот коней, звон мечей, всадники смерти в огненно-красных плащах... Стоны умирающих.... Огненные снопы пламени, взметнувшиеся высоко в небо.... Так высоко, что они достанут до неба как крик нечеловеческой боли.... Они схватят женщин, свяжут, как преступниц против всего человеческого рода, и привяжут к седлам своих коней, чтобы протащить по мостовым, раздирая о молчаливые камни красоту и молодость.... И женские волосы, длинные женские волосы прядями останутся на порогах домов, вырванные кровавыми руками.... Безжизненные мертвые пряди, как и эта безжизненная проклятая земля.... Все это я видела в своем зеркале... я видела... так будет....

Чтобы не упасть, женщина ухватилась за стол. Теперь полулежала на столе, опираясь о пол коленями. Старик, тяжело шаркая ногами по полу, тщетно пытался ухватить ее за плечи, поднять. Старческие глаза слезились от испуга, а скрюченные руки дрожали. Старик выглядел так, словно сам упадет. Старик тряс женщину за плечи и дрожащим голосом повторял:

– Катерина! Катерина!

Женщина по-прежнему полулежала на столе с помертвевшим лицом. Старик схватил со стола кувшин и вылил остатки вина ей на лицо. Женщина вздохнула, вздрогнув всем телом, потом приоткрыла глаза. Он поднес кувшин к ее губам:

– Выпей, дочь моя! Пей! К тебе вернуться силы.

Катерина жадно выпила несколько глотков, поднялась на ноги с трудом. К ее лицу медленно возвращались живые краски, а глаза потухли.

– Вам не следовало говорить мне о зеркале! Я смотрела в него несколько последних ночей. То, что я увидела в нем... Страшные силы природы пришли в движение.... Беда простирает крылья над городом, и от нее не спастись.

– Неужели все так плохо, Катерина?

– Но у нас еще есть время! К тому же зеркало, как и люди, может лгать.

– Я давно говорил, что лучше уехать из этого города! Он никогда мне не нравился!

Женщина все еще тяжело дышала, но было видно, что она полностью пришла в себя.

– Где Марта?

– Спит. Где еще быть ребенку в такой час?

– Негоже маленькой девочке находится в трактире! Среди пьяных и грубых мужиков!

Тебе надо увезти отсюда дочь!

– Вы знаете, что это я и собираюсь сделать. Вот соберу достаточно денег, и....

– Деньги, деньги – больше ты, противная девчонка, ни о чем не хочешь говорить! Завтра я начну ликвидировать свои дела здесь и мы уедем все вместе! Я дам тебе достаточно золота!

– Вы действительно этого хотите?

– Я хочу увезти отсюда тебя и девочку! Кроме вас двоих, у меня в целом мире никого нет! Если ты моя дочь, то она – внучка. И я всем сердцем привязался к этому чертенку! Я помогу тебе, Катерина, помогу во всем!

– Хорошо! Если так, то надо спешить....

– Твои предсказания никогда не врут, Катерина, и это знают все люди в городе. Твои слова никогда не обманывают, как и твои травы. И если ты уже видела беду... Я старик, больной и немощный, я не обладаю твоим пророческим даром, но и я чувствую эту беду. Да и многие люди тоже. Сколько у нас времени?

– Я не знаю в точности, но думаю, еще неделя.

– За неделю я ликвидирую все дела здесь и мы уедем как можно скорее.

Старик закашлялся. Женщина ласково обняла старика за плечи.

– Вы устали, вы нервничали. Отправляйтесь в постель! Сейчас я принесу вам полную чашку своего свежего травяного отвара, и утром от вашей подагры не останется и следа!

На пороге старик вдруг остановился:

– Катерина! А зачем приехал посланник герцога?

– Он привез ему письмо.

1413 год, Восточная Европа

В небольшом зале расхаживал молодой офицер. Его костюм был весь в пыли. Красивое, с тонкими чертами лицо было напряжено, на нем словно застыла мрачная, трагическая печать серьезности. Офицер был красив. И, наверняка, сам не подозревал о своей красоте. Его атлетическая фигура была стройна, и, несмотря на невысокий рост, поражала скульптурными формами. Длинные черные волосы в нетерпеливом беспорядке падали на спину, за воротник. У офицера было честное, открытое лицо, изящный греческий нос и полные губы. Нервно расхаживая по комнате, он нетерпеливо ударял по мебели рукой (в перчатке из буйволового кожи, шитой золотом). При этом пальцы руки были крепко сжаты в кулак. По манере держаться, по гордой осанке и немного надменному повороту головы в нем за сто шагов можно было признать дворянина. При чем дворянина, занимающего высокое положение при дворе (если уж не при королевском, то при дворе местного властителя, наместника земель, уж точно).

Комната, где расхаживал офицер, была небольшой, убранной роскошно. Потолок комнаты был богато инкрустирован золотом и перламутром (особенно резной плафон, с которого спускалась большая позолоченная люстра на множество свечей), и щедро расписан готическими фигурами олимпийских богов и богинь. Стены были оббиты голубым бархатом, сквозь который были пропущены золотые и серебряные нити. Мебели было немного, но та, что находилась в комнате, поражала своим изяществом. Это была мебель из красного дерева, резная, с позолотой – кресла, диваны, шкафы. Несколько столиков – серебряных с мрамором. На столиках – изящная золоченная посуда, вазы, полные фруктов. И, наконец, камин.

Обрамление камина представляло собой настоящее произведение искусства – скульптурную композицию, вырезанную из розового мрамора, на какой-то библейский сюжет. Расхаживая по комнате, офицер не удостоил убранство ее даже взглядом. Была ночь, и бархатные портьеры тщательно задернули над тремя высокими сводчатыми окнами.

Когда нетерпение офицера достигло своего апогея (походка по комнате почти напоминала бег, а постукивание по мебели рукой стало откровенно нервным), дверь отворилась, и в комнату быстро вошел низенький, очень полный человек лет 50-ти. При виде его офицер насторожился, подтянулся, лицо застыло, как маска, в глазах появился тревожный блеск, а вся фигура приняла надменную, высокомерную позу, из которой следовало, что он ничуть не ниже вошедшего по своему происхождению, хоть и менее богат. Когда толстяк остановился напротив (не обратившись к нему ни с единым словом), офицер вынул из отворота камзола письмо.

– От его святейшества лично в руки!

Лицо толстяка удивленно вытянулось:

– От его святейшества?! Но я думал, вы приехали от герцога.....

– Его высочество получил письмо от Папы, адресованное вам. Я привез это срочное письмо. А вот записка от его высочества.

Офицер достал второе письмо (размером меньше) и с учтивым поклоном протянул толстяку. Толстяк нахмурился – было видно, что он испуган, но правила приличия заставляют насильно взять себя в руки.

– Ответ требуется?

– Мне приказано дожидаться вашего ответа и привезти его как можно скорей!

– Хорошо. Сейчас вас проведут в вашу комнату, За ночь я напишу ответ и вы сможете отправляться в путь.

– Его высочество просил вас поторопиться!

– Хорошо. Я напишу ответ как можно скорей.

Толстяк позвонил в колокольчик, и на пороге комнаты почти мгновенно появился слуга.

– Проводите господина офицера в его комнату.

Оставшись в комнате, толстяк задумчиво положил оба конверта на мраморный столик, и вытер со лба крупные капли пота.

Длинный коридор заканчивался винтовой лестницей. Посланец герцога быстро шел за слугой, почти не глядя под ноги, не замечая ни теней, пляшущих на стенах, ни коридора, по которому шел. Наконец слуга отворил низкую, оббитую железом дверь. Оказавшись в ярко освещенной комнате, офицер облегченно вздохнул. Поставив свечу на стол (хотя на столе уже стоял подсвечник с пятью зажженными свечами, и камин, затопленный давно, горел ярко и тепло, даря телу приятный уют), слуга низко поклонился:

– Прикажете подавать ужин?

– Я не буду ужинать! – отрезал офицер.

Поклонившись еще раз, слуга вышел, плотно затворив за собой двери. Офицер остался один. Теперь он мог рассмотреть комнату – конечно, не столь роскошную как то великолепное помещение, которое он покинул несколько минут назад.

Комната была небольшая, с единственным окном (без решетки), широкой кроватью со светлым пологом в глубине комнаты, столом возле стены. Убрана скромно, но добротно, и все необходимое в ней было. Но в то же время комната выглядела казенной и мрачной, как помещение, в котором долго никто не жил. Постояв некоторое время в центре и присмотревшись повнимательнее к окружающей обстановке, офицер подошел к столу и быстро задул все свечи, потом – распахнул настежь окно. В комнату, освещенную теперь только камином, ворвались потоки свежего воздуха, полного ночной прохладой, пряным запахом цветущих деревьев и трав, и терпким ароматом земли.

Ночь была грозовой. Издалека слышались раскаты грома, деревья глухо гудели от ветра, пригибаясь к земле. Окно (комната была на третьем этаже) выходило на широкую поляну за замком. Слева от поляны виднелись дома города, справа – сплошной лес. Темнота была непроницаемой, а ветер мрачно гудел над землей. Сильный удар грома чуть не расколол землю надвое, и от тяжелых раскатов жалобно застонали створки окна. Небо прорезала яркая молния, и на землю тяжело упали первые капли ливня. В тот самый момент, когда хлынул дождь, офицер легко вспрыгнул на подоконник и низко наклонился, разглядывая плющ, уходящий вниз по стене. Вся стена замка, на которую выходило окно, была увита многолетним плющом. Гром ударил еще раз, и офицер, перегнувшись через подоконник, ухватился за плющ и принялся спускаться по стене, ежесекундно рискуя свалиться вниз и свернуть себе шею. Мокрые листья и стебли скользили под руками, и спуск с такой ненадежной опорой был очень рискован, но офицер, тем не менее, упорно продолжал спускаться вниз. Он несколько раз поскользнулся и один раз чуть не сорвался, но каким-то чудом сумел удержаться на стене.

Наконец он благополучно спрыгнул на землю. Ливень теперь шел сплошной стеной, за которой ничего нельзя было разглядеть. За несколько секунд промокнув до нитки, офицер приложил руку ко рту, пронзительно свистнул несколько раз. Из-за стены дома показался конь, и, легко прыгнув в седло, посланец герцога на огромной скорости помчался в сторону леса. Конь вихрем пролетел по пустынным улицам спящего города, выбивая глухие удары из залитых водой каменных плит мостовой.

Промелькнули ворота крепости, остались за спиной часовые, спрятавшиеся от дождя в узкой будке караульной. По дороге, размокшей от ливня, выехал прямо в лес. Вскоре конь остановился возле небольшой поляны, где одиноко стояло мертвое дерево, ствол которого был расколот надвое давней молнией. Спешившись, офицер погладил коня, прошептал ему на ухо несколько ласковых слов и привязал под большой веткой, под которой вода попадала на коня меньше, заслонив от дождя своего друга, а сам продолжил мокнуть под дождем. Прислонившись к стволу, не обращая внимания на ледяные хлесткие струи, он напряженно уставился вдаль.

Вскоре появилась женщина, быстро бегущая через лес. Чтобы спрятаться от дождя, женщина куталась в темный плащ, и полы его, как крылья, развивались у нее за спиной. Всем телом подавшись вперед, он следил за ее движением. У женщины было решительное лицо, и несмотря на то, что шла сквозь тьму под проливным дождем, на нем не отражалось ни тени испуга. Казалось: ничто не может ее напугать. Конечно, ее лицо не было сосредоточено настолько, как в тот момент, когда она варила снадобье из лечебных трав над очагом, но все-таки в нем хранилась серьезность. Катерина (это была именно она) спешила вперед, вздрагивая при каждом ударе грома. Поравнявшись с расколотым деревом, не заметила офицера, который с нетерпением ждал ее приближения. Поэтому она закричала, когда выскочивший из-за дерева офицер резко развернул ее к себе, схватив за тонкие, мокрые от дождя плечи. Капюшон упал от толчка, полностью обнажив голову. Вспыхнув от радости, Катерина мгновенно расцвела под дождем.

Гром ударил с новой силой и мертвое дерево застонало, как от удара. Но ни Катерина, ни офицер не слышали этого. Их глаза слились мгновенно, прикованные друг к другу, и почти так же сразу стали – друг другом. И, казалось, оторвать их друг от друга, разъединить означало причинить чудовищную, кровавую боль. Так могли бы смотреть два диких зверя, готовых к прыжку, битве на смерть или к любви. Неистовство и отчаяние, заглушенная страсть и безудержная потеря, обладание не телами, но духом, поднимало их над землей. Он убрал руки с ее плеч, словно даря ей свободу, свой высший дар любви, зная эту истину: любить – значит, дарить свободу и крылья, а не отнимать. Оценив его дар, она прислонилась к дереву, не делая ни единой попытки уйти. Он следил за ней с такой неистовой внутренней мукой, с такой иступленной страстью, что на ее лице отразилась печаль.

– Катерина!

Голос ее прозвучал резко и зло:

– Оставьте меня в покое!

– Ты совсем не рада меня видеть?

– Нет!

– Это не правда! Ты опять мне лжешь! Сколько еще ты будешь прятаться? Зачем?

– Вы изменили свою службу? Шпионам платят больше? Намного больше? И сколько же заплатят за то, что мы встретились здесь, в лесу?

– Ты несправедлива! Мало того, ты просто не должна так говорить! Я приехал специально, чтобы..

– Я знаю, зачем ты приехал!

– Знаешь?

– Об этом знает даже последняя собака в деревне! Как правая рука этого убудка герцога, ты привез сюда специальное письмо папы, которое он не решился отправить ни с кем другим! Как только я услышала, что в город на ночь глядя явился посланец герцога, я сразу поняла, кого он послал! А про письмо Папы я слышала и раньше!

– Откуда слышала?

– Это тебя не касается!

Внезапно рассвирепев офицер встряхнул ее с силой за плечи – несколько раз, так, что волосы за ее плечами заплясали какой-то неистовый танец, и гневно заорал:

– Откуда слышала?! Говори!

Она вырвалась с такой силой, которую нельзя было от нее ожидать. Их глаза скрестились, как две окровавленные шпаги в смертельном поединке. Гнев на лице офицера постепенно сменился отчаянием. Он принялся ее уговаривать – нежно, но с явно тревогой в голосе:

– Любимая, ты не понимаешь. Я приехал за тобой, чтобы увезти тебя и Маргу. Увезти как можно скорей, завтра ночью. К утру мы обвенчаемся в ближайшей церкви, и никто не посмеет тронуть мою жену!

– Благородный господин согласен жениться на трактирной служанке?

– Немедленно прекрати! Ты же знаешь, что для меня значишь! Городу угрожает очень большая опасность. И я не могу оставить тебя здесь. Моя любовь – меньшее зло, чем то, что может случиться с тобой. Я люблю тебя больше жизни! Позволь мне просто быть рядом! Я знаю, я всего лишь бедный офицер, но я готов на все, чтобы ради тебя добиться большего! Пожалуйста, позволь мне увезти тебя отсюда! Другого выхода у нас нет.

Взяв ее руки в свои, он принялся покрывать их поцелуями. Молнии в ее глазах погасли, сменившись нежностью.

– Утром я должен отвезти герцогу ответ, но я могу вернуться за тобой следующей ночью и увезти тебя и Марту в безопасное место, туда, где никто не посмеет причинить тебе зло. Герцог любит моего покойного отца. Отец спас ему жизнь. И ради его памяти я могу рассчитывать на защиту.

– Ты преувеличиваешь эти черные тучи...

– Преувеличиваю?! Ладно. Я не хотел говорить, не хотел тебя пугать, но теперь расскажу. Солдаты оцепят город за одну ночь и останутся в нем до приезда папского легата. В письме... Сейчас я скажу тебе то, о чем не знает никто. Меня казнили бы, если б узнали, что я собираюсь выдать тайну. Герцог доверяет мне. Так вот: епископ не смирился с потерей этих земель. Он представил королю бумаги о секте люцифериан, которые свили гнездо здесь, в лесах. Он сумел убедить короля в том, что население города погрязло в страшной ереси и представляет опасность и для короны, и для папского престола. Король разрешил епископу владеть этими землями, если он немедленно погасит очаг ереси. Епископу это и было нужно. Он знал, что открытый захват земель угрожает войной. Здесь достаточно сил, чтобы оказать сопротивление в мечом в руке, если это потребует. Епископ не обладает военной мощью. Его силы малочисленны. Он решил победить город хитростью. Заручившись поддержкой папы и пообещав двадцать процентов дохода с новых земель каждый месяц, епископ вызвал специального папского легата, который приедет в город завтра утром и устроит в нем террор. Епископ от лица папы посылает в город инквизитора. Задача инквизитора – уничтожить ровно половину населения города, а вторую – поставить на колени и выбить из их головы любую мысль о сопротивлении. Когда все завершится, чтобы очистить грязную, бесовскую землю, зараженную ересью, король передаст эту землю во владение духовному лицу, то есть епископу. Тот для очистки совести построит монастырь и будет владеть землями по своему усмотрению. Епископ обладает страшной силой в данный момент потому, что его единственный племянник – последний фаворит короля.

– Но герцог? Зачем герцогу ввязываться в это грязное дело? Я так поняла, что герцог полностью поддерживает захватнические усилия епископа и даже оказывает ему силовую помощь – дает войска. Зачем?

– На самом деле все просто. Епископ обещал герцогу серебряный рудник в горах. Кроме того, епископ обещает закрыть глаза перед Папой и королем на внебрачную связь герцога с иудейкой Рахилью, связь, от которой родилось двое незаконных сыновей. Сплетни (честно говоря, это больше напоминает настоящую семью, чем законный брак герцога) дошли до ушей папы и короля и вызвали много толков. Король был в гневе... Епископ пообещал герцогу оправдать его и перед Папой, и перед королем, что герцогу очень выгодно.

– А бургомистр, которому ты привез письмо?

– Я привез два письма. Одно – официальное извещение от папы о завтрашнем приезде инквизитора с требованием предоставить ему роскошные личные покои, казематы для работы Священного Судилица, а так же собрать все население города на торжественную мессу в честь приезда инквизитора, после которой тот обратится к населению с речью. И второе – не официальное, от герцога, в котором он предлагает бургомистру следующее. Либо он принимает сторону епископа и помогает во всем (то есть перебить большую часть населения города, а оставшихся запугать). В этом случае епископ оставляет его заместником. Либо (если начнет мешать

работе инквизитора) он будет арестован как еретик вместе с семьей и дальнейшую его участь будет решать Священное судилище. К утру он должен дать мне ответ. В случае отрицательного ответа мне приказано арестовать его, заключить в крепость и самому встречать инквизитора. А в случае положительного я возвращаюсь обратно к герцогу, а бургомистр исполняет свои функции. Я уверен, что ответ будет положительным. У него нет выбора. Он не станет рисковать всей своей семьей и примет предложение епископа.

– И ты будешь спокойно участвовать в этой гнусности?!

– Выбора у меня нет! Герцог не знает, что меня волнуют две судьбы – твоя и Марты. Теперь ты видишь, какая беда приближается сюда?! Тебя могут арестовать и казнить как ведьму! Кто-то донесет, и ты погибнешь на костре вместе с Мартой! Ее не пощадят!

Она отвела глаза в сторону, и вся кровь отхлынула от лица. Он прочитал ее страх.

– Значит, ты согласна?

Женщина улыбнулась с огромной нежностью:

– Ты не спросишь, откуда я шла?

Он лукаво улыбнулся в ответ:

– А я знаю. Поэтому и ждал тебя здесь. Я слышал на постоялом дворе по дороге сюда, что старый колдун, живущий в лесу, тяжело заболел и ему становится все хуже и хуже. А уже здесь, когда был в замке, подслушал разговор служанок, что сын колдуна прямо ночью повел к нему знаменитую травницу Катерину, и она до сих пор не вернулась домой. Где находится пещера колдуна, я знаю (однажды сопровождал к нему герцога, тот хотел, чтобы колдун ему погадал. Но гадание вышло плохим, потому, что герцог был очень расстроен). Я знал, что обратно ты будешь идти через лес, и стал ждать тебя здесь.

Когда она позволила себя поцеловать, он спросил:

– Ты убежишь со мной завтра ночью?

– Да.

– Завтра в полночь, здесь, на этом самом месте, жди меня с девочкой. Я тайно выведу вас из города. Утром мы обвенчаемся в ближайшей церкви. Ты обещаешь прийти?

– Да. Обещаю.

– И ты выйдешь за меня?

– Да.

– Мы будем очень счастливы, любовь моя! Очень счастливы!

Молния осветила расколотое дерево и счастливых влюбленных. Катерина обхватила руками его шею, спрятав голову на любимой груди. Вспышка молнии осветила маленькую серебряную точку. На груди Катерины блеснул небольшой медальон.

2009 год, история главного героя

Он остановил машину возле ангара. За ангаром, с другой стороны дороги, открывалось поле. До входа в ворота нужно было пройти совсем немного по бетонной дорожке, густо поросшей травой. Металлический ангар блестел. Несмотря на то, что краска не успела облезть, все вокруг дышало той особой атмосферой заброшенности, которую невозможно было спутать ни с чем. Здесь давно уже не ощущалось присутствия человека, но все как будто ждало. Ждало – именно его. Было особенно приятно так думать, тем более, что ничто не нарушало приятный покой его мыслей.

Стоило пройти вперед по бетонной дорожке несколько шагов, как в отдалении открывался кусочек хай-вэя с яркими дорожными знаками, и прямо над ними – свинцовое, тяжелое небо. Но даже это темное небо, этот пугающий своим бессмысленным размахом хай-вэй были его наградой, той истиной, настоящей наградой, к которой он шел столько лет. Шум машин и гудение электрических проводов не мешали ему. Он хотел насладиться своей наградой в одиночестве.

Раньше его наградой был сам бой. Когда под слепящий свет прожекторов он выходил на ринг под аккомпанемент воплей толпы, его жизнь неслась со скоростью ускорения на видеопленке. Пульс был в минуту – 250, и другой жизни он не знал. Это пьянящее ощущение, предвкушение новой победы пьянило его кровь почище любого наркотика.

Толпа, зрители, люди вокруг ринга, вся та свора прихлебателей и случайных людей, всегда окружающих чемпиона, думали, что он выходит на ринг, прекрасно умея себя сдерживать и сохраняя ледяное спокойствие. Как они ошибались! Главным его недостатком было то, что он никогда не чувствовал ледяного спокойствия, необходимого для абсолютной победы. Бешеное биение пульсов и кипение крови часто уносили от него ту долгожданную, выстраданную победу. Может, из-за этого неумения сконцентрироваться, охладить себя в нужный момент, он так и не стал чемпионом. К тому же, он шел не на ринг, и это был не спорт. Он шел на бой. И каждый раз все, происходившее с ним, было настоящим боем.

Он не знал, как именно это произошло. Просто в какой-то определенный момент он почувствовал себя воином, сжимавшим сталь окровавленного клинка. Воином света, стоящим над всем миром. Свет отражался от стали его меча. Мысленно он заносил смертоносное оружие над головой и с обнаженной грудью рвался в самую гущу схватки, туда, где под жесткой сталью клинка крушились вены и кости. Он жадно пил воздух боя, впитывал всем своим существом. Бой дарил столько адреналина, что никогда больше он не мог жить другой жизнью. Любое другое существование было подобно тюрьме. Даже если е имели границ сковавшие его стены. И не важно, что бои по саньда проводились без оружия, и что никогда перед выходом на ринг он не сжимал в своей руке меч.

Он чувствовал себя так, словно был воином древних времен, свирепым и отважным, вставшим на смерть против враждебного мира.

Но, несмотря на то, что его главной наградой был сам бой, он сделал весьма посредственную спортивную карьеру. Может, этому способствовало то обстоятельство, что саньда не было так известно и популярно, как бокс. К тому же, на эти бои ставились не такие уж большие деньги. Он выигрывал и подавал надежды, но затем стал терпеть поражения – одно за другим. Возможно, по той причине, что так никогда и не смог овладеть настоящим спокойствием, техникой «холодной воды». К тому же, он не умел импровизировать, и, заучив в доскональности несколько удававшихся приемов, не знал точно, в какой момент нужно менять свою технику.

Он знал главное правило великого бойца: превращаться в «ледяную воду» перед боем. Концентрировать такое спокойствие, в котором, как в ледяной воде, будут отражаться все приемы его противника, и тогда, угадывая их с полужизни, он получит возможность предугадывать.

Некоторые достигали такого спокойствия духа с помощью медитации. Некоторые – с помощью природного таланта и долгих тренировок. Ему же не удавалось, он изо всех сил рвался вперед, не понимая простой истины: трава, стоптанная бешено скачущим конем, никогда не даст новых ростков и не укажет верной дороги. Позади останется лишь бескрайняя пустыня – и больше ничего. Разглядеть в ней путь – невозможно. Он жил боем, но был больше теоретиком, чем практиком. Талантливым стратегом, но не исполнителем. Позже он мучительно переживал свои ошибки, понимая их суть, но исправить все было уже поздно.

Цепь поражений прервала тяжелая травма спины, приковавшая его к постели на несколько месяцев. После этого он прекратил выступать и перешел на тренерскую работу. Он устроился тренером в один частный клуб, проводивший соревнования каждые выходные. Профессиональные бои в клубе были поставлены на поток. Выжившие спортсмены поднимались выше по карьерной лестнице, становились звездами и зарабатывали неплохие деньги. Но таких были единицы: невыносимо тяжело было драться каждые выходные с разными противниками, и так – месяц за месяцем.

Он по-прежнему жил боем, но, к его огромному удивлению, теперь его способности раскрылись больше, чем в тот момент, когда он сам выходил на ринг. Теперь он мог поставить бой, видел все ошибки со стороны, умел разработать для бойца нужную тактику, которая почти всегда приводила к победе. Тренируемые им ребята очень скоро пошли вверх, и стали лучшими в клубе.

Через некоторое время его перекупил другой, более крупный, клуб, и тут впервые ему стали платить так, как он того заслуживал. Это был элитный бойцовский клуб. Еженедельные соревнования исчезли, зато появились неофициальные бои в казино, на которых ставились огромные деньги. Бои проводились тайно, за закрытыми дверями, и очень часто спортсмены возвращались с них серьезно травмированными. Некоторым даже приходилось навсегда оставить спорт. Теперь его задачей стало разработать универсальную практику, которая бы максимально предохранила от травм, но позволила бы добиться абсолютной победы. О есть смысл был таков: не давайся сам, калечь другого. Прошло время – и тактика была оценена по достоинству. Его спортсмены страдали меньше других (что сэкономило клубу расходы на их лечение), зато выигрывали больше всех остальных.

Именно тогда он решил открыть свой собственный клуб, в котором не станет использовать людей, как рабов, и где он сможет учить всех желающих созданному им искусству боя. Открыть клуб – прекрасная вещь, но для этого необходимы деньги. Денег у него не было. Он стал собирать, но к концу третьего месяца понял, что такими темпами ему удастся скопить нужную сумму лет через сорок.

Однажды в казино один из серьезных деловых людей (из тех самых, о которых всегда было принято говорить только шепотом) спросил его, не хочет ли он одолжить своих ребят для одного дела. За хорошую оплату, конечно. Нужно выбить долг кое из кого. Дело не серьезное, не опасное – так, припугнуть только. И он согласился.

С тех пор о дополнительном источнике его заработка знали не многие. И для него не было никакого значения, если кого-то из тех, кто имел дело в его ребятами, находили по утрам мертвым... Он закрывал на это глаза так же, как закрывают их на плохую погоду, ворчливую соседку, злую собаку, гавкающую из чужого подъезда. У него была мечта: открыть свой клуб. А ради мечты (он знал) нужно жертвовать.

Потом был ночной звонок. Трубку взяла жена, и, шурясь заспанными глазами, удивленно сказала:

– Тебя. Международный. И говорят по-русски!

Это было удивительно (он постепенно отвык слышать русскую речь), и – приятно. Звонил его школьный друг, с которым он уже работал вместе. Он выполнял для него кое-какие тайные дела, всегда легкие и хорошо оплачиваемые. Чаще всего это была охрана каких-то тайных

грузов. Реже – разборки с кем-то, выпадающим из общей, слаженной цепи. Но его друг никогда не звонил ему домой, тем более – ночью. Он всегда тщательно следил за разницей во времени. С первых же слов, по интонации он понял: что-то произошло. И действительно: друг вскоре перешел к делу.

– понимаешь, тут ситуация несколько необычная. Но ты единственный, к кому я могу обратиться. А гонорар будет огромным!

Когда друг назвал сумму гонорара, он чуть не упал с кровати. Этих денег было достаточно для открытия клуба, и даже хватало, чтобы обеспечить первый год работы, когда клуб еще не будет приносить прибыль. Путаясь и сбиваясь, друг рассказал суть дела. Его вместе со своими ребятами просили отправиться в Россию, в крошечную деревушку в Смоленской области и там отнять у священника некую старинную книгу. Получить книгу можно было любым способом: купить, отобрать, запугать и заставить отдать, украсть. После этого он должен отдать книгу определенному человеку, и задание считалось законченным. Деньги он получал сразу по возвращении домой. Задание было таким легким, а деньги – такими большими, что, не долго думая, он согласился.

Он выбрал троих ребят, говорящих по-русски – недавних эмигрантов и бывших боксеров. Его немного смущал этот выбор, так как с ними он еще ни разу ни работал. Но, думая, что, раз едет сам, то и сможет держать их под контролем, все-таки остановил свой выбор на них.

Но неприятности обрушились сразу. Старик-священник не хотел пугаться и вел себя так странно, что эта странность не укладывалась ни в какие рамки. К тому же, в России было очень холодно, и он простудился в первый же день. После первой встречи со священником ему стало совсем плохо: температура поднялась до 39, ломило все тело, его жутко лихорадило и знобило. Встать с постели он не мог.

– Да не волнуйтесь вы так, босс! – успокаивал его один из них, бывший боксер лет 30-ти, родом из Санкт-Петербурга, – сами справимся, все будет в ажуре. Выкрадем книжку. Старый хрыч ее в церкви прячет, мы подследили. Не волнуйтесь! Все будет хорошо.

Но хорошо не было. В ту ночь они вернулись только под утро, и пахло от них гарью...

– Сгорел священник. Дом его случайно занялся... как пить дать сгорел.

Черный ком льда поднялся вверх, парализовал его горло. Внезапно он почувствовал такой ужас, какого прежде не испытывал ни разу...

– как это произошло?

– Да случайно, босс. Мы не хотели... – боксер бросил ему на кровать массивный сверток, – а книжка – вот она.

Он не прикасался к книге до приезда нужного человека в гостиницу. Он даже не хотел видеть, как именно она выглядит. По дороге домой, в самолете, он не мог отделаться от этого чувства ужаса, от того, что люди, за которых он отвечает, повинны в таком ужасном убийстве... Да еще и убийстве священника...

Но дома, прямо на следующий день, ему принесли пакет. В этом пакете был гонорар за удачно проделанную работу.

Он постарался избавиться от тех, с кем ездил в Россию. Продал их в другой клуб. А на полученные деньги купил ангар бывшей фабрики – огромное помещение за городом, очень подходящее для его клуба. Ангар требовал переоборудования и ремонта, но это были уже мелочи. Когда, окрыленный исполнением своей мечты, он шел по бетонной, густо заросшей травой дорожке, его больше не тревожили те черные, ужасающие предчувствия, которые охватили душу его в ту страшную ночь перед рассветом, в далекой смоленской гостинице.

2013 год, Восточная Европа

Огонь в камине почти угас. Не было слышно дыхания его спутников. Казалось, они растворились в темноте.

Он пытался понять, что происходит в замке, но очень скоро увидел возле окна какую-то тень. Он приподнял голову и с усилием заморгал глазами. Тень не исчезла – наоборот, становилась все отчетливей и ясней.

Мозг оставался четким, точно фиксировал факт: он что-то видит возле окна. И это что-то приближается к нему, подходит все ближе и ближе. Призрак. Ужаса он не испытывал, только какую-то странную смесь облегчения и любопытства, словно его инстинкт самосохранения подсказывал, что он в полной безопасности. Тень увеличивалась в размерах, приближаясь к его кровати.

Это была фигура женщины в белом, и уже через несколько мгновений он увидел, что на ней было длинное платье или какая-то странная рубаша до пят, а может, и ряса монахини. Потом он увидел лицо женщины (вернее, молодой девушки). Она была невероятно красива, но эта красота не была обыкновенной человеческой красотой. Черты лица проступали слишком резко, и было в нем что-то злое. Девушка как две капли воды походила на исступленные лица с мистических икон, изображавших либо слуг дьявола, либо загадочных язычников. Слишком много красок было в ее лице, слишком много огня. В ее огромных глазах было откровенное исступление, а губы, казалось, вот-вот зайдутся в безудержном крике. Одержимость исказила все черты ее лица.

Древняя одержимость таинственных потусторонних сил... При взгляде на ее красоту хотелось замереть не от восхищения, а от ужаса. Она была нечеловеческим существом, но он ее не боялся. Он чувствовал, что по отношению к нему от призрака не исходит ни агрессии, ни опасности, ни тревоги.

Внезапно пришла странная мысль – о том, что девушку можно назвать ангелом с душой и лицом дьявола. Ангел дьявола... И сам поразился точности этого сравнения! Она остановилась возле его кровати, почти вплотную к нему. Так близко, что он мог бы дотронуться до нее рукой – но только не смел. Что-то в глубине души подсказывало, что это ни в коем случае нельзя делать. Немного наклонив голову, она пристально вглядывалась в его лицо... С непонятной жадью, в которой он разглядел глубокую печаль. Потом сказала – тихо, но отчетливо (так отчетливо, что каждое ее слово словно отпечатывалось в его мозгу):

– Не надо меня бояться.

– Я не боюсь, – он поразился тому, что голос его не дрожал. На ее губах быстро появилось беглое подобие улыбки, и так же мгновенно исчезло.

– Ты должен слушать меня, если хочешь выйти отсюда.

– Выйти? Отсюда? Разве я не смогу?

– Нет. Без моей помощи – нет. Но я тебе помогу.

– Кто ты?

– Разве ты не узнаешь меня?

– Я тебя видел?

– Одно мгновение. Ты не узнаешь меня?

– Нет. Кто же ты?

– Та, кто станет твоей дорогой. А ты станешь моей. Я так долго искала тебя!

– Я стану твоей дорогой?

– И я пойду по ней – очень быстро. Так быстро, что никто не сможет меня догнать!

На лице девушки появилось отрешенное, почти мечтательное выражение... И это почему-то вызвало у него тревогу.

– Ты живешь здесь? – услышав его вопрос, она вздрогнула (он слишком явно отвлек ее от приятных мыслей), и на какое-то мгновение ее лицо стало очень злым....

– Нет. Я жила здесь раньше.

– Где мы находимся? Что это такое?

– Разве ты не знаешь? Вы в монастыре!

– В монастыре?! Но это совсем не похоже на монастырь! Скорей на город....

Девушка снисходительно улыбнулась:

– Ты ничего не понимаешь. В городах же существуют монастыри? Но времени становится все меньше и меньше....

– Почему? Времени – для чего?

– Час близится. Она любит этот час. Это ее время.

– Кто – она?

– Послушай меня, если хочешь выйти отсюда. Ты должен слушать очень внимательно. Время уходит. Я буду говорить быстро. Запомни: ты не должен бояться. Прежде всего – ты не должен бояться. Убей в себе страх. Смерть станет твоим другом. Смерть окажет тебе помощь. Ты не должен бояться ничего, и в первую очередь – своего друга смерть. Теперь слушай дальше. Ты должен встать очень тихо с кровати и подойти к левому окну. Ты должен двигаться бесшумно, сделать свое тело почти невесомым, как умеешь.

– Почему? Зачем?

– Прекрати задавать глупые вопросы! Ни времени, ни выбора у тебя нет! Ты должен слушаться меня, если хочешь выйти отсюда! Без меня ты не сможешь выйти! Не бойся ничего! Я не причиню тебе вреда. Подойди к левому окну. Под ним одна доска отстает от пола. Подними ее вверх и забери то, что найдешь под ней. Там будет сверток. Возьми его, спрячь на груди и возвращайся в свою постель. Теперь слушай дальше. Огонь в очаге погаснет, и ты не сможешь разглядеть то, что внутри. Да и времени у тебя уже не будет. Ни в коем случае не держи сверток в руках, когда пойдешь за ее посланцем, иначе вы трое погибнете сразу. Погибнете все. Когда придет миг спасения (а ты почувствуешь его, твое сердце подскажет, когда не будет слишком поздно), выхвати сверток правой рукой и направь, не разворачивая, ей в лицо. То, что находится внутри, подействует даже через холст, и спасет жизнь всем трем. Ты все понял? Тогда иди немедленно, не теряя ни минуты!

Девушка высоко подняла голову, сделала угрожающий жест и голос ее стал грозным:

– Вставай!

Двигаясь медленно (как в кошмаре) он поднялся с кровати и встал, подчиняясь повелительному голосу незнакомки. Сделал несколько шагов по направлению к левому окну, не глядя на девушку. Потом обернулся. Призрак исчез. Огонь в камине погас полностью, и он оказался в сплошной темноте. Он уверенно пошел вперед, двигаясь наугад. Вот и левое окно. Он увидел слабое, едва заметное свечение внизу. Оно шло прямо из-под досок пола. Опустившись на колени, он прикоснулся к дереву рукой. Половица была чуть теплой. С легким скрипом доска поддалась вверх. Он вытащил из образованного отверстия плоский холщовый сверток. Именно от него шло свечение – легкий синеватый свет пробивался из-под грубого холста. Хотел развернуть сверток, но, вспомнив слова девушки, отдернул руку. Быстро спрятав за пазуху, он бегом вернулся в постель и там застыл, натянув одеяло до подбородка. Его нервы были напряжены до предела. Спокойствие сменилось какой-то острой, напряженной тревогой.

Он хотел закрыть глаза, но не успел. В комнате вспыхнул ослепительно яркий свет.

2009 год, история главного героя

В день открытия его клуба выдался самый жаркий день в году. Уже в десять утра солнце палило нестерпимо. Стоило долго находиться под прямыми солнечными лучами, и на коже выступали жуткие ожоги, причиняя мучительную боль. Солнце полыхало над городом раскаленным огненным шаром. С восьми утра он сам вместе с ближайшими учениками натягивал над лужайкой полосатый тент, который должен был подарить спасение от жары.

Может, дело было в жаре, но презентация клуба прошла очень плохо. Из приглашенных газетчиков и телевизионщиков не приехал почти никто. Показательные выступления его учеников тоже прошли скверно, почти все из них позабывали формы и делали те самые грубые ошибки, исправить которые на тренировках ему удавалось с огромным трудом. Напитков и закусок не хватило. Что же касается речи, то из присутствующих его не слушал никто. Люди думали только о тени, ледяных напитках, кондиционерах и о том, как бы оказаться поближе к воде. Поэтому из всего оборудования спортзала присутствующим больше всего понравились душевые, а современные тренажеры и диски с пособиями новейших методик тренировок никто даже не заметил.

Дома, раздраженный неудачным открытием, он сорвал свою злость на дочери и жене, накричав на обеих абсолютно без повода. Но он даже не предполагал, что настоящие проблемы ждут его только потом. И что открытие его клуба не принесет ничего, кроме новых проблем....

Проблемы и волнения начались с первого дня. В мире спорта не любят конкуренции, и особенно ее не любят в мире криминального бизнеса. Что только не сваливалось ему на голову! От начавшихся финансовых проблем до хулиганов, посланных конкурентами, чтобы побить стекла. К тому же, вдруг выяснилось, что из теневого бизнеса никто и не собирается его отпускать. Ему потребовались невероятные усилия, чтобы хоть как-то вырваться.

Всего было так много, что он дневал и ночевал в клубе, возвращаясь домой только для того, чтобы поспать несколько часов, а затем умчаться прочь. Он почти забыл о том, что у него есть семья, и если думал когда-то о своей семье, то только о маленькой черноволосой девочке, его девочке, которая светила ему, как настоящее солнышко, только вот греться в лучах этого тепла он мог все реже и реже. Но, осознавая это и тоскую о своей дочке, у него было мало времени даже для того, чтобы предаться тоске.

Прошло полгода. Дела почти утряслись. Его клуб стал набирать обороты, а после того, как два его ученика добыли абсолютную победу на очень престижных турнирах, он поднялся просто на небывалую высоту. Клуб стал пользоваться популярностью, и к нему повалил поток новых учеников. Переложив административную работу на плечи своего заместителя, а финансовую – на бухгалтера, он смог заняться и тренировками и личным отбором новых учеников. С каждым днем их было все больше и больше.

Большинство из них были очень богаты и толсты. Они насмотрелись боевиков и возомнили себя нечто средним между Тайсоном и Джеки Чаном. Специально для таких «любителей кино» он организовал так называемые «группы здоровья» и нанял двух тренеров из своих же учеников. «Пациенты группы здоровья» платили больше, чем те, кто занимался для спортивных целей (те же, кто выступал в подпольных боях, к примеру, в казино, само получали не плохие деньги), но это их не смущало. Они упивались тщеславием – тем, что тренируются в престижном бойцовом клубе, а их деньги составляли неиссякаемый, обильный поток.

Когда в один из темных осенних вечеров в двери клуба вошел тот человек, он сразу понял – этот никак не относится к группе здоровья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.